

Прочитайте и подарите тому, кто сомневается

ФОМА

"Подай руку твою и вложи в ребра Мои;
и не будь неверующим, но верующим."

(Иисус Христос Апостолу Фоме.
Евангелие от Иоанна, гл.20, ст.27)

№10
2000

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

"ФОМА"
православный журнал
для сомневающихся

Для тех, кто искренне хочет разобраться и получить ответ на вопросы о смысле жизни, о необходимости и месте в ней веры, но не уверен или не понимает, зачем для этого нужно идти в Церковь.

Наш журнал адресован тем, кому не все равно, зачем мы живем и умираем, кто хочет понять смысл двухтысячелетней церковной традиции.

"Фома" не ставит своей целью просвещение "темных" и обращение "заблудших" - мы просто хотим искренне и открыто говорить о вере, любви, радости и боли.

И может быть, если все мы сохраним эту искренность и жажду понять, истина явится нам... Как когда-то давно сам Христос явился измученному Фоме.

Чтобы тот, наконец, поверил...

* * *

В земные страсти вовлеченный,
я знаю, что из тьмы на свет
шагнет однажды ангел черный
и крикнет, что спасенья нет.

Но, простодушный и несмелый,
прекрасный, как благая весть,
идущий следом ангел белый
прошепчет, что спасенье есть.

Булат Окуджава

КАК ВЕСТИ СЕБЯ С "НЕЛЮБИМОЙ" ЖЕНОЙ

Мы с женой вместе десять лет, у нас, поверьте, бывало всякое... Иногда она не выдерживала и начинала говорить, что я больше не люблю ее и что нам надо развестись. Я уверен, что она говорила это не потому, что сама разлюбила и хотела развода - она боялась, что разлюбил я, и пыталась понять, что кроется за моей обидой и охлаждением к ней. И я всегда отвечал: нет, я люблю тебя, мы друг друга любим, и мы никогда не разведемся. Эти слова произносились совсем не легко и не сами собой... Бывала на душе такая пустота!..

6

БЕСЕДА С МИТРОПОЛИТОМ АНТОНИЕМ СУРОЖСКИМ

- Самое основное - это встреча с Богом и то, что человек встретил Бога, выбрал Его своим Богом, посвятил Ему свою душу и жизнь. И если бы человек жил в отрыве от всего христианского общества, то он мог бы на этом остановиться. Например, в древности люди узнавали о существовании христианской Церкви, принимали крещение и порой больше никогда не имели общения с Церковью, потому что жили в других частях римского государства или в местности, где не было христианских общин и священников. Поэтому, конечно, главный вопрос в том, чтобы сохранить в себе этот живой опыт встречи с Богом.

ДИАКОН АНДРЕЙ КУРАЕВ. СТРАШНЫЙ СУД

При словах "страшный суд" положено испытывать страх и трепет. Страшный Суд - последнее, что предстоит людям. Когда истечет последняя секунда существования Вселенной, люди будут воссозданы, тела их вновь соединятся с душами - чтобы

все-все смогли предстать перед Творцом...

14

"ВРЕМЯ ДОРОГИ" МАКСИМА ЯКОВЛЕВА

Ниточка уже не металась, не дышала тяжко, растянув колечком сухие губы, второй день, как лежит она с раскрытыми глазами и молчит. Слушает всех и молчит... В тот день Ниточка заговорила. После очередного "чего тебе хочется" вдруг что-то ответила. "Что?.. Что ты сказала? Повтори, деточка..." - тут же насыла на нее медсестра, и в натянувшейся паузе, как из другого мира, прозвучало чуть хрипловатое Ниточкино - "чтобы меня любили"... "Что, что? - опять не поняла медсестра. "Чтобы меня любили", - повторила она.

27

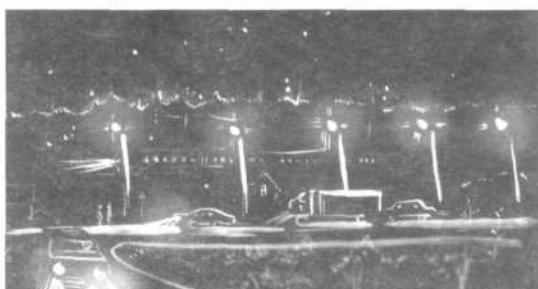
АЛЕКСАНДР ДВОРКИН. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА В МОСКВУ

В сектах есть правила, обязательные для всех, и есть механизмы контроля, чтобы проследить, как человек эти правила исполняет. В Православии же нет механизма контроля. У нас никто не приходит к человеку домой, не заглядывает к нему в холодильник, никто не стоит со свечкой у него в спальне и не смотрит, когда он живет со своей женой и как. Этого нет. Человек сам принимает решение и сам несет ответственность за свои поступки.

48

ДНЕВНИКИ МИССИОНЕРА

Постоянно видишь людей, говорящих о противоречиях в Православии. А жизнь и любовь живы в противоречии. Почему-то никто не спорит с тем, что житейская мудрость парадоксальна и что человек прямолинейный оказывается особенно жесток и неумен...

ПРАКТИКА ВЕРОЯТНОСТЕЙ АЛЕКСАНДРА ЛЮБИМОВА

Ведь проблема добра зачастую в том, что нет менеджеров! Потому что менеджеры занимаются зарабатыванием денег, а это, как правило, не есть добро. Но ведь тратить правильно деньги, тратить их на хорошие дела нужно тоже уметь. Если ты просто дашь человеку 20 000 долларов - сумму, которую он никогда в жизни не видел - то он может даже сойти с ума, или напиться и потерять эти деньги, у него могут их отобрать и т. д. Поэтому нужно все контролировать до конца...

67

КАК ВЕСТИ СЕБЯ С "НЕЛЮБИМОЙ" ЖЕНОЙ

**Ответ на вопрос, поступивший
на вебсайт "Фома-центра"**

Как вести себя с нелюбимой женой, если чувствуешь, что становишься хуже, не можешь больше молчать, когда она бранится и видишь, что ей это тоже не нужно?

Александр

Прежде всего, Александр, я хотел бы сказать, что на Ваш вопрос очень тяжело отвечать. Жизнь такая разнообразная, судьбы не похожи одна на другую. Трудно заочно определить, что же НА САМОМ ДЕЛЕ у Вас происходит. Лучше всех в этом разобрался бы Ваш духовник, священник, который знает Вас и Вашу жизнь. И то, что я здесь напишу - не более чем приглашение к разговору, плод частных размышлений и личного опыта человека, который считает себя православным христианином. Прошу Вас только поверить, что для меня это совсем не отвлеченная тема.

Вот строки из принятого совсем недавно, на Юбилейном архиерейском Соборе, документа под названием "Основы социальной концепции Русской Православной Церкви":

В 1918 году Поместный Собор Российской Православной Церкви в "Определении о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью", признал в качестве таковых, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим. В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой абORTA при несогласии мужа.

Причины для развода... Их все больше, но в основе лишь одна первопричина, одна фраза: "я не люблю".

Мы с женой вместе десять лет, у нас, поверьте, бывало всякое... Иногда она не выдерживала и начинала говорить, что я больше не люблю ее и что нам надо развестись. Я уверен, что она говорила это не потому, что сама разлюбила и хотела развода - она боялась, что разлюбил я и пыталась понять,

что кроется за моей обидой и охлаждением к ней. И я всегда отвечал: нет, я люблю тебя, мы друг друга любим, и мы никогда не разведемся. Эти слова произносились совсем не легко и не сами собой... Бывала на душе такая пустота!..

Но проходило время, и оказывалось, что мы по-прежнему вместе, и к нам приходило намного большее чувство любви, чем то, которое мы испытывали раньше...

Александр, дело в том, что, скорее всего, избранный Вами человек не является в Вашей жизни случайным. Если Вы сейчас задаете вопрос и переживаете, что жена "нелюбимая" и что вы все ругаетесь, то, вероятно, Вы ее любите. Хотя бы за то, что было между вами в вашей прежней жизни. И я думаю, что вы и сейчас способны любить друг друга. Может быть, перед вами просто очередной барьер, который отделяет одну степень взаимопонимания от другой, новой и более высокой?

Слушая рассказы людей, переходящих от одного любовного увлечения к другому, я видел всегда, что они очень мало успевают узнать о тех, кого якобы "мимолетно, но страстно любили". Каждый раз они спотыкаются на самом первом барьере, когда становится невозможно продолжать демонстрировать друг другу только свои достоинства и приходится принять еще и тот факт, что у человека есть недостатки.

У Вас в отношениях с женой наверняка было несколько таких барьеров, но Вы их превозмогали - и Вы не можете не знать, что после кризиса, если не поддаться настроению, люди открываются в новом свете, и любовь только укрепляется.

Возможно, самое главное, что можно сделать в такой ситуации, это сказать сначала себе, а после своей жене, что любовь никуда не ушла. Может быть, вообще - ЗАПРЕТИТЬ СЕБЕ ГОВОРИТЬ "НЕ АЛЮБЛЮ"? Стоять на том, что невозможно просто так отбросить все хорошее, что пережили вместе с женой! Что любовь не может просто так исчезнуть?

Церковь считает, что мужчина - глава семьи. Это не просто разделение ролей, это (вне зависимости от того, кто моет полы, а кто зарабатывает деньги) означает для меня как мужа, что Я ПРИНИМАЮ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ В СЕМЬЕ И НЕСУ ЗА НЕГО БОЛЬШУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ - КАК ГЛАВА СЕМЬИ. Это - миссия мужчины.

Кроме этого, хотя православные и не пытаются совершенно запретить развод, однако христианское сознание все же воспринимает развод как катастрофу, после которой приходится практически с нуля начинать поломанную, исковерканную жизнь.

И если я для себя "отменил и запретил" развод и решил, что я в любом случае должен прожить жизнь именно с этим человеком, то многое встает на свои места. Я же не скажу, что раз мама со мной ругается, то она больше не моя мама! - так научившись мыслить и о своем браке.

Именно сознание невозможности развода уберегало нас в тяжелейшие моменты, когда казалось, что все уже вот-вот рухнет.

Конечно, тут все держится только "на честном слове", а сейчас "слово чести" воспринимается как анахронизм, что ли... Но что бы ни говорили, слово, одно короткое слово может прорости в жизнь и скрепить всё.

Христианство всем говорит о необходимости жертвовать, даже жизнь свою положить. Семья для христиан - малая Церковь, и слова онесении Креста (то есть о самопожертвовании) относятся и к ней.

В какой-то момент обязательно придется жертвовать. Но не семьей же! Может быть, надо все-таки попробовать? Плюнуть на то, что так жалко себя, своих сил, своих нервов. ПОЖЕРТВОВАТЬ всем этим ради другого человека... Потому что настоящая любовь, настоящее супружество - это не когда обладают и наслаждаются любимым, а когда, напротив, готовы отдать себя ради счастья любимого человека. И это одинаково относится и к мужчине, и к женщине. Только на мужчине все же ответственность больше.

"Иго Мое благо и бремя Мое легко" - слова из Евангелия... Возможно, именно жертва - жертва терпения и верности - открывает подлинный смысл жизни и обнаруживает, год за годом, что муж с женой, оказывается, способны любить друг друга все сильнее - так, как даже и не предполагали.

Лишишь бы не совершить этой ошибки: не впустить в себя слова "не люблю"...

Владимир ГУРБОЛИКОВ

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ:

**“Я НЕ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК,
НО ВСЕ,
ЧТО Я ГОВОРЮ О БОГЕ -
ПРАВДА...”**

Древний христианский храм,
построенный кельтами. Англия

- В наш журнал пишут разные люди, как правило, искренне ищащие Истину. Часто нам задают один и тот же вопрос, сформулировать который можно так: Зачем ходить в храм, выполнять какие-то правила, придуманные священниками? Ведь человек уже встретил Господа, зачем же эту светлую встречу омрачать какими-то условностями: заучиванием молитв, чтением всевозможной церковной литературы? Ведь самое главное в жизни человека уже произошло: он уверовал!

- Самое основное - это встреча с Богом и то, что человек встретил Бога, выбрал Его своим Богом, посвятил Ему свою душу и жизнь. И если бы человек жил в отрыве от всего христианского общества, то он мог бы на этом остановиться. Например, в древности люди узнавали о существовании христианской Церкви, принимали крещение и порой больше никогда не имели общения с Церковью, потому что жили в других частях римского государства или в местности, где не было христианских общин и священников. Поэтому, конечно, главный вопрос в том, чтобы сохранить в себе этот живой опыт, опыт встречи с Богом.

Наше богослужение, церковные правила развивались очень постепенно, и развивались они в помощь, а не в ограничение молитвенной свободы или лирической открытости Богу. Иногда у нас нет слов. Рвется душа к Богу и хочет Ему что-то сказать, но слов нет. А если посмотреть в молитвенник, то можно найти слова, которые написали святые. Потому что они тоже оказались в таком же положении, им хотелось что-то сказать от себя Господу. И они это выразили в той или иной молитве.

Но тут надо учитывать то, что, во-первых, совершенно немыслимо идентифицироваться, слиться с десятком молитв вечернего или утреннего правила, как будто они просто твои. Ведь каждая из них написана каким-то одним святым, и он вложил туда свой опыт о Боге, о своей собственной судьбе, о том, как он видит жизнь и мир. И когда мы их читаем, мы не можем просто сказать: "Я всецело заодно с этим святым". Но я могу быть честным и сказать: "Я еще неопытный, я не знаю точно, как выражать самое глубинное, что во мне есть по отношению к Богу. И вот я возьму ту или

иную молитву, именно те молитвы, которые уже доходят до моей души, и буду читать. Причем буду говорить вместе со святым - от себя. Что-то я могу сказать честно его словами, но от себя. Чего-то я сказать не могу, я ничего об этом не знаю. Приведу пару примеров.

Помню, когда я был подростком, то "насмерть" поссорился с товарищем. Я пришел к моему духовнику, отцу Афанасию и говорю: "Батюшка, что делать? Когда я читаю молитву "Отче наш" и дохожу до слов "и оставь нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим", я не знаю, как это сказать - потому что не прощаю, не могу простить и никогда не прошу". Отец Афанасий сказал: "А в чем проблема? Когда дойдешь до этих слов, скажи: "Господи, не прости мне моих грехов, так же как я не прощаю Кириллу, моему другу". Но я не мог так сказать, я хотел быть прошенным. А батюшка сказал: "Хочешь, но не можешь. Иди домой...". Через некоторое время я вернулся и услышал слова духовника: "Ну, если не можешь, тогда "перепрыгни" через эти слова". Я попробовал, но не смог, потому что хотел быть прошенным. Опять вернулся. И услышал: "А ты хотел бы быть в состоянии ему простить - чтобы хоть это доброе намерение Бог принял от тебя?" - "Конечно, хотел бы!" - "Когда дойдешь до этого места скажи: "Господи, в меру того, как мне хочется простить его, Ты и меня прости!". И так батюшка меня через эту молитву "протянула" до момента, когда я сообразил: я поссорился из-за пустяка - и ради этого себя лишил Божьего прощения?..."

Другой пример того, как мы можем порой положиться на слова молитвы и на молитву святого, когда у нас нет ни веры достаточной, ни уверенности. У меня был такой позорный случай. Когда я жил с бабушкой и мамой, у нас в квартире завелись мыши. Они полками бегали, и мы не знали, как от них отделаться. Мышеловки мы не хотели ставить, потому что нам было жалко мышей. Я вспомнил, что в требнике есть увещевание одного из святых диким зверям. Там начинается со львов, тигров и заканчивается клопами. И я решил попробовать. Сел на койку перед камином, надел епитрахиль, взял книгу и сказал этому святому: "Я ничуть не верю, что из этого что-то получится, но раз ты это написал, ты, значит, верил. Я твои слова

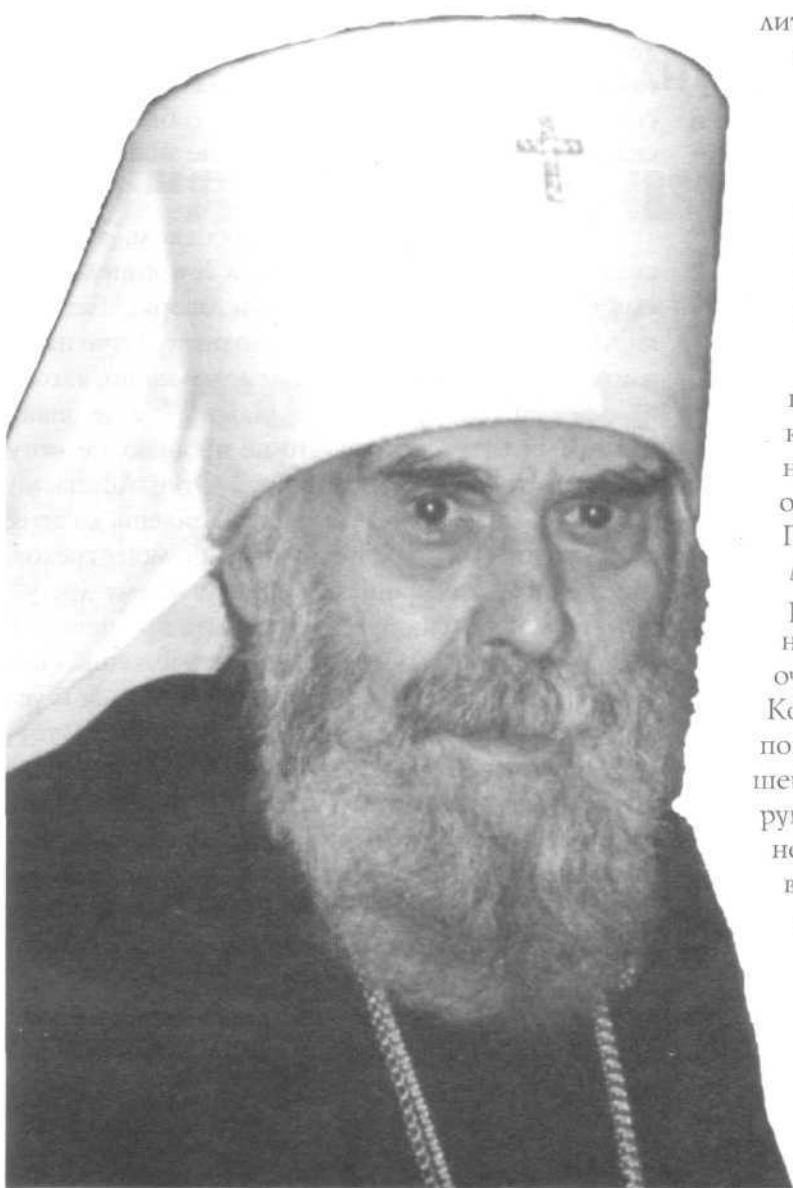

Фото Елены Орловой

скажу, может быть, мышь поверит, а ты молись о том, чтобы это получилось". Я сел. Вышла мышь. Я её перекрестил: "Сиди и слушай!" - и прочел молитву. Когда я кончил, перекрестил её снова: "Теперь иди и скажи другим". И после этого ни одной мыши у нас не было!

Вот вам два примера, оба позорные в том, что касается меня. Но это говорит о том, что мы не можем просто взять молитву святого и прочесть ее, как будто она наша, и думать, что мы на уровне святого или "отделались". Вопрос в том, что читать те или иные молитвы не так просто. Надо эти мо-

литвы продумывать, "процеживать". Надо выбирать те молитвы, которые тебе подходят.

Есть в одном письме святителя Феофана Затворника слова, где он говорит, что когда ты читаешь псалом, и на второй строчке все твоё внимание уйдёт в слова и они тебе в душу ударят, останься с этими словами. И вот этому надо учить людей...

То же самое относится к хождению в церковь. Там люди могут встретить Бога каким-то особым образом. Но если им надо встретить Его под контролем правил, они, может быть, и не придут второй раз. В Париже у нас была дама, заведующая домом престарелых. Она была искренне верующей, приняла православие по убеждению. Она была французской графиней, очень элегантной, культурной женщиной. Когда она первый раз поехала в Россию, то пошла в храм в своем лучшем платье, в лучшей шляпке, с накрашенными губами. А стаrushка в храме повернулась, посмотрела на неё и сказала: "Миленькая, да в храм нельзя входить разряженной, как проститутка. Дай-ка я тебя поправлю!" Она плонула в платок и вытерла ей лицо...

Так часто случается, когда человек приходит ещё незрелый. Ему все указывают: того не делай, этого не делай. А надо дать человеку войти и на своём уровне погрузиться в то, что происходит в церкви. Знаете, богослужение, молитва похожи в каком-то смысле на то, как мы можем пойти на концерт и слушать произведения великого композитора. Всего мы не можем воспринять, но что-то до нас доходит. И по мере того, как мы снова это слышим, мы созреваем и все глубже и глубже уходим в этот музыкальный, психологический, а затем духовный мир данного композитора. То же самое нам надо делать с людьми, которые приходят в церковь. То есть не требовать от них невозможного.

- Владыка, в Церкви, по идеи, люди должны быть если не святыми, то хотя бы стремящимися к Свету, к Господу. Почему же даже

в этом святом месте мы часто встречаем недостойных людей?

- Вопрос справедливый. Я думаю, что дело священников и сознательных мирян - воспитывать других людей в правде, в чистоте. Это просто несчастье, что на самом деле в Церкви порой происходит то, о чем вы говорите. Но все-таки это Церковь, откуда - вот что меня поражает - Христос не уходит! Потому что Он пришел грешников спасти, и Он пришел с ними быть и хоть Своим присутствием что-нибудь в них изменить. И если мы верны Христу, то можем забыть, что за человек стоит рядом.

Думаю, что мы всегда можем найти в другом человеке много нехорошего. Однако если я знаю, что пришел в Дом Божий, что здесь живет Христос, что Он до сих пор распят ради тех людей, которые недостойны Его воплощения, Его учения, Его смерти и Воскресения, то закономерен вопрос: "А я-то каков? Неужели я могу осудить этого человека, которому никто никогда не помог стать другим? Что я могу сделать для этого человека?" Не просто сказать что-то красивое, а что-то сделать для него, на себя посмотреть и начать себя уважать.

Мне кажется, что первое, чему мы должны научиться - это уважать себя самих и, конечно, другого.

- Одна знакомая жаловалась мне, что ее сын стал... ходить в православный храм! Он был художником, но бросил искусство, к науке стал относиться с подозрением, свое прошлое увлечение стал называть исчадием ада. С тревогой она спрашивала меня, не является ли Православная Церковь такой же sectой, как некоторые другие религиозные организации? Ведь именно в secte человек становится косным, не способным воспринимать все многообразие мира. Может быть, говорила она, Православная Церковь - символ косности, не успевающей за современностью?

- Быть христианином - это значит быть таким человеком, который может в любую ситуацию, в любые занятия внести свет Божий. Конечно, есть развратная музыка - и есть возвышенная музыка, есть искусство того или иного рода; но не искусст-

во виновато, а виноват данный человек, который ищет и старается выразить что-то, что в нем есть, и оно у него выходит уродливо. Так же, как человек, у которого нет слуха, но который хочет петь - у него все, что он ни запоет, звучит ужасно.

И нет такой сферы в культуре, которая не может быть освященной. Если мы возьмем историю Церкви, то, например, святой Иоанн Дамаскин писал стихи и музыку. Многие иконы были написаны святыми. А научные исследования - это попытка как можно глубже познать мир, каким Бог его сотворил, и то, что с ним произошло из-за человеческого отпадения от Бога. После средней школы я учился в Сорбонне, изучал физику, химию и биологию, а затем учился на медицинском факультете, где я получил откровение о Боге. Я одновременно начал открывать и тайны мироздания, и то, что писали святые отцы и духовные авторы. И это слилось у меня в одно. Это не значит, что так обязательно случится, но это не вина науки, литературы или музыки. Я думаю, что мы должны быть готовы встретить всё, что есть на свете в области знания, культуры и т.д., вглядеться, что в этом есть такое, что говорит истину о Боге и о человеке. И помочь другому разобраться в этом.

- Владыка, в августе этого года должна состояться¹ канонизация новомучеников и исповедников, пострадавших в годы советской власти. Среди них в лице святых предполагается прославить последнего Российского Императора Николая II и всю царскую семью. Сейчас в нашей стране существует множество мнений по этому поводу, ибо личность царя вызывает много вопросов. Каково Ваше отношение к канонизации и Императору Николаю?

- Я думаю, что канонизация царской семьи - законная вещь и справедливая. Потому что происходит не канонизация монархии как таковой, а канонизация человека или группы людей.

Это не попытка занять позицию "монархисты против немонархистов". Это признание того, что из себя представлял Государь император как человек и как он рассматривал свое место в России. Как человек, мы знаем, он был нравственным, чи-

¹ - Беседа проходила в конце июля, в Лондоне.

стым, с открытой душой. Его отношение к своему служению было классическим: монарх перед Богом представляет всю свою Родину и всех своих подданных. Поэтому, когда пришло время распятия России в ужасах гражданской войны, революции и последующих десятилетий, он счел невозможным от этого уйти. Ему предлагали бежать из России в Англию, но он отказался, потому что считал, что представляет Россию перед Богом и народом, и что если его страну распинают, то и он должен принять распятие. Это, как мне кажется очень точно выражено в стихах, которые записала одна из дочерей государя, великая княжна Ольга:

...И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Сверхчеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Они именно отдавали свою жизнь в единстве с русским народом и с Родиной. Именно это важно для канонизации: личная нравственность, личное осознание ответственной солидарности с судьбой России, с русским народом...

...

- Сейчас распространено мнение, что не обязательно регистрировать брак. Если люди верны друг другу и любят друга - почему они должны дожидаться какого-то обряда и до этого срока откладывать близость?

- Знаете, за столетия у нас сложилось сложное отношение к любви человеческой, к телесному и душевному общению и к браку как таковому. Один из отцов Церкви писал, что мир не мог бы существовать без таинств, и во всем языческом мире осталось одно таинство после падения человека - это брак. Потому что это то действие, через которое Бог соединяет двух воедино и присутствует в этом единстве.

Но это значит, что эти двое должны действительно друг друга любить, они должны стать действительно едиными. В христианском опыте брак - это икона взаимного отношения Христа и Церкви!

В сущности, разница между сожительством по любви в полной чистоте и браком церковным в настоящем смысле слова именно в том, что светский брак еще не есть икона Христа и Церкви. И

вот если говорить в этом смысле о браке церковном по отношению к гражданскому или просто взаимной любви, соединяющей двух, тут есть еще один момент: самое главное здесь то, что в церковном браке Христос вступает в семью и раскрывает новые горизонты взаимоотношений между людьми.

- Многие люди, приходя в храм, замечают там очень много обыденных отношений, бытовых сцен - а ведь именно от этого большинство из них бежали и пришли в Церковь! Они ждут чистых, сейчас принято говорить - "неформальных" - отношений между людьми...

- Знаете, в древности, в самом начале, люди соединялись с Церковью, зная, что это смертельно опасно. Первое поколение христиан было чистым, потому что принадлежать Церкви значило быть готовым на мученичество. Потом Церковь была признана государством, и положение изменилось.

Теперь принадлежать к Церкви ничего подобного не значит. И потому в этом смысле Церковь стала в значительной мере светским обществом, которое верит в Бога, во Христа. Но в этой Церкви есть главные моменты, которые спасительны. В этой Церкви есть люди, которые действительно всю жизнь отдали Христу, для которых встреча со Христом было переменой всего. И они незаметно в этой среде находятся.

Кроме того, Церковь - это место, где мы можем встретить Бога так, как мы не можем встретить Его на улице. Хотя и бывает, что мы Его встречаем совершенно в неожиданных обстоятельствах. Это больше относится к войне, чем к мирному состоянию. Мне довелось видеть, как люди просыпаются от греховной жизни на войне. Или, например, в период, когда у нас в эмиграции была неописуемая беднота и голод, но маленькая группа людей создавала маленький храм в каком-нибудь подвалном помещении, и этот храм был местом убежища для Христа Спасителя... В мире, который Его отверг, люди голодные, холодные, бедные создавали место, которое Ему полностью принадлежит.

Но когда тихо и мирно - оказывается, что это делать гораздо трудней. Ведь мы говорим о Церкви как о Доме Божием. Это место, где Бог живет.

Это место, куда мы приходим к Нему и понимаем, что Он тут есть. И порой люди это чувствуют. Я помню одного человека, который как-то зашел в наш храм. Он должен был передать посылку нашей прихожанке, хотя сам был безбожником. Он хотел прийти к концу службы, но когда зашел в храм, ему "не повезло" - служба еще не отошла. Он сел в глубине церкви. После, когда все уже ушли, он продолжал сидеть. Я подошел к нему и попросил выйти, так как нужно было закрывать храм. А он говорит: "Я хочу знать, в чем тут дело? Я неверующий, но у меня чувство, что что-то здесь происходит. От чего такое ощущение? От мерцания свечей, от заунывного вашего пения или это коллективная истерика? В чем дело?" Я ответил, что, с моей точки зрения, это Божье присутствие, но если Бога нет, то у меня нет ответа для него. Этот человек захотел прийти в храм еще, но только тогда, когда не будет людей. Он опасался какого-либо

"гипнотического влияния", как он сказал. Приходил три-четыре раза и все время чувствовал чье-то присутствие. "Знаете, я заметил еще, что люди приходят в церковь с одним выражением лица, а уходят с другим, с каким-то просветленным. А когда они идут по ступенькам и что-то получают от вас, то у них глаза другие. Значит, что-то происходит. Если ваш Бог пассивный, Он мне не нужен, но если активный - это дело другое. Давайте встречаться и говорить о Нем..." Через год он крестился.

Этот храм и люди в нем, конечно, не святые; но самые обыкновенные люди, коллективно стоящие в присутствии Христа, - вдруг делаются носителями чего-то. И если ты обращаешь внимание не на людей, а на то, что создается соборностью, тогда ты можешь уловить что-то, несмотря на греховность людей.

Знаете, я священник уже 50 лет с лишним, и я не хороший человек, но то, что я говорю о Боге, - правда. И если то, что я говорю - правдиво, то, несмотря на мою греховность, это может до человека дойти. Есть такое японское присловье: "Если ты стреляешь из лука в цель, твоя стрела не пробьет центра мишени, если одновременно не пробьет твоего сердца".

Беседовал Павел СЕЛЕЗНЕВ

Диакон Андрей КУРАЕВ

СТРАШНЫЙ СУД

“ - Видишь, Алешечка, - нервно рассмеялась вдруг Грушенька, обращаясь к нему, - это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, от моей Матрены, что теперь у меня в кухарках служит, слышала. Видишь, как это: “Жила-была одна баба злая-презлая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидали, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злая-презлая, и почала она их ногами брыкать: „Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша“. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел”.

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

Иллюстрация: Виктор Васнецов. Страшный суд. Роспись стены Владимирского собора в Киеве

Статья диакона Андрея Кураева "Страшный Суд" была написана специально для 8-го номера журнала "Фома", но, по разным причинам, в номер не вошла. Потом она выходила в отдельной брошюре из серии "Библиотечка журнала "Фома" и в газете Анонс-приложение к журналу "Фома" (в сокращении), после чего в редакцию стали поступать просьбы о переиздании полного текста статьи, что мы с радостью делаем.

При словах "страшный суд" положено испытывать страх и трепет. "Страшный Суд" - последнее, что предстоит людям. Когда истечет последняя секунда существования Вселенной, люди будут воссозданы, тела их вновь соединятся с душами - чтобы все-все смогли предстать для отчета перед Творцом...

Впрочем, я уже ошибся. Я ошибся, когда сказал, что люди воскреснут для того, чтобы быть приведенными на Страшный Суд. Если принять такую логику, то о христианском богословии придется сказать нeliцеприятную вещь. Ведь "мы и просто грешного человека никогда бы не похвалили за такое дело, если бы он вынул из могилы труп своего врага, чтобы по всей справедливости воздать ему то, чего он заслужил и не получил во время земной жизни своей" ¹. Грешники воскреснут не для того, чтобы получить воздаяние за грешную жизнь, а наоборот - потому именно они и получат воздаяние, что они непременно воскреснут из мертвых. К сожалению, мы - бессмертны. К сожалению - потому что порой очень хотелось бы просто уснуть - да так, чтобы никто больше про мои гадости мне не напоминал... Но Христос воскрес. А все, что произошло со Христом, происходит и со всеми людьми - ибо Христоснес в Себе всю полноту человеческой природы. Это значит, что все мы теперь носители такой субстанции, которая предназначена к воскресению.

Оттого и ошибочно считать, что причина воскресения - суд ("Воскресение будет не ради суда", - сказал христианский писатель еще второго столетия Афинагор (О воскресении мертвых, 14)) ².

Но уж если будет воскресение - то будет и встреча с Богом. Но встреча с Богом - встреча со Светом. Тем Светом, который освещает все и делает явным и очевидным все, даже то, что мы хо-

тели скрыть порой даже от самих себя... И если то, постыдное еще осталось в нас, еще продолжает быть нашим, еще не отброшено от нас нашим же покаянием - то встреча со Светом причиняет муку стыда. Она становится судом. "Суд же состоит в том, что свет пришел в мир" (Ин. 3,19).

Но все же - только ли стыд, только ли суд будут на той Встрече? В XII веке армянский поэт (армян он считается еще и святым) Григор Нарекаци в своей "Книге скорбных песнопений" написал:

Мне ведомо, что близок день суда,
И на суде нас уличат во многом...
Но Божий суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет суд? - Я поспешу туда!
Я пред Тобой, о, Господи, склонюсь,
И, отрещась от жизни быстротечной,
Не к Вечности ль Твоей я приобщусь,
Хоть эта Вечность будет мукой вечной? ³

И в самом деле, время Суда - это время Встречи. Это раннехристианское ощущение смерти как Встречи ⁴ вырвалось однажды у московского старца о. Алексия Мечева. Напутствуя только что скончавшегося своего прихожанина, он сказал: "День разлуки твоей с нами есть день рождения твоего в жизнь новую, бесконечную. Посему со слезами на глазах, но приветствуя тебя со вступлением туда, где нет не только наших скорбей, но и наших суетных радостей. Ты теперь уже не в изгнании, а в отечестве: видишь то, во что мы должны веровать; окружен тем, что мы должны ожидать" ⁵.

С Кем же эта долгожданная Встреча? С Судьей, который поджидал нашей доставки в его распоряжение? С Судьей, который не покидал своих стерильно-правильных покоев и теперь тщательно бледнет, чтобы новоприбывшие не запятнали мир идеальных законов и правд своими совсем не идеальными деяниями?

Нет - через нашу смерть мы выходим на Сретение с Тем, кто Сам когда-то вышел нам навстречу. С Тем, Кто сделал Себя доступным нашим, человеческим скорбям и страданиям. Не безличностно-автоматическая "Справедливость", не "Космический Закон" и не карма ждут нас. Мы встречаемся с Тем, чье имя - Любовь. В церковной молитве о Нем говорится: "Твое бо есть еже миловати и спасати ны, Боже наш". Именно - Твое, а не безглазой Фемиды и не бессердечной кармы.

У Марины Цветаевой есть строчка, которая совершенно неверна по букве, но которая справедлива по своему внутреннему смыслу. Строчка эта такая: “Бог, не суди: Ты не был женщиной на земле...”. В чем правда этого крика? Оказывается, наши человеческие дела, человеческие слабости и прегрешения будет рассматривать не ангел, который не знает, что такое грех, борьба и слабость, но Христос. Христос - это Сын Божий, пожелавший стать еще и Сыном Человеческим. Не Сверхчеловек будет судить людей, но Сын Человеческий. Именно потому, что Сын стал человеком, “Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну” (Ин. 5, 22).

Сын - это Тот, Кто ради того, чтобы не осуждать людей, Сам пошел путем страданий. Он ищет потерявшихся людей. Но не для расправы с ними, а для исцеления. Вспомните притчу о потерянной овце, притчу о блудном сыне...

Впрочем, последнюю притчу на языке сегодняшних реалий я бы переложил так: Представьте - живет стандартная семья из четырех человек в стандартной трехкомнатной квартире. И вдруг младший сын начинает ерепениться, всех послать куда подальше, на всё огрызаться. В конце концов он требует разъезда. Квартира приватизирована. Сын, настаивая на своем праве совладельца, требует, чтобы ему уже сейчас дали его долю. Квартира стоит, скажем 40 тысяч “у.е.”. Он требует, чтобы ему, как совладельцу, соприватизатору, была выдана четверть... Родители со старшим сыном в конце концов не выдерживают ежедневного противостояния со скандалистом, продают свою трехкомнатную квартиру, покупают для себя двухкомнатную, а разницу (10 000\$) отдают младшему сыну, который, удовлетворенный, “отваливает” в самостоятельную жизнь... Проходит время, и он, все растративший, потерявший, не приобретший никакого собственного жилья, возвращается к родителям в их квартиру, столь уменьшенную по его капризу. Чем же встречает его отец? Оскорбленно выставляет его вон? Прогоняет старшего сына попридержать младшенького, пока отеческая длань будет вразумлять юного нахала?

В Евангелии притча кончается иначе: едва разглядев вдали возвращающегося сына, еще не зная, зачем он идет, еще не услышав ни слова раская-

ния, отец выбегает навстречу и велит приготовить праздничный пир...

Отсюда и слова святителя Феофана Затворника: “Господь хочет всем спасти, следовательно, и вам... У Бога есть одна мысль и одно желание - миловать и миловать. Приходи всякий... Господь и на страшном суде будет не то изыскивать, как бы осудить, а как бы оправдать всех. И оправдает всякого, лишь бы хоть малая возможность была”⁶. Ведь - “Ты Бог, не хотят смерти грешников”...

Бог ищет в человеческой душе такое, не окончательно, не безнадежно изуродованное место, к которому можно было бы присоединить Вечность. Так врачи на теле обожженного человека ищут хоть немного непострадавшей кожи...

Об этом поиске рассказывает эпизод из Жития святого Петра Митаря (память 22 сентября): “В Африке жил жестокосердый и немилостивый мытарь (сборщик налогов) по имени Петр.... Однажды Петр вел осла, навьюченного хлебами для княжеского обеда. Нищий стал громко просить у него милостины. Петр схватил хлеб и бросил его в лицо нищему и ушел.. Спустя два дня мытарь расхворался так сильно, что даже был близок к смерти, и вот ему представилось в видении, будто он стоит на суде и на весы кладут его дела. Злые духи принесли все злые дела; светлые же мужи не находили ни одного доброго дела Петра, и посему они были печальны... Тогда один из них сказал: “Действительно, нам нечего положить, разве только один хлеб, который он подал ради Христа два дня тому назад, да и то поневоле”. Они положили хлеб на другую сторону весов, и он перетянул весы на свою сторону”. Именно этот рассказ послужил основой для знаменитой “луковки” Достоевского...

Опять же в древности преподобный Исаак Сирин говорил, что Бога не стоит именовать “Справедливым”, ибо судит Он нас не по законам справедливости, а по законам милосердия, а уже в наше время английский писатель К. С. Льюис в своей философской сказке “Пока мы лиц не обрели” говорит: “Надейся на пощаду - и не надейся. Каков ни будет приговор, справедливым ты его не назовешь. - Разве боги не справедливы? - Конечно, нет, доченька! Что бы стало с нами, если бы они всегда были справедливы?”⁷.

Конечно, справедливость есть в Том Суде. Но справедливость эта какая-то странная. Представь-

те, что я - личный друг Президента Б.Н. Мы вместе проводили "реформы", вместе - пока ему позволяло здоровье - играли в теннис и ходили в баню... Но тут журналисты накопали на меня "компромат", выяснили, что я принимал "подарки" в особо крупных размерах... Б. Н. вызывает меня к себе и говорит: "Понимаешь, я тебя уважаю, но сейчас выборы идут, и я не могу рисковать. Поэтому мы с тобой давай такую рокировочку сделаем... Я тебя на время в отставку отправлю". И вот сижу я уже в отставке, регулярно беседую со следователем, жду суда... Но тут Б. Н. звонит мне и говорит: "Слушай, тут Европа требует, чтобы мы приняли новый Уголовный Кодекс погуманнее, подемократичнее. Тебе все равно сейчас делать нечего, так, может, напишешь на досуге?". И вот я, будучи подследственным, начинаю писать Уголовный Кодекс. Как вы думаете, что я напишу, когда дойду до "моей" статьи?..

Не знаю, насколько реалистичен такой поворот событий в нашей таинственной политике. Но в нашей религии Откровения все обстоит именно так. Мы - подсудимые. Но подсудимые странные - каждому из нас дано право самому составить список тех законов, по которым нас будут судить. Ибо - "каким судом судите, таким и будете судимы". Если я при виде чьего-то греха скажу: "Вот это он напрасно... Но ведь и он - человек..."⁸ - то и тот приговор, который я однажды услышу над своей головой, может оказаться не уничтожающим.

Ведь если я кого-то осуждал за его поступок, показавшийся мне недостойным, значит, я знал, что это грех. "Смотри - скажет мне мой Судия - раз ты осуждал, значит, ты был осведомлен, что так поступать нельзя. Более того - ты не просто был осведомлен об этом, но ты искренне принял эту заповедь как критерий для оценки человеческих поступков. Но отчего же сам ты затем так небрежно растоптал эту заповедь?

Собственно православное понимание заповеди "не суди" близко к кантовскому "категорическому императиву": прежде, чем что-то сделать или решить, представь, что мотив твоего поступка вдруг станет всеобщим законом для всей вселенной и все и всегда будут руководствоваться им. В том числе и в отношениях с тобой...

Не осуждай других - не будешь сам осужден. От меня зависит, как Бог отнесется к моим гре-

хам. Есть у меня грехи? - Да. Но есть и надежда. На что? На то, что Бог сможет оторвать от меня мои грехи, выбросить их на помойку, но для меня самого открыть иной путь, чем для моих греховых дел. Я надеюсь, что Бог сможет растождествить меня и мои поступки. Перед Богом я скажу: "Да, Господи, были у меня грехи, но мои грехи - это не весь я!"; "Грехи - грехами, но не ими и не для них я жил, а была у меня идея жизни - служение Вере и Господу!"⁹.

Но если я хочу, чтобы Бог так поступил со мной, то и я должен так же поступать с другими¹⁰. Христианский призыв к неосуждению есть в конце концов способ самосохранения, заботы о собственном выживании и оправдании. Ведь что такое неосуждение? "Порицать - значит сказать о таком-то: такой-то солгал... А осуждать - значит сказать, такой-то лгун... Ибо это осуждение самого расположения души его, произнесение приговора о всей его жизни. А грех осуждения столько тяжелее всякого другого греха, что сам Христос грех ближнего уподобил сучку, а осуждение - бревну"¹¹. Вот так и на суде мы хотим от Бога той же тонкости в различиях: "Да, я лгал - но я не лжец; да, я соблудил, но я не блудник; да, я лукавил, но я - Твой сын, Господи, Твое создание, Твой образ... Сними с этого обрата копоть, но не сжигай его весь!".

И Бог готов это сделать. Он готов переступать требования "справедливости" и не взирать на наши грехи. Справедливости требует диавол: мол, раз этот человек грешил и служил мне, то Ты на всегда должен оставить его мне¹². Но Бог Евангелия выше справедливости. И потому, по слову преподобного Максима Исповедника, "Смерть Христа - суд над судом" (Максим Исповедник. Вопро-соответств к Фалассию, 43).

В одном из слов св. Амфилохия Иконийского есть повествование о том, как диавол удивляется милосердию Божию: зачем Ты принимаешь покаяние человека, который уже много раз каялся в своем грехе, а потом все равно возвращался к нему? И Господь отвечает: но ты же ведь принимаешь каждый раз к себе на служение этого человека после каждого его нового греха. Так почему же Я не могу считать его Своим рабом после его очередного покаяния?

Итак, на Суде мы предстанем перед Тем, чье имя - Любовь. Суд - встреча со Христом.

Собственно, Страшный, всеобщий, последний, окончательный Суд менее страшен, чем тот, который происходит с каждым сразу после его кончины... Может ли человек, осужденный на частном суде, быть оправдан на Страшном? - Да, ибо на этой надежде и основываются церковные молитвы за усопших грешников. А может ли человек, оправданный на частном суде, быть осужденным на Страшном? - Нет. А это означает, что Страшный Суд - это своего рода "апелляционная" инстанция. У нас есть шанс быть спасенными там, где мы не можем быть оправданными. Ибо на частном суде мы выступаем как частные лица, а на вселенском суде - как частички Вселенской Церкви, частички Тела Христова. Тело Христа представят пред Своим Главой.

Христос не желает отсекать от Себя Свои же частички. Бог всем желает спастися... Вопрос в одном: совпадает ли Его желание с нашим? Желаем ли спастись мы?.. Для темы же о Суде важно помнить: судимы мы Тем, Кто выискивает в нас не грехи, а возможность примирения, сочетания с Собой...

Когда мы осознали это - нам станет понятнее отличие христианского покаяния от светской "перестройки". Христианское покаяние не есть самобичевание. Христианское покаяние - это не медитация на тему: "Я - сволочь, я - ужасная сволочь, ну какая же я сволочь!". Покаяние без Бога может убивать человека. Оно становится серной кислотой, по каплям падающей на совесть и постепенно разъедающей душу. Это случай убийственного покаяния, которое уничтожает человека, покаяния, которое несет не жизнь, но смерть. Люди могут узнать о себе такую правду, которая может их добить (вспомним рязановский фильм "Гараж").

Недавно я сделал поразительное для себя открытие (недавно, - по причине своего, увы, невежества): я нашел книгу, которую я должен был прочитать еще в школе, а вчитался в нее только сейчас. Эта книга поразила меня оттого, что прежде мне казалось, что ничего глубже, психологичнее, ничего более христианского и православного, чем романы Достоевского, быть в литературе не может. Но эта книга оказалась более глубокой, чем книги Достоевского. Это "Господа Головлевы" Салтыкова-Щедрина - книга, которую читают в начале и которую не дочитывают до конца, потому что советские школьные программы преврати-

ли историю русской литературы в историю антирусского фельетона. Поэтому христианский смысл, духовное содержание произведений наших величайших русских писателей были забыты. И вот в "Господах Головлевых" изучают в школе первые главы, главы страшные, беспросветные. Но не читают конец. А в конце тьмы еще больше. И эта тьма тем страшнее, что она сопряжена с ... покаянием.

У Достоевского покаяние всегда на пользу, оно всегда к добру и исцелению. Салтыков-Щедрин описывает покаяние, которое добивает... Сестра Порфирия Головлева соучаствовала во многих его мерзостях. И вдруг она прозревает и понимает, что именно она (вместе с братом) виновата в гибели всех людей, которые встречались им на жизненном пути. Казалось бы, так естественно было предложить здесь линию, скажем, "Преступления и наказания": покаяние - обновление - воскресение. Но - нет. Салтыков-Щедрин показывает страшное покаяние - покаяние без Христа, покаяние совершающее перед зеркалом, а не перед лицом Спасителя. В христианском покаянии человек каеется перед Христом. Он говорит: "Господи, вот во мне это было, убери это от меня. Господи, не запомни меня таким, каким я был в ту минуту. Сделай меня другим. Сотвори меня другим". А если Христа нет, то человек, как в зеркало, насмотревшись в глубины своих дел, окаменевает от ужаса, точно заглянув в глаза Медузе-Горгоне. И вот точно так же сестра Порфирия Головлева, осознав глубину своего беззакония, лишается последней надежды. Она все делала ради себя, а познав себя, видит бесмыслицу своих дел... И кончает жизнь самоубийством. Неправедность ее покаяния видна из второго покаяния, описанного в "Господах Головлевых". На страстной седмице в Великий Четверг, после того, как в доме у Головлева священник читает службу "Двенадцати Евангелий", "Иудушка" всю ночь ходит по дому, он не может уснуть: он слышал о страданиях Христа, о том, что Христос прощает людей, и в нем начинает шевелиться надежда - неужели же и меня он может простить, неужели же и для меня открыта возможность Спасения? И на следующий день поутру он бежит на кладбище и умирает там на могиле своей матери, прося у нее прощения...

Только Бог может сделать бывшее небывшим. И потому только через обращение к Тому, Кто вы-

ше времени, можно избавиться от кошмаров, наползающих из мира уже свершившегося. Но, чтобы Вечность могла принять в себя меня, не принимая мои дурные дела, я сам должен разделить в себе вечное от преходящего, то есть - образ Божий, мою личность, дарованные мне от Вечности, отдельить от того, что я сам натворил во времени. Если я не смогу совершить это разделение в ту пору, пока еще есть время (Еф. 5,16), то мое прошлое грядет потянет меня ко дну, ибо не даст мне соединиться с Богом.

Вот ради того, чтобы не быть заложником у времени, у своих грехов, совершенных во времени, человек и призывается к покаянию.

В покаянии человек отдирает от себя свое дурное прошлое. Если ему это удалось - значит, его будущее будет расти не из минуты греха, а из минуты покаянного обновления. Отдирать от себя кусочек самого себя же - больно. Иногда этого смертельно не хочется. Но тут одно из двух: или то мое прошлое пожрет меня, растворит в себе и меня, и мое будущее, и мою вечность, или же я смогу пройти через боль покаяния. "Умри прежде смерти, потом будет поздно", - говорит об этом один из персонажей Льюиса.¹³

Хочешь, чтобы Встреча не стала Судом? Что ж, совести в своем совестном взгляде две реалии. Первое: покаянное видение и отречение от своих грехов; второе: Христа, перед Ликом Которого и ради Которого должно произнести слова покаяния. В едином восприятии должны быть даны - и любовь Христа и мой собственный ужас от моего недостоинства. Но все же Христова любовь - больше... Ведь Любовь - Божия, а грехи - только человеческие... Если мы не помешаем Ему спасти и помиловать нас, поступить с нами не по справедливости, а по снисхождению - Он это сделает. Но не скажем ли мы себя слишком гордыми для снисхождения? Не считаем ли мы себя слишком самодостаточными для принятия незаслуженных даров?

Тут впору открыть евангельские заповеди блаженств и перечитать их внимательно. Это - перечень тех категорий граждан, которые входят в Царство Небесное, минуя Страшный Суд. Что общего у всех, перечисленных в этом списке? То, что они не считали себя богатыми и заслуженными. Блаженны нищие духом, ибо они на Суд не приходят, но проходят в Жизнь Вечную.

1. - В.И.Несмелов. Наука о человеке. т.2. Казань, 1906, с. 354.

2. - Сочинения древних христианских апологетов. Пер. прот. П.Преображенского. СПб., 1895, с.108-109.

3. Это литературный и весьма вольный перевод (Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Перевод Н. Гребнева. Ереван, 1998, с.26). Буквальный звучит иначе - сдержаннее и "православнее": "но коли близок день суда Господня, то и ко мне приблизилось царство Бога воплотившегося, Кто найдет меня более повинным, нежели эдомитян и филистимлян" (Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Перевод с древнеармянского М. О. Дарбираян-Меликян и А. А. Ханларян. М., 1988, с. 30).

4. "Когда один из сослужителей наших, будучи изнурен немощию и смущенный близостью смерти, молился, почти уже умирая, о продолжении жизни, пред него представил юноша, славный и величественный; он с неким негодованием и упреком сказал умирающему: "И страдать вы боитесь, и умирать не хотите. Что же мне делать с вами?"... Да и мне сколько раз было открываемо, заповедуемо было непрестанно внушать, что не должно оплакивать братьев наших, по зову Господа отрешающихся от настоящего века... Мы должны устремляться за ними любовью, но никак не сетовать о них: не должны одевать траурных одежд, когда они уже облеклись в белые ризы" (св. Киприан Карфагенский. Книга о смертности // Творения священномуученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999, с. 302).

5. Прот. Алексий Мечев. Надгробная речь памяти раба Божия Иннокентия // Отец Алексий Мечев. Воспоминания. Проповеди. Письма. Париж. 1989, с. 348.

6. Святитель Феофан Затворник. Творения. Собрание писем. вып.3-4. Псково-Печерский монастырь, 1994. с.31-32 и 38.

7. Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели // Сочинения, т.2. Минск-Москва, 1998, с. 231.

8. "Абба Исаак Фивейский пришел в киновию, увидел брата, впадшего в грех, и осудил его. Когда возвратился он в пустыню, пришел Ангел Господень, стал пред дверьми его и сказал: Бог послал меня к тебе, говоря: спроси его, куда велит Мне бросить падшего брата? - Абба Исаак тотчас повергся на землю, говоря: согрешил пред Тобою, - прости мне! - Ангел сказал ему: встань, Бог простил тебе; но впредь берегись осуждать кого-либо, прежде нежели Бог осудит его" (Древний Патерик. М.1899. С.,144).

9. Святитель Николай Японский. Запись в дневнике 1.1.1872 // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Ч. 1. СПб., 1996, с. 11.

10. "Христос Евангелия. В Христе мы находим единственный по своей глубине синтез ... бесконечной строгости к себе самому человека, то есть безукоризненно чистого отношения к себе самому, с этически-эстетической добротою к другому: здесь впервые явилось бесконечно углубленное я-для-себя, но не холодное, а безмерно доброе к другому, воздающее всю правду другому как таковому, раскрывающее всю полноту ценностного своеобразия другого... во всех нормах Христа противопоставляется я и другой: абсолютная жертва для себя и милость для другого. Но я-для-себя - другой для Бога. Бог уже не определяется существенно как голос моей совести, как чистота отношения к себе самому, чистота покаянного самоотрицания всего данного во мне, Тот, в руки которого страшно впасть и увидеть которого - значит умереть (имманентное самоосуждение), но Отец Небесный, который надо мной и может оправдать и миловать меня там, где я изнутри себя самого не могу себя миловать и оправдать принципиально, оставаясь чистым с самим собою. Чем я должен быть для другого, тем Бог является для меня... Идея благодати как схождения извне милующего оправдания... Сюда примыкает и идея исповеди (покаяния до конца) и отпущения. Изнутри моего покаяния отрицание всего себя, извне (Бог - другой)- восстановление и милость. Человек, сам может только каяться - отпустить может только другой... Только сознание того,

что в самом существенном меня еще нет, является организующим началом моей жизни из себя. Я не признаю моей наличности, я безумно и нескончанно верю в свое несовпадение с этой своей внутренней наличностью. Я не могу себя сосчитать всего, сказав: вот весь я, и больше меня нигде и ни в чем нет, я уже есмь сполна. Я живу в глубине себя вечной верой и надеждой на постоянную возможность внутреннего чуда нового рождения. Я не могу ценностно уложить всю свою жизнь во времени и в нем оправдать и завершить ее сполна. Временно завершенная жизнь безнадежна с точки зрения движущего ее смысла. Изнутри самой себя она безнадежна, только извне может сойти на нее милующее оправдание помимо недостигнутого смысла. Пока жизнь не оборвалась в времени, она живет изнутри себя надеждой и верой в свое несовпадение с собой, в свое смысловое предстояние себе, и в этом жизнь безумна с точки зрения своей наличности, ибо эти вера и надежда носят молитвенный характер (изнутри самой жизни только молитвенно-просительные и покаянные тона)" (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1979, с. 51-52 и 112).

11. Авва Дорофей. Душеполезные научения и послания. Троице-Сергиева Лавра. 1900, с. 80.

12. См., например, Древний патерик. М., 1899, с. 366.

13. Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели // Сочинения, т.2. Минск-Москва, 1998, с. 219.

Василий Поленов. Христос и грешница

**Христианство обжигает
мысль людей страданием, но
без огня не рождается Бог**

Сергей Фудель

Максим Яковлев

Время дороги

Поездил я в то лето, поколесил по нашим дорогам. Меня приняли на работу в храм в качестве экспедитора церковной литературы. Начались многодневные поездки по городам, поселкам, монастырям, от храма к храму. В кабине автомобиля и в перерывах между поездками я старался записывать свои наблюдения, мысли, впечатления, словом все, чем я жил тогда, во время дороги...

Так появилась эта дорожная повесть.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перекусить остановились в Эммаусе. Есть такая деревенька на подъезде к Твери**. В самом конце ее, по левой стороне дороги, стоит блочный типовой магазин и при нем "Кафе". Проголодались-то мы еще в Клину, да все как-то не могли остановиться, так бывает, но тут решили твердо: хватит - пора. Вот так мы сюда и свернули. Сманило разумеется и название. Шутка ли сказать - Эммаус! Кафешечка самая простецкая: два столика на улице, два внутри. Хотелось поскорее укрыться от пылающей жесткой жары, поэтому мы выбираем "внутренний" вариант, довольствуясь хоть каким-то подобием прохлады. За стойкой крупный парень в белой рубашке. Ему явно муторно "после вчерашнего" и на него больно смотреть, но его добродушие подкупает. Мы заказываем бутерброды, чай, минералку, и парень, бормоча и позевывая, начинает нас обслуживать. Он мучительно вспоминает, где у него что находится, путается в подсчетах...

- А почему - Эммаус? - не мог же я не спросить об этом.

Но наш бармен понимает вопрос.

- Ну как, на пути к Иерусалиму...

- Это к какому ж? К нашему, к Новому Иерусалиму?

- Ну да.

- Так до него ого-го сколько, он ведь на юг отсюда!

- Так Россия же... Не Палестина.

Он наконец справляется с чаем и бутербродами

* / Журнальный вариант повести. Полный текст читайте в очередной книге серии "Библиотечка журнала "Фома""

** / Эммаус - селение близ Иерусалима, с которым связано Евангельское повествование о трапезе с воскресшим Христом апостолов Луки и Клеопы. Там, в напоминание им, Господь преломляет хлеб со своими учениками, и они узнают в нем воскресшего Своего Учителя.

ми, и мы садимся за стол. Нечего и говорить - куда нам до Луки с Клеопой, но и мы грешные, помолясь, преломляем здесь хлеб... А может он прав - "Россия же", экая громадина, и представьте, все в ней есть - и Эммаус свой, и Иерусалим, и даже гора Голгофа есть на Соловках... Только пораскидано все в ней, перепутано, не соберешь. К тому же когда это мы по прямой ходили? Вокруголь больше.

- А кроме названия есть тут что еще?

- Да ничего нет. Деревня как деревня.

- Так уж ничего?

- Не знаю, говорят тут одна половина "сидит", а другая ее "охраняет", вот так я слышал.

- Это как, с зоны что ли?

- Да вроде, я вообще не здесь живу.

Потом появилась настоящая хозяйка заведения. Молодая, сноровистая, притащила, запыхавшись, несколько упаковок с соком и йогуртом.

- Так я пойду? - облегченно выдохнул парень.

- Иди - иди, - она назвала его по имени, - спасибо тебе большущее, так выручил меня!

Таня перебралась в Эммаус аж из Читы, вернулась к родителям. В каждый наш приезд она будет встречать так, будто только нас и ждала. Дела у нее идут неплохо - все-таки трасса. Здесь, в Эммаусе, останавливаются и "дальнобойщики", и туристы, и всякий народ проезжий, еще и свои заходят.

- А в Чите -то чем хуже?

- О нет, там жить невозможно. Все заброшено, глухо, безденежье... Все стоит.

- Наверное, красивые места.

- Да, сопки, да, Байкал, но жить лучше здесь.

Выходя из кафе, мы едва не столкнулись с новыми посетителями. Они вошли смеясь, по-свойски, сели шумно за стол, и еще будут приходить и приходить сюда люди, и каждый вечер будут ужинать в своих домах жители этой, ничем не приметной с виду тверской деревеньки, кем-то названной когда-то Эммаус.

И снова раскаленная кабина "УАЗика", снова марево знойной дороги, шины шипят по асфальту... Тверь мы промахиваем по объездной, не останавливаясь. Времени у нас в обрез, нужно успеть до ночи в Новгород. Провожаем взглядом далекую панораму домов, огнистые купола... Тверь. Звучит как "твёрдь". Осанистый город был, твердый камень Руси.

А дорога льется сама под колеса, рябит, не дает опомниться, сыпется за спину бахромой обочин... Наш путь стрела, мы рвем на север, что-то нас ждет там? Впереди, стянутая лентой шоссе, подымается время от времени, плавная грудь горизонта. Какие небеса сменяются над нами, сколько я ждал тебя, лето...

В мае-месяце, идя по Садовому, в своей старой куртке, я примерно знал, как буду жить этим летом: буду жить у окна, открытоего в сад, и писать, а поскольку я это знал, то я и не думал об этом, я думал как бы заработать денег, так чтоб не очень далеко от дома, на которые можно было бы и жить и писать. Было пыльно и ветрено, а ждал я зелени и тепла, почему-то очень ждалось тепла, но я совершенно не предполагал, что все это лето буду пропадать в поездках по городам и монастырям, в жару, в "УАЗе", набитом коробками с книгами, в должности экспедитора, а проще говоря - развозчика православной литературы. Васильич помог мне пристроиться в этот храм. На меня посмотрели, сказали, что им требуется экспедитор, желательно без маленьких детей и опасных привычек, и что, судя по всему, я могу приступить к этому делу прямо со следующего понедельника. И предстояло мне с того дня ходить теперь одновременно и на работу, и в то же время в храм.

Но я же православный, какие проблемы? Дней десять ушло на подготовку: ходил по складам, запоминал эти книги, в каком количестве и где лежат, нырял в них, наугад, ероша страницы, где на пару минут, а где и забыв обо всем... Остальная специфика усваивается по ходу дела, маршруты, в общем, известны, имеются карты, телефоны и адреса, инструкции и комментарии прилагались устно, Серегой, вплоть до самого отъезда. Я чувствовал себя все уверенней и наконец отправился вместе с шофером-напарником в свой первый многодневный бояж. Всего и делов: обхехать с книжным товаром полдюжины монастырей да с десяток храмов, ночевки и питание согласно рекомендациям (но больше - по усмотрению), на все-про-все четверо суток, вернуться живыми и лишних не брать.

Так начались мои летние путешествия, мы уезжали и возвращались, дожди были любимы и по-

этому редки, между поездками всегда тишина - работа при храме.

Проезжаем Торжок. Что за имя! Сколько в нем веселой любви! Кажется, само это место, оборотистое да удачливое, подсказало такое легкое имечко. Небольшой торжок - тут тебе и творожок и рожок и соболий пушок! Мне нравятся такие имена, а то ведь у нас города строгие, как шаги императора: Москва... Санкт-Петербург... Новгород... Тверь... а между ними Торжок, как шажок, озорной, с подмигом!.. Иное дело - Выдропужск. Сама ли выдра пужала людей тут или сю бывало, кого из незванных гостей путнут, кто теперь скажет? Видать, серьезная была выдра.

Так и ждешь следующего названца. Неспроста ведь дадены, неспроста они живут в языке. Неразгаданная поэзия наша. Вот пожалуйста - Холохоленка. А? Уж как поди ее холили, как лелеяли, всем миром, души не чаяли, такую "снегурку" поставили, что и язык-то разомлев, выдыхая это словечко... Только где она нынче, колоколенка? Не видно нигде, одно эхо осталось. Вышний Волочек. Не волок - волочек, знать, не надрывали пупы, в охотку волокли лодыги груженые - тащить-то недалеко было. В городке васнецовская речка с мостиком и кувшинками... двухэтажный черный сруб, сидит, прислонившись к нему затылком, мужик. Месяц спустя, когда мы снова ехали здесь, я глазам не поверил: онять он. Уже не в рубахе, а в майке, сидит и так же глядит перед собой изпод кепочки. А перед ним - машины, машины, беспрерывный караван дороги ... чего глядит? Бахмара. Одному Богу известно, откуда она тут взялась и что это такое. Ну как тут не упомянуть, как пройти мимо названий придорожных закусочных в нашей глубинке? Чего только не встретится: и "Кошкин дом", и "Ромашка", и какой-нибудь "Кузьмич", а то и просто "Харчевня" ...

Но это все же наши слова, уместные. Я о других, об иностранных. За ними угадываются отчаянные порывы души преобразователей деревенской жизни. Ребят нисколько не смущают окружающие реалии в виде старух, торгующих здесь же картошкой и парным молоком, шныряющих куриц, избушек с резными наличниками... Добро пожаловать в какой-нибудь "Норд" или "Коломбо", в "Лагуну" и даже в "Фиесту". Но как ни называй быка "Мерседесом"... Местный бахмарец озаглавил свою сарайку с прибитым к ней куском фанеры - "Мэри". Вот интересно поглядеть на англичанина, наткнувшегося

своей английской глубинке на кабачок "Аграфена" ... Куженкино. За ним Березай, кудрявая бородка.

Выползово... Это сильно, но означает всего лишь крайние избы селения или предместье. Въезжаем в новгородскую землю. Едрово. И сразу отозвалось смолистым духом, звоном топорика по литому стволу. Сколько уж едем, а все тот же речистый, озеристый край... Валдай. Что-то солидное, с сединой: дядька Валдай, кто ж не знает. Миронеги. В старину тихо-мирно поселились тут людишки с Онеги. Прижились, ничего. Яжелбицы. Ну тут что-то свое, не-проглядно родовое... Зато свежее. Киселевка, Кузнецова. И это пойдет, сгодится в общей симфонии.

А вот и Крестцы. Отличный звук. Здесь мы обязательно останавливаемся. Здешние жители наладились выпекать вкуснейшие пироги: хочешь - с капустой, хочешь - с картошкой с укропчиком, хочешь - со свининкою сочной, хочешь - с рисом и яйцом и обжаренным лучком, хочешь - с яблоками, хочешь - с чем хочешь!

Тут тебе и чай с самоваром на табуретке, и кофе есть, и молочко найдется. Стоят, торгуют против

каждого дома его домочадцы, и родители и дети и старики. Продукт хранится горяченьkim - у кого в солдатских больших термосах, у кого в кастрюлях, укрытых телогрейками да одеялами. Предлагают приветливо и недорого. Догадливый бизнес. Не сидят, сложа руки, промышляют себе на скучную жизнь. Удивительно то, что сколько ни проедем мы после местностей и деревень, а такого больше нигде не встретим.

Проезжаем предместье Новгорода. Появилась низкая равнина с перепутьями каких-то речек, справа незаметно пристроился за деревьями узкий канал и пошел параллельно шоссе, проглядывая темной водой, янтарными спинами, взмахами рук, лодками, стрелками весел с капелью, неподвижными рыбаками... Великий Новгород встречает нас длинной аллеей, по которой мы вкатываемся в самый центр и попадаем прямо на мост. Отсюда прекрасно видно Софию, стены кремля и вал, и отлогий берег, и светлый Волхов под светлым вечерним небом...

Нас пробудил обычный уличный шум, влетавший свободно в комнату, и яркий солнечный свет,

при котором спать становится как-то немного стыдно. Лежа, я подумал о том, что так называемый "шум дня" на девяносто девять процентов состоит из шума автомашин, и что если бы не они...

Софийский собор вызывает изумление высшей степени. Храм Премудрости Божией, кажется, и сам сотворен невиданной простотою премудрости. Откуда ни смотри - это единая песня объемов... Все его казалось бы противоречивые части, все его разновеликие выступы и абсиды звучат слаженно, дополняя друг другом один общий и сильный "голос", и всё вместе выступает действительно мощным, уходящим ввысь куполами, белокаменным хором.

Отсюда, с Софии, и началась наша книжная торговля. Потом заехали еще в пару "точек" и опять обернулись совсем неплохо, так что после полудня мы покидаем Великий Новгород вполне молодцами - почин есть!

На пути был Юрьев монастырь, но нам "не светило" ни в нем, ни в его унылом скиту: не нашли нужного человека.

Разворачиваемся на юг - вдоль Ильменя. В пригороде делаем остановку у магазинчика, покупаем поесть. Уминая булку с кефиром, смотрим на брошенную кем-то комнатную собачку. Кроха лежит мордочкой в луже, отрешенная от всего на свете, и пускает пузырики... Жара в разгаре. "Заморив червячка", едем дальше. Вокруг нас плоская, пыльно-зелёная местность; слева дачные участки и огорода, а за ними где-то совсем рядом Ильмень. Машина бежит резво, бензина хватает, и я начинаю разглядывать карту, почти не обращая внимания на дорогу...

БАТЮШКА

Чем интересна еще дорога, так это людьми, с которыми предстоит встретиться. Они ведь зачастую не ждут тебя, да ты и сам едва ли догадываешься о них, и тем не менее приходит их час, и они появляются из этого "случайного" бытия и на какое-то время становятся участниками твоей "неслучайной" жизни. А незначительное с виду знакомство оставляет по себе такой след, который потом уже не стирается...

В одной из предстоящих поездок свернем мы в некую деревеньку, завидев еще издалека сверкнувший над нею крест. Поплутав немного по палисадникам, отыскали мы вполне опрятную церковку... с висящим на ней замком. Правда, напротив нее, как мы догадывались, выглядел под серою крышей

настоятельский дом. Заглушили мотор, вышли, стоим. Ни звука. Неужели облом? Калитка была не заперта, и мы вошли. За калиткой нас встретил медведеобразный пес. Он несколько раз рявкнул, подрагивая брылями, и мы почтительно замерли, поглядывая с надеждой на хозяйские окна. Наконец на крыльце показалась матушка. Она отвела чудовище в угол сада, и улыбаясь, словно дорогим гостям, пошла к нам. Не успели сказать мы и пару слов, как следом за нею выкатился радостный батюшка. Был он кругл и свеж, в крепких еще летах, и узнаваем с первого взгляда. Как будто где-то встречался с ним, хотя точно знаешь, что не встречался. Разговор завязался как-то сразу, без напряжения. Он пригласил нас зайти в свой храм, мы не раздумывая согласились, и матушка поспешила в дом за ключами.

- Вот посмотрите наш храм, - сказал он, с любовью оглядывая его.

Сняв замок, он перекрестился и, поделовав дверь, вошел внутрь. Он поклонился алтарю и уступил нам дорогу, и пока мы шли к аналою, запел легко и привычно тропарь Богородице. Меня поразила свобода и неожиданная радость этого пения. Он пел для нас и не для нас, для себя и не для себя, он пел Богородице, храму... Он кружил по нему вперед животиком, что-то рассказывал об иконах, показывал куда-то, и снова пел. Он смотрел на нас и улыбался сам, и наши улыбки только добавляли ему настроения. Матушка стояла, не сводя с него глаз, чуть улыбаясь.

Потом мы перешли к нашим книжным делам. Книги он отбирал внимательно и, выбрав какую-нибудь, обязательно проводил по ней ладошкой.

- Маша, ты помнишь наш разговор с отцом Федором? Вот здесь как раз об этом.

Так он говорил с ней, зная, что матушка услышит его везде, где бы ни находилась.

- Вот это надо обязательно взять для Сергея Иваныча, пусть почитает, - говорил он. Или:

- А это для Олењки, а еще есть? Тогда я возьму все. И Федоровым и Захару надо будет послать несколько штук. Маша! Ты посмотри, что я нашел! Он пояснял мне:

- У нас здесь мало читают, сами понимаете, но уж если читают, интересуются, то уж на всю катушку. И таких нельзя оставлять, они на вес золота.

Подходила матушка:

- А ты Игорьку не забыл? Он просил что-то.

- А-а, вот хорошо напомнила, умница, - говорил он, - сейчас мы что-нибудь ему подберем, Игорьку...

И она смотрела на него, провожая каждое его слово.

- Что-нибудь детское есть, хорошее, без сюсюканья? О, это такой Игорек, - говорил он, покачивая головой, - спрашивает: "Отчего так цветы цветут? Отчего соловьи так поют?" Соловьи у нас этой весной заливались, что-то невероятное! Вот ему учитель про законы природы, про инстинкты и прочее, а он говорит: "Нет. Они Бога славят"? Приходил жаловался на него: "Повлияйте". А кто я? Бог влияет!

Нас уже в который раз зовут "покушать или хотя бы чайку", но мы упорно отказываемся - давно пора ехать. Наконец мы сели в машину. На прощание он сказал:

- Мучит меня знаете что? Ни к кому мы православные так непримиримы, как друг к другу. Столько ненависти, диву даешься! В куски готовы порвать. Врагам всё готовы простить, снисходить и снисходить... даже к кощунникам, а к своим нет, не то что любви - не хватает простого такта. И ведь не из-за ереси какой-нибудь, из-за пустяка: биография у него не та - "перекрасился", или говорит не так, или служит не так... этого за святого не признаёт, а того почитает! "Вы знаете, где его видели? Он с тем-то и тем-то встречается, так что смотрите, поосторожнее с ним..." И шарахаемся от него - не наш, и знать тебя не желаем! Так он что? Задумал развалить православие? Церковь развеять по ветру? Он - антихрист?! Оказывается, обыкновенный батюшка - служит и народ к нему ходит, что-то не так у него, может и сам мучается... - не прощаем!

Глаза стали тихие. Он всё трогал свой крест,

- А мы все Божии и все-грешники, Все в одной Церкви, к одной Чаше подходим... Если уж своих не любим, куда ж дальше?

Ветки над ним качнулись ветром...

- Ладно, езжайте с Богом, - он взмахнул рукой, благословляя нас вместе с машиной, - Спаси вас Господь, - и улыбнулся, - дорогие мои...

Матушка наносила яблок и протянула записку.

- В Святогорском будете? Передайте там отцу (она назвала имя иеромонаха), там на молебен и сорокоуст, - она быстро оглянулась, - Не забудете? Ангела-Хранителя вам, спасибо... Спасибо!

С тех пор мы так ни разу и не заехали к ним. Всё как-то не получалось. Только потом я узнал, что у батюшки страшная болезнь - саркома.

Воспоминания сокращают путь, известное дело, но надо бы знать, где мы находимся. Ага, Шимск.

Поворачиваем налево на Псков. Но выбираем не трассу, а укорачивая путь, едем по местной дороге, параллельно реке. Вот и первая деревушка. Мишага Воскресенская! Не какая-нибудь... И спросить-то вот не у кого, много ль еще этой "мшаги" осталось или всю произвели уже? Позже выяснилось, что Мишага - это название речки и "осталось" ее еще довольно много. Любопытные места пошли, скажу я вам... Куда мы заехали? Какие-то потаенные деревушки, какой-то затерянный мир... С гнездами аистов на столбах (так близко, что глазам не верится); светлые тихие речки... снова аисты - стоят себе, постукивают клювами друг другу, и малыш между ними, большой уже. А прямо под ними голоногая стайка пацанов, петляют на велосипедах, и весело им, хохочут белобрысые. Сойкино. Нас провожают дружным лаем четыре черно-рыжих барбоса - тоже веселые такие... Упоительная какая-то дорога.

Над нами зеленовато - мыльное небо, чуть розовеющее у горизонта за полосою сиреневых туч... Должицы. Солнце стелется по траве, вытягивает из-под деревьев длинные тени, красит оранжевым золотом березы и крыши. Бабульки сидят рядом у амбара, провожают нас взглядами. Пахнуло коровушкой. Не навозом, а именно теплой коровьей сыстью... сколько напомнил он вдруг из детства. Самый мирный на свете запах. Речка показалась - серебро очищенное, ни единой царапинки. Посередине лодка с рыбаком, на мостице тоже мужики рыбачат. На дальнем берегу избушки в садах по самые крыши. Дорога вьется серою змейкой, деревенька за деревеньку цепляется.. Тормозим. Стадо коров запрудило дорогу. Идут вразвалочку, они здесь у себя... Вообще странное ощущение от этой дороги: едем вдоль деревни, а там люди сидят по обе стороны на лавочках, разговаривают через дорогу, обсуждают чего-то, переходят друг к другу... Даже как-то неловко проезжать, впору разрешения попросить. Какая то "домашняя" дорога. Осоки. На дворе кто-то лежит ничком в белой рубашке, среди гусей. Девчонка обходит его с полным ведром... А дорога всё крутит-вертит. Дубровно. Ямкино. Шлялово... Какие еще тут слова нужны? Бери и смакуй. День угасает на глазах. Край неба сливается с лесом. Смеркается. Наехала долина с темными от росы лугами. Дышится сладкой прохладой... Торчит деревянная вышка, в старину называлась - вежа. Не иначе для того, чтоб глядеть с нее да поглядывать: все ли мирно окрест,

не видать ли где дыму-опасности, не крадется ли враг какой?

Давно уж не встречаем мы никакого жителя, только жильё засветилось кое-где окошками... Выкатилась луна. И какая луна - пушка царская, а не луна! Туман дымится под фарами. Лопатово. Скоро Псков. Проехали Кебь. Места пошли всё больше дремучие, и, похоже, конца им нет... Вот так встанишь здесь, случись чего, и поминай как звали. Совсем стемнело. Пора бы уж и пригороду показаться...

Въезжаем в Псков по каким-то колдобинам и во тьме. Где-то впереди маячит квадрат освещенной улицы, угадывается ночная жизнь. Желтый квадрат наезжает на нас, мы притормаживаем на перекре-

стке уже в полном свете фонарей и реклам. Спать здесь явно не собираются. На углу магазинчика парень с девушкой, берутся за руки, что-то говорят на ходу, смеются, прямо под светофором в киношном поцелуе застыла парочка. Гуляет "любовь". Встречи, взгляды, касания, дрожь... Как всё это далеко от нас, нам бы гостиницу. Спрашиваем у фланирующих с пивом девиц: где тут гостиница? Оказывается, у нас за спиной. Теперь найти стоянку, покончить с формальностями - и всё. Отбой...

"ПСКОПСКИЕ" ВСТРЕЧИ

В два часа пополудни следующего дня, успев к тому времени побывать (и весьма удачно, в смысле торговли) в бесподобном Снетогорском женском монастыре, над рекой, и в отдаленном, едва

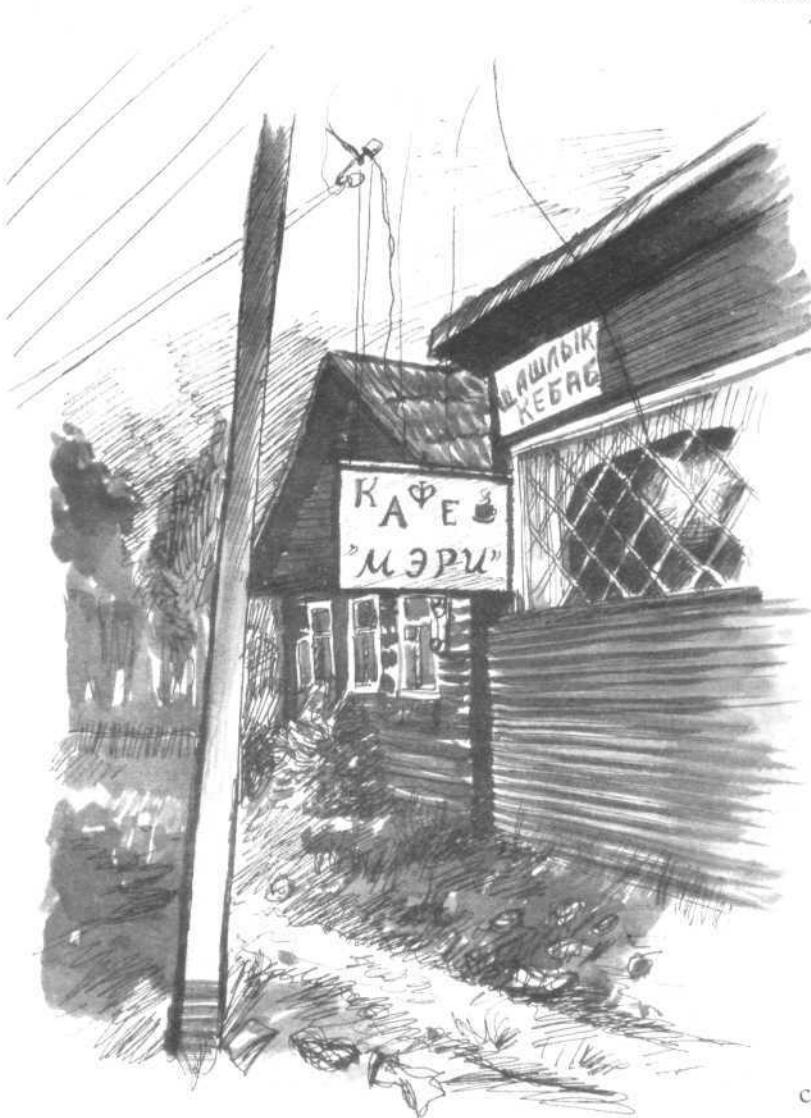
только ожившем, на болотах, Крыпецком

(где застали на берегу озерца монахов, весело потчующих чаем галдящую ребятню), и успевши влюбиться в тот и в другой, мы возвращаемся во Псков, сворачиваем с главной дороги и кривым закоулком пробираемся к епархиальному управлению. Тупичок. Пыльные лопухи и крапива, забор. В пропускной будке тоска и мухи, но дальше нельзя. Я стою у окна, наблюдая за приходящими батюшками. Они съезжаются сюда со всей округи по церковным нуждам: за свечами, за ладаном, за вином и прочим. Рыжий молоденький батюшка, вместе с совсем молоденькой матушкой, составили мне компанию, ожидающую владыку. Слово за слово - разговорились.

- Что Вы, какая там литература в нашей глухомани. Приходик маленький, - батюшка усмехнулся, поправил очки, - каждую неделю кого-нибудь отпеваем. Одни бабульки ходят, да и тех осталось...

Он то и дело поглаживает свою "детскую" бородку. Жирная муха зудит в стекло.

- Мы подсчитали: лет через шесть-семь село просто вымрет, понимаете? Вымрет.

- К нам один мальчик стал приходить, так мы его уж боимся спугнуть чем-нибудь, - улыбнулась матушка.

- Уйдет, наверное, - сказал он вдруг.

Владыка отбирал литературу изнуряюще осмотрительно, и в результате набралась лишь жалкая стопка книжек. Я сел в кабину, напарник включил зажигание. "Ваше благородие, госпожа удача" ...

Перебравшись по мосту на другую сторону Пскова, подъезжаем и встаем у храма Александра Невского. Нам опять не везет: человек, отвечающий здесь за прием литературы, в отпуске. Служащие храма, чтобы как-то поправить ситуацию, связались по телефону с настоятелем и передали нам, что батюшка готов ненадолго принять нас. Я перешел улицу, вошел в ограду небольшой территории, где и увидел в тени деревьев одноэтажный зеленый домик. Взойдя на крыльцо, я нажал тугую кнопку звонка, никогда не знаешь, что тебя ждет. Дверь открылась, и передо мной предстал древний подвижник: ясные стремительные глаза из-под клоков бровей, борода в длинных проседях... Худущий какой.

- Здравствуйте, проходите, - он тут же повернулся и шагнул в комнату, - только прошу Вас, не долго...

Двигался он быстро. Я прошел за ним и поставил на стул большой пластмассовый ящик с образцами.

- Это что - все образцы?

- Да, батюшка. Выбирайте, есть новые книги...

- Вот эта в какую цену? - он вытащил желтую "Преподобный Силуан Афонский", - а "Схиигумен Савва"?

Я ответил.

Он перебирал корешки, выхватывая книгу за книгой. Тонкие, цепкие персты.

- Акафисты почем?

- Эти по три.

- Так, что же делать, - он повернулся к своему столу, - я не думал, что у Вас так много... а мне срочно нужно сегодня...

Он вдруг сел за стол и стал перекладывать нарезанные полоски бумаги с какими-то текстами. Схватил ручку и стал писать. Взглянул на меня:

- Как же нам быть с Вами?

Он поднимался ко мне, брал книгу, спрашивал, но через минуту снова садился к своим бумагам.

Опять стал что-то быстро писать, взял ножницы...

- Я сочиняю тропарь сербским святым. Я был там, - он беспокойно посмотрел на ящик с образцами, - там очень... там очень трудно... Мне срочно нужно завершить. Совершенно нет времени.

- Извините, батюшка, я не знал, что...

- И Вы меня простите, - он улыбнулся, привстал, - я должен работать. Простите мне... Бог вас благословит, ступайте. Все будет хорошо.

С тем я и вышел. И даже как-будто повеселел, с чего бы?..

ТЫ ВЕРУЮЩИЙ?

На трассе мы удачно заправились и пустились дальше, на юг. Нас ждут Пушкинские Горы, точнее, Святогорский мужской монастырь. Вечером будем там. Бог даст, управимся с делами, переночуем - и на Смоленск. А пока ничего не остается, как глязеть в окошко. Перед нами все та же куще-зеленая псковская земля. Солдатиков везут куда-то полный кузов. Гимнастерки расстегнуты, лица блестят у висков, жарко служивым. Обгоняют их. Справа деревенское хозяйство: машинный двор, комбайны, прицепы с сеном... Под липами стоят девчонки, облитые русским солнцем, продают молочек в стеклянных банках. Леса светлеют вдали. Сверкнула река... Где-то же в этих местах росла святая Ольга. Первая наша, русская, среди святых. Бегала девчушкой по травам, заводила глазенки под материнскую колыбельную, шепталась с подружками, купалась девушки в озере... Отсюда повезли ее невестою Игоревою княжеские послы. Сюда приезжала она уже невестою Христовою - великой княгиней Ольгой... Вот здесь все это было. И земля осталась, и реки те же текут... Кто его знает, может, и растет где-то тут пацанка - будущая жемчужина России, почему бы и нет?

Перекрестился было, да... Странная штука со мной случается, нет-нет да и удивлюсь на себя: Максим, ты верующий?

- Ну да.

- Серьезно? Ты что, действительно серьезно веришь, что есть такой Бог Иисус Христос, "сидящий на Небесах", который в самом деле тебя любит? Тебя знает и любит Бог? Который сейчас вот слышит тебя? Который безде тебя видит, где бы ты ни был, со всеми мыслями твоими? Кому-то больно, когда ты грешишь, да? И который

испытывает радость, когда ты раскаиваешься? Он что, правда радуется за тебя? Что молчишь?

- Думаю - да.

- Да? Ты... ты, белковая субстанция, и ты веришь, что умрешь и проснешься без тела там, в невесомом мире энергия, полном духов и ангелов? Что там есть Небесное Царство на облаках (семиарусный рай?), а где-то внизу дымящий ад? Ты во все это веришь, или просто много раз слышал, читал, и "научился" во все это верить, убедил себя сам и дал убедить себя другим? Обучился и пошел верить... по жизни. Потрясающе!

- Все же я верю. Хотя и не знаю точно, почему. Но верю.

- Это ты-то? Верующий?!

- Хочешь прощё? Я не знаю, как это я верую, но я не представляю себя в ситуации, когда можно жить и не верить. Вот так встаешь утром... и Бога нет... Не представляю!

- С каких это пор?"

Вопрос, конечно, интересный. "С каких это пор?"... Так сразу и не ответишь. Как-то не задумывался над этим вопросом раньше: откуда она взялась у меня, вера. Ведь жил я без нее в общем-то. Жил...

Жил я себе и думал: как же так, вот живешь ты для чего-то (а для чего, собственно?), вдруг бац - и нет тебя! Как комара. И ведь не спросят тебя никто: ты как, мол, готов? Или рановато пока? Что ж, выходит просто не повезло? Один богат, здоров и счастлив, другой загибается в нужде, в болезнях, не вкусив и сотой доли от всей этой сверкающей сладости бытия? Этот - гений, кумир столетий, а этот - беспробудно туп, как колун? Но может, и у тупого есть свое какое-то счастьишко, и ему хватает? Неужели вся правда в том, что "все достаточно относительно"? Неужели правда, все дело в везении и невезении и все на этом кончается? Неужели действительно сплошная и окончательная на всем "се ляви"? Но если так, то в жизни нету Тайны. А если нету Тайны, то все бездарно! Глупо и бездарно!

Но как же бездарно, когда каждый день всходит солнце! Неизвестно по какой причине! И все

равно: заходит ли оно оттого, что настала пора отдохнуть, или мы сами ложимся спать, потому что оно заходит - как ни крути - мы не можем без этого. Хотим мы того или нет - это пределы нашего повседневного обитания, справа - налево, восход - закат. Это заданная ширина потока, потока под названием "жизнь", потока, который заставит людей вставать и бежать на работу, сменять по погоде одежду, рожать, заботиться и стареть; все оживает, кипит и гаснет в его неудержимом напоре и все уносится им... Куда?.. И не выйти никому из русла, невозможно замереть и встать на месте, наперекор потоку, наперекор всей несущейся навстречу жизни: попробуй постой столбом, ничего, абсолютно ничего не делая - все равно отрастут и повылезут волосы, исказится лицо и одрябнет кожа, и выдуется твое тепло, как выдувается сквозняком жилище, и остановится сердце, и тогда все равно положат в могилу и унесешься в ней...

Вот и поворот на Пушкинские Горы. Но почему-то перекрыт...непускают. Нам приходится "пилить" еще двадцать с лишним километров до следующего поворота... Чуть не проскочили, сворачиваем. Местная кривая дорожка - грунтовая. О, только бы без встречных машин - пылища! Я оглянулся назад и увидел, что мы дымим не хуже дровяного склада. Бедный "жигуленок" за нами ослеп и остановился.

Прибавили газку, и дорога на глазах начинает спрямлять извилины, поворачивает и снова вытягивается, и так после каждого виража...

Солнце клонится к лесу. Давно ли я стоял на берегу Великой во Пскове, смотрел на кремль? А вот уж и вечер кончается. Справа озеро объехали тишайшее. Волнистая равнина, плавная. Луга... В лугах пустынно, легкие туманы... Сюда б верхом прогуливаться. Вот, кстати и лошадки. Одиночные пасутся... А деревеньки маленькие, аисты на крыше. Коноплюшка. Сороки носятся туда-сюда перед машиной. Помоему, у них игра такая. Колодец, старый сад. Деревня Пустыньки. Мосток. Еще немного... и в городок въезжаем. Дома кирпичные, дома... завиделась стена монастыря... Приехали. Монахи открывают нам ворота, заезжаем. Становимся в углу гостиного двора.

Утром получилось проснуться чуть свет, что в общем большая неожиданность для меня, я встал и, лихо омывшись, взялся за дело. Работалось в охотку, подходили монахи и настоятель, а нужные книги как-то сами просились в руки. Погода стояла заме-

чательная, утренняя прохлада все еще держалась в тени густейшей сирени, под которой-то и приютилась наша машина, с открытыми настежь дверками кузова, и откуда я все доставал и доставал и укладывал в пустые коробки плотные и твердые, как обрезки березовых досок, книги.. Зато на солнце дожидалась уже пышущая объятиями, приставучая толстуха-жара.

К завтраку с делами было покончено. После трапезы я поднялся в церковную лавку к своему знакомому монаху и передал накладные. Мы обнялись и простились. Благочинный, с виду неприступно-строгий отец (а на самом деле нежнейший и душевнейший человек), тепло благословил нас, и мы отбыли с Богом по знакомой дорожке, жалея лишь о том, что не удалось побывать в Михайловском. Весь наш маршрут рассчитан по дням и уже через сутки нас ждут в Москве.

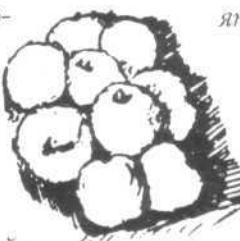
Итак, мы едем на Невель и на Смоленск. Дорога не "главная", незнакомая. Продолжаем считать деревеньки. Крупяя. Эта река такая. Не гляди, что маленькая - по весне "крупенится", крутит льдышками, поднимется под самый круп лошадиный... Только верхом и перейдешь ее. Гультай... Всякий раз представляешь государева дьячка, который составляет перепись дворов, уточняет названия и заносит в "Писцовую книгу", учет - первое дело!

"Деревня-то как называется?" - "Да какая деревня, сам вишь, какая деревня: три кола - три двора..." - "Прозвание должно быть". - "Да нет у нее никакого прозвания. Гультай тут жил... да и с Петровом дня того..." - "Вот, стало быть, и зваться ей - "Гультай". Мне тут с вами балакать некогда, у меня еще две волости не списаны"... Примерно так.

РАДУГА

На окраине Невеля зашли мы в магазин и устроили себе походный обед из двух блюд: ряженка и теплая булка хлеба...

После смерти мамы, помню, отец как-то притих душою, посреди разговора задумается, смотрит куда-то... Слушаться стал нас с сестрой, как скажем, так и делает. Хоть и шебутной, а слушает, смотрит, соглашается, может быть, потому, что она только в нас теперь и оставалась живой для него, будто проглядывала в нас интонацией, взглядом ли, жестом... Может этим и держался как-то первое время. Надо мной больше

не подтрунивал, не подкалывал в том, что я верующий, и когда речь неминуемо заходила о чем-то таком, не прерывал. Он читал, взыхал, маялся, надо было что-то делать. Мы решили отправить его в Петряево, в маленький хуторок в бездорожных ярославских краях, там был у нас свой домишко, купленный когда-то отцом - место, где душа его всегда обретала простор, а огород и хозяйственны

е заботы, мы надеялись, ободряют его деятельную натуре, заполнив время насущными мелкими делами и хлопотами... Но сколько ночей, сколько всего перечувствовал и передумал там мой поседевший, упрямый отец? Однако расчет оправдался. Ожил человек, и сколько было радостной сути, когда мы приезжали к нему! Он стал еще доверчивее, по-детски... Помню приехали мы, сели за стол, и вдруг спрашиваю:

- Ну ты как, готов?
- Да броде...

Наши ли редкие беседы, книги ли, напряженное его одиночество, или что-то еще выдавались в его словах, - какая разница!

Утром сели в УАЗик: я, муж сестры за рулем и отец, выехали в Павлово, в сельскую церковь. Кажется, был октябрь, дождь со снегом и ветер, но повезло, не застягли. Ждали час, ждем другой, батюшки нет, он не местный, приезжает служить из Ростова. Может, заболел? Кто знает?

- Ладно, в следующий раз, - говорит отец,
- Давай в монастырь?

Древний монастырь, красавец, не так далеко отсюда, недавно, слышали, открылся. Только вот служат ли там? Говорят, будто бы должно быть...

Продрогшие, голодные, мокрые, серо и слакотно... Что делать-то?

- Едем.
- Сам себе удивляюсь:
- Едем, Генка, заводи.

И мы едем, молчим. А я думаю: вот привез отца креститься, а храм закрыт, хотя должен быть открыт в этот день, что это значит? Рано еще? Не угодно Богу? А если и в монастыре облом? Вернемся, наверное, злыми, да и поедет ли он "в следующий раз"? Господи!

Приехали. В монастыре тишина, один-два человека мелькнули где-то, дождь сечет. Поднялись к храму, дергаю дверь, открывается, батюшка стоит, смеется:

- Креститься?

- ?? Да-а...

- У меня уже все готово для вас.

- ?!..?!

- Кто из вас?

- Вот отец.

- Очень хорошо. Здравствуйте...

Действительно все было готово: справа, за перегородкой стояла купель и низкий широкий таз, за ним скамейка и коврик, горели свечи... Батюшка стал говорить с отцом, и тут выяснилось, что он родом из тех же мест, где родился отец.

- А крестным кто? Сын? А что? Знаете, у древних христиан это было частым явлением, это нормально!

- Да, как-то все-таки...

Я стоял, не вполне понимая происходящее, казалось бы: все вышло как нельзя лучше, все устрои-

лось так, как мы и хотели, но в сознании моем засело только одно - "так не бывает"...

Потом батюшка вызволил меня из ступора.

- "Символ веры" знаете?

- Знаю.

- Читайте... Громче!

- "Верую во Единого Бога, Отца Вседержателя..." - я говорил это вслух, боясь запнуться, а за перегородкой стоял мой раздетый отец...

Когда мы вышли из храма, на паперти к нам подошла какая-то женщина, она поклонилась и подала отцу большую белую просфору:

- С праздничком Вас!

- Спасибо, спасибо, - неумело поклонился в ответ отец.

Я повернулся и обомлел.

- Па, смотри!

На дымчато-синем небе горела радуга! Только-только нанесенная, четкая - желто-зелено-красная... И всю обратную дорогу до самого дома светило солнце. Природное явление? Соппадение? Так отчего же тогда звенела она на фоне туч? Мог

жет, что-то еще совершилось? Может, кто-то родился в тот день? А если бы мы повернули тогда, в Павлово? Нет, не могли мы повернуть, потому что...

За Невелем - Барсуки. Но это на одной стороне, а на другой, через речку Шестиху, уже - Соколы. Пошло полесье, настоящее... покосы, перелески серебристые, резвые, стрельчатые ... Только вот дорога пошла дрянная. Река Кляжа, о наш язык! Пожары, Рындино, Узкое. Северики... Сколько же на земле зелени! Всех этих зарослей, листьев и кущ... Борновалово. Сколько необъятной зеленой массы, облегшей землю зелеными тучами, свеже-зелеными морями, дымками опушек... Городочек Усвяты. Что тут можно сказать - мосток, а за мостиком речка течет в камышах, а на отмели лодка с удочками, а над ней ко-за за колышек привязана, а рядом ветла с "тарзанкой", а от ветлы улица идет с яблонями нависшими, а под ними дома с белыми окошками, а из окошек дорогу видать... Здесь живет детство.

Деревня Удвяты, аты-баты, раз-два. Что там дальше? Хуторок какой-то ползет. Ну-ка, что за хуторок? Кивалы... Молчаливые люди, не шелупоны какая-нибудь. А может немые? Как бы там ни было, но "накивали" они тут немного: с десяток домиков с сарайками, да огородишки... Что-то дорожка стала наша приплясывать, да подбрасывать нас почем зря, скачка, сущая скачка, господа! Ох,шибко идем, наметом, но осанку держим!... пока держим. Великий городок великим тоже не назовешь. Ну и ладно. Лежит он себе весь на Западной Двине, в ус не дует... Саксоны. Вас-то как сюда занесло? Патики. Лукавшово. Во всю ширь открылись поля, не достать глазом до края - уходят. Дождик пошел частый-частый. Закрутые. Ферма-развалюха... Речка Каспля. Вид на нее "ливитановский", с грустинкой. Понизовье. Мы все еще скакем. Сырицы. Стадо пегих коровок, без пастуха... А вот и пастух - городская бабенка с кнутом и под зонтиком, читает что-то... Лехонов Бор. Лехин значит. Утробушка наша развязла от тряски от этой, когда ж конец-то ей? Направо - Пушкири, налево - Бабны. Прягаем и прыгаем... Мамошки. Вот уж воистину. "Ба-бка-се-я-ла-го-рох!" Дождливое зеленое безлюдье... Язвищи. Леса, поля, поля, леса. Агапоново. Классическая Дубровка. Дождик перестал. Хлусы, Банный Остров. Вот куда б нам не мешало попасть. Какой это чудный островок, наверное: одни баньки, и одна другой лучше, тишина там, мужицкий говорок, дымочки... Солнце клонится за спину, за правым плечом. Еще один денек спать за-

валивается. Наконец-то доскакали до трассы, покатались гладко в пригород... Дивассы. Да уж теперь "дивасса" некуда, окромя как в Смоленск. Въезжаешь ровно, а потом все круче вниз, вниз, к Днепру.

СМОЛЕНСКИЕ НОЧИ

Смоленск - город на кручах. И как тут народ в гололедицу ездит, не представляю. Едем по мосту, предстала взору знаменитая гора в серебряном венце соборных башен. Дивно! Смоленская гора словно спасает округу своей красотой. Круто идем на подъем... Мы забираемся на самый верх, к кремлю, встаем под кущами, напротив древних крепостных ворот. Спешу попасть под своды храма, и увы, я застаю как раз закрытие его дверей. Но я довolen уж и тем что вижу... Собор огромен. Своим зеленым ровным кубом он не отпускает сразу. Я обошел его вокруг, он удивительный! В светлом небе горят купола и кресты его, а где-то внизу, далеко, затихающий город...

На ночь приютила нас церковка в типовом микрорайоне. Церковный сторож, улыбчивый парень, открыл нам ворота и мы припарковались у его вагончика. Сторожем почти два года. Когда-то был геологом, поездил, потом занялся бизнесом, потом принял крещение, бросил бизнес... теперь он днем работает, а ночью, через день, дежурит.

Мы сидим на топчане в его вагончике и пьем, прихлебывая, "Майский чай".

- ...Можно и такой вариант: одному в трапезной на лавках, только сдвинуть их надо, а другой вот тут, - он похлопал по сиденью, - я телогрейки дам, постелите...

- А ты?

- Я ночью не ложусь теперь. Да вы не беспокойтесь, до обеда высплюсь, я привык уж.

- Ты как в наряде в армии.

- Я почитаю, похожу...

- Никак разбойнички повадились?

- Да нет, какие разбойнички... тут... в общем пьяные ломиться стали.

- Неужели?

- Ну. Лазить начали в последнее время.

- Похмелиться, что ли?

Парень хмыкнул и покрутил головой.

- А зачем?

- Ну... исповедаться что ли, - сказал он с улыбкой.

- Что, правда?

- Ну. Тут один через "рабицу" прорывался. У нас все этой сеткой огорожено. Я в храме ночевал тогда, слышу шум какой-то, выхожу, а он на крыльце стоит. Лицо, руки, все в крови, с перил капало... "Мне батюшку срочно надо," - говорит. Плачет... Еле уговорил его до утра обождать...

Парень опустил глаза и улыбнулся:

- Пока по "02" звонил, он лег у трапезной и заснул. Три раза звонил, не верят. Потом приехали на "Жигулях", увезли его в багажнике...

- Как в багажнике?

- Избили сначала, потом туда.

- Зачем избили?

- Не знаю, он сонный был.

- А зачем по "02" то? Звонил бы "03"...

Он улыбнулся и пожал плечами.

- Другой тоже... ночью. Помню, прилег вот здесь, вдруг бабах кто-то в стенку, стенка-то железная. Звон, что в колокольне, выхожу, как дурной... Вижу - стоит, качается за воротами. Камнями кидался. Говорю, ты чего хулиганишь? А он - "Мне с попом вашим поговорить нужно". Он здесь не ночует, говорю. Не верит. Завтра приходи, говорю, к службе, он тебя выслушает. Часа два убеждал. Ушел. И еще было...

- Потом-то приходили?

- Нет, ни разу. Сколько было случаев - никто не пришел. Он посмотрел в открытую дверь вагончика.

- Что-то с мужиками творится такое...

Ночевал я в трапезной, на лавке. Происшествий не было.

Ночью мне плакалось. Приснился пионерский лагерь, приезд отца с мамой в родительский день. Мы сидим с сестренкой на берегу речки, нас кормят сладостями, отец подзывает ребят из моего отряда - местных деревенских, и тоже угощает их и шутит с ними, они так вежливо берут и уходят, и подмигивают мне, как ни в чем ни бывало... А я опять не могу рассказать, как они избивают меня, как заставляют искать им окурки, как подкарауливают меня с сестренкой, когда мы видимся с ней, как пугают ее и хохочут, и как я, зверя,

набрасываюсь на них с палкой или с камнями, и никому, никому не известно, чего мне стоить каждый раз успокаивать напуганного, несмышленого человечка, смешить ее и дурчиться, зная при том, что меня ждет, когда я вернусь в отряд.. Не могу я этого рассказать, потому что давать нас родителям некуда - оба работают и забрать все равно не смогут... Я молчу еще и потому, что маме нельзя огорчаться, у нее и так больное сердце, да и отца не хочу я видеть рассстроенным и злым, ему так весело... и еще потому, что не приучен я жаловаться, хотя они и старше меня! Но ведь родительская защита, вот же она, совсем близко, так рядом спасение...или отмщение!

- Ты чего, сынок? - спрашивает отец.

- Все нормально, пап.

А внутри все жжет от обиды!

- Сыночек, еще две недельки и мы приедем за вами, - целует *я* гладит мама.

Мы прощаемся и уходим в лагерь, я веду сестренку за ручку и уже недерживаю слез.

В Смоленске заехали мы в несколько храмов, предлагая везде свой товар. Но положение у всех одинаковое: средств почти нет. И мы отдаем книги в долг. Пора уезжать, впереди Москва. Перекусив, отправляемся через центр, назад, к Днепру.

Старый город совсем неплох, по-прежнему "держит марку", домовит, фасадист. Да и что из себя такое город, именитый город без "высшего архитектурного общества"? без представительства своих лучших подданных? Вот они, обступают нас... Солидные "дяди" собирались, нечего сказать, всяко-му цену знают, посмотришь - так не квартал, а приставленное место какое-то, в юбилейный день сюда уж в простой одежонке не сунешься: что ни дом, то и господин, честь имеет представиться, ни перед кем не спасут - хоть цоколем, хоть фронтом с портиком, как ни повернется, все на нем, как мундир кавалерский... а то и повыше бери - иначе как "Ваше превосходительство" и не назовешь, все по чину, изволите видеть: ордер дорический, антаблемент, восемь колонн с каннелюрами, флигеля, ну и картуши само собой, с вензелями... в общем, знатное общество, уж никак не ниже чем "Ваше степенство": глянешь на такого купчина - вот тебе ярусы в четыре ряда с итальянскими окнами, и балюстрады у него, и под карнизом арабесками пущено, и кари-

атиды имеются со всеми достоинствами, да мало того - он тебе сбоку еще и эркер выставит, а каков портал! И ведь не поспоришь - на них вся городская стать и держится...

Спускаемся к мосту. А вот и Днепр, муаровый, как лента славы, спокоен. Прощаемся со Смоленским, с его доблестной горой, с его кручами... Пока стоят они, будет стоять и он - славнейший камень России!

К МОСКВЕ

После Сафоново первая деревня - Хорошонки! Все, дуем в Москву! А кругом благодать - березовый рай! Холм Жидиновский, река Вязьма, мост. Карабкаемся букашкой по долгим холмам. Хмелита, грибодевский родовой уголок. Направо город Вязьма. Сычевка. Осташково. Царево-Займище, замка царская значит - летняя резиденция. Саматы. Батюшково... Из одних только названий можно роман написать. Шапкино. Село Вышнево. А земля - Всевышнего! Распестрелись буренки речными камешками на выгоне. Каржень. Пошли гулять

карусели! Разгулялся народец березовый на волюшке, куда ни глянь... То собирается кучно, то расступится-растянется толпой, то хороводить начнет, а то вот уж и к самой дороге набежали, глядят, ишь как разбелелись, как на празднике... А то стоят семейками отдельно, все семейки разные, по подобию нашему, человеческому, и у каждой своя судьба, своя долюшка. Ваулино. Веряя. Небо тучное, раскатистое. Погромыхивает.

Отяково... Рубанул дождь, накрылось серойвой Еремино. Шумим по лужам, машинки блестят леденцами. Весело! Кубинка забрала весь ливень себе. Дальше опять солнышко...

Скоро понакатит
Москва, а вместе с нею и
оставленная, как бы
на время, жизнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Как-то так подоспело время новой поездки. "Курское направление!" День на сборы : ветер и пыль, подборка ассортимента, загрузка машины, коробки, коробки, список, суета, оформление бумаг, деньги на дорогу, штуточки, ценные указания, утром в путь. Утром напарник опаздывает, жара на-каляется, набирает *мошь*, немножко нервно... И все-таки выезжаем. Продираемся прочь из московской печи, паримся в пробках, на светофорах, скорей, скорей на простор, но опять стоим - впереди авария. Мы молчим, мы изыхаем, как кашалоты, пока не вырываемся, наконец, за город - на сквозную, залитую солнцем трассу...

БАЙКА

На мосту, над просторной Окой, припомнилась мне байка о крокодиле.

Будто бы кто-то из местных жителей стал разводить у себя этих тварей. То ли ферму хотел устроить и промышлять себе крокодиловой кожей, то ли доказать хотел на спор, что здесь вполне для них пригодная среда обитания... В самом деле, чем Ока хуже Нила? Жила же в псковских лесах семья шимпанзе! В общем, одна особь, по крайней мере, у него удалась и выросла. Но где-то он, видно, не досмотрел, хозяин, и аллигатор убег.

Хозяин, сукин сын, молчок, никому не сказал ничего. И вот однажды на местной купальне эта рептилия и объявила... Поначалу-то его за крокодила не принимали, смеялись, обзываю кто "чуркой", кто "бревном", бросались в него, чем придется, понять-то можно. Видно, он такого не ожидал, может потому и рот открыл, вернее пасть. Ну тут ясное дело: сиганули, как те торпедные катера, на берег! Вызвали милицию. Участковый мужик решительный, разговоров не любит, застрелить хотел. Шутка ли - такую опасность обезвредить! Ну тут опять понятно - наши ведь люди-то, вспомнили про "Тотошу и Кокочу", про "Крокодила Гену"... стыдили, умоляли, даже толкать начали. В общем, как участковый ни старался, но так ни разу и не смог попасть рукой в кобуру. Хватились, а зверюга уплыла, ушел объект! И больше не объявлялся. До самой зимы почти. А как ледком стало Оку прихватывать, так он, бедный, и вылез. Стоит, трясется, зуб на зуб не попадает... Жалеют его, гладят, словами ласковыми говорят, давай телогрейками кутать. А куда его? Отволокли его к одной старухе одинокой, да еле четверо мужиков его доперили - такой фугас вымыхал. Но выходила его бабуля. На парном молоке, на травах, на водке, спасла короче

от смерти это животное.. Ручной совсем стал, бегает за бабкой как хвостик, главное воды боится, к реке ни-ни, близко не подойдет. Во как! К ребятишкам все держится, любит с ними возиться, катаются на нем. Говорят, шерстью начал обрасти, на кабана, говорят, стал похож. Вот такая байка.

И что же тут невероятного такого, если разобраться-то?

А еще с моста видать знаменитую пойму. Конца-краю нет огородным рядам на ней, лугам заливным, воистину Ока кормилица-матушка! Открывается живописный край, украшенный зеленою игрой лесистых холмов, садов, полей, Поленов любил эти места...

У МАМЫ

За мостом дорога раздваивается. Прямо - продолжение трассы, но я прошу напарника взять правее - на корявое шоссе, ответвляющееся параллельно трассе. Я решился на это в последний момент. Я решился на это не очень уверенно, я готов был изменить решение в случае какого-либо неудовольствия со стороны своего напарника и (почему-то!) не стал бы настаивать на своем. "Вот видишь, - сказал бы я совести, - я честно пытался заехать туда, но, видно, не судьба, придется как-нибудь в другой раз". И на какое-то время мне хватило бы этого оправдания, для того чтобы...

Дело в том, что эта дорога проходит через село, на его кладбище похоронена мама. Два года, как я не могу выбраться к ней. Но если бы я сейчас проехал мимо, другой дорогой (даже пусть с учетом всех обстоятельств) и удалялся бы все дальше и дальше от этого места и попал бы в такую даль, откуда при всем желании невозможно было бы, опомнившись, возвратиться к ней, что стало бы тогда с моим оправданием? А со мной?

Вот и село, вот и магазинчик, автобусная остановка... За ней, под широкими липами, кресты, оградки, надгробия, вороны и галки. Пробираясь по кладбищу, вспоминаю дорогу, путаюсь в лабиринте могилок, кружу где-то рядом, никак не найду. Попшел назад, повернулся и наткнулся...

Заросла совсем могилка. Какие-то сорняки, засохшие ветки, грязный стаканчик с увядшими цветами, свечные огарки. Я начинаю дергать за толстые гадкие стебли, но они не выдергиваются и тогда я

выдергиваю их с корнем, бросаю и снова рву, и снова дергаю за что-то, вычищаю... Вроде стало получше. Мама, я пришел.

После инсульта мама не могла говорить, забыла слова. Мир для нее лишился имен и названий. Она любила рассказывать, она все хотела что-то сказать и теперь не могла, не получалось. Я приходил и начинал шутить, обращался с ней так, будто ничего не случилось, я шутил, чтобы хоть как-то отвести ее от этого ужаса, мне казалось, что так ей будет легче. А мама улыбалась и вела себя так, как мне и хотелось. Чтобы было легче мне... А надо было всего-то навсего почувствовать, пожалеть, поплакать вместе. Потом была больница, она перестала двигаться. Когда я приходил, она говорила глазами, все время спрашивала: как я? как девочки? как на работе? Когда было больно, мама закрывала глаза. Однажды я заметил, как она стала смотреть вокруг себя, настороженно, испуганно, так, что и сам я стал озираться,ща причину ее беспокойства за изголовьем кровати, в углу у окна... Кого она видела? Что так пугало ее? Помню отца, когда он вышел из "Реанимации", и я все понял до того, как он сказал: "Нет больше нашей мамки". Помню подметавшую рядом нянечку, ее толстую спину, ее: "Ну что ж ты так горько плачешь, девочка?", подмела и ушла. Помню расшатанный брезентовый кузов ЗИЛа и гроб, подскакивающий, сдвигаящийся, гремящий. Я был с ним один на один. Я ровнял его, придерживая сверху, я не хотел садиться на него, но я не знал, что делать, потому что его снова и снова подбрасывало... Я прижал его локтями, сиделся рядом и обнимал его, и проклинал каждый ухаб и каждую выбоину... Ни одна дорога не казалась мне такой бесконечной, как та, по которой мы везли хоронить свою "мамку". Я представлял, как вздрагивает ее маленькое тело, как мотается ее голова со скжатыми мертвобаубами, словно продолжая терпеть, как вздрагивают каждый раз ее руки, которые столько раз будили меня в детстве, в школу, на работу, и я просыпалась легко и блаженно, а руки все гладили меня ее ладошками, все гладили... На похоронах я не плакал, когда прощались не плакал и когда закапывали ее, тоже не плакал. А потом много ел и пил и трепал-

ся и курил на деревенском дворе и мерился силушкой с местными мужиками. Был май, цветли сады...

Дорога пошла под горку и потом круто на гору, и вот уже скоро справа покажется на холме деревенька с детским названием Вишенки. Родина мамы. Когда-то весной холм действительно покрывался сплошной белой кипенью вишневых садов. Тульская область. Шоссе наше узенькое, но уютное, горка за горкой, и каждую минуту что-нибудь новенькое. Явится вдруг покатое поле и стадо, сходящее неторопливо к ручью, деревенские девчонки, идущие с речки, помашут рукой и ты ответишь им тем же, не успев и подумать, что никогда их больше не встретишь, что видел ты их в последний раз... А то с пригорка явится взору местность, вся в солнце, глянет на тебя как с ладони, так, что ухватится глазом каждая ее подробность, до последней черточки: и деревенский пруд со старою ивой, и кривобокий коровник, и бабулька, выволакивающая мешок из сарая, и штабель свежесаных бревен с вырубами на концах, и завалившийся трактор в канаве, по которому один мужик лупит кувалдой, а двое других то ли спорят, то ли договариваются о чем-то, и девчушка с желтым бантом, упавшая в лопухи, догоняя ребят на велосипедах, и проселочная дорога, ползущая вверх, через поле, в далекий, голубеющий в дымке лес... И вот пропадет эта картина и побегут вслед за ней овраги и рощи, ни постройки, ни человека, и вымахнет из-под земли сосновый лес и зарябит от солнца в глазах, и ты переведешь взгляд на водителя, на его спокойно-внимательное лицо и откинешься на спинку сиденья и прикроешь глаза и задумаешься о чем-нибудь...

Льгов - городок за железной дорогой, за шлагбаумом, за путями, за поселками, как бы отложенный для чего-то до времени, да и забытый. Народ ходит в типовые палатки-павильончики, лузгает семечки и пьет. Компания парней пересекает дорогу: выражения лиц соответствуют выражениям речи... В середине городка мы поднялись на взгорок, свернули вправо и въехали в церковную ограду. Под высокими деревьями густая зеленая тень, храм открыт. Настоятель статный, с черной дворянской бородкой, нетороплив, если не сказать медлителен. Вокруг него молодые мамашы - помощницы и "подберезовики" детских головок.

- Крестики это хорошо, это мы возьмем. Вот нам бы разных побольше.

- Посмотрите, батюшка, какие есть.

- Вот эти красивые... Дорогие?

Подходит женщина, видно не первый раз уж, просит отпеть покойника. Дети толкуются, каждый хочет поближе к батюшке.

- И много у Вас прихожан?

- Сейчас мало - уборочная.

- Понятно.

Женщина отошла в сторонку, смотрит.

- У нас, знаете, свой жизненный ритм... На Успенье битком будет, еще и на улице стоять будут, - и он повел глазами, как бы окидывая стоящих.

Ребятня обсуждает крестики:

- Смотри, с каким распятием!

- А этот глянь...

- Ты чего взял, они не твои!

- Я не взял, я смотрю...

О ней он как будто забыл.

- Это сейчас тишина, а так ходит народ, - сказал он и обернулся ...

Они тут в "своем ритме". Вот когда вернутся "с уборочной", "они" ... загорело-свинцовые, в выжженных майках, вернутся на ужас врагам и шпане, а их уж и ждут на взгорке, в платочках, в платьях, в сарафанах, и бабки выползли с внучатами: идут родимые, собрали, слава Те, управились к празднику. И все прямиком в эту в церковь, "Благословленно Царство!" и в поклон как один - "Господи помилуй", и еще, еще, - снопами упругими, и храм "битком", и все "они" молятся, молятся, размашисто, "за всех и за вся", ангелы ликовствоват не успевают над ними... а за оградой, как побитая градом рожь - пьяная молодежь, плача, припадает, падает, припадает... И настелется радость чистыми скатертями за "Честнейшую Херувим" и никто уж никого не вырубит, и не "выжрут" литгами, а поднесут к губам алмазную влагу, сплюют и станцуют, отмоленные, и снова сплюют, засидятся до темна, и до звезд. Тогда застелятся ложка чистыми простынями, и вызреет звездами ночь, тяжелыми виноградинами, и налитые плечи нависнут истомой над ласковым полушкотом, придет их час... И проснутся они утром, глядя на жен своих, ходящих туда-сюда, и семя их в них, так начнется осень и бабье лето, и эти ночи, и на исходе весны рожают им после Пасхи, после светлой седмицы...

- Такой у нас ритм, - приговаривает батюшка, перед ним четыре горки отобранных крестиков, он пересчитывает, не спеша...

А за крестиками чьи-то крещеные души. Их еще нет на свете, а крестики уж вот искрятся, готовы им. Их еще нет, они появятся в мае - начале лета, и отцы их еще на уборочной. Такой у них ритм.

- Да, вместе с ними надо пройти все проектные параметры, именно, пусть учатся, - сказала кому-то женщина.

Я сбился со счета.

- "Проектные параметры" - повторил тихо батюшка, - как мне его отпевать, когда он... невозможно...

Я снова считаю деньги. "Проектные параметры", зачем они, к чему? Что за чушь?

- И пусть они сами, эти проектные параметры, сами потом, просчитывают, - опять она!

Ей за пятьдесят, черный платок, черные невидящие глаза... дались они ей эти "проектные параметры", что они такое? Напарник отложил кроссворд:

- Перехватить бы чего...

Она проходит мимо нас, со своей собеседницей, и та поддакивает уважительно. Слышатся одни "параметры" ... "параметры" ...

- Нет, слава Богу, народ ходит, - говорит батюшка, забирая крестики и несколько книжек, - и молодежь есть...

"Проектные параметры!" - вопит не отпетая над нами душа...

Поесть мы зашли в кафе у гостиницы. Днем тут тихо. Нас обслуживают домашнего вида тети. Одна из них протирает перед нами стол.

- Откуда такое название - "Лыгов"? - спрашиваю, следя глазами за тряпкой.

- Ой, я даже не знаю, - тряпка замирает на полукруге. - Коль, ты не знаешь?

Коля - мужик средних лет, налаживает на сцене светомузыку.

- Раньше назывался "Ольгов", - он взял пассатижи и что-то перекусил, - Ольга была тут, княгиня... проезжала, что ли. Потом букву "О" кто-то, может сбили, может, еще что, с вывески... или с указателя... хрен его знает. Короче, стал "Лыгов", так и пошло.

Посмотреть бы на эту вывеску.

- Ой, надо же, а я не знала!

ТИХОНОВА ПУСТЫНЬ

В обители, в наших услугах, нужды не наблюдаются: здесь хватает литературы, в том числе и той, что мы предлагаем. Но мы не в обиде. На обратном пути заезжаем к "Источнику", который находится в каких-нибудь полутора-двух километрах от поселка, и ставим машину на автостоянке, втиснувшись между двумя "девятками". Стоянка уже забита машинами, одна за другой прибывают

свадьбы, подходят паломники и любопытствующие, бегает малышня... У входа на территорию дежурят монахи, перед ними, на железных загородках, висят сложенные покрывала, это для толоногих дам и шортовых господ - чтобы было, чем прикрыться. Дорожка легко приводит к храму

Живоносный Источник. Чуть левее, под алтарем, этот самый источник и бьет, напористо и леденяще, в каменистой ложбинке. У источника идет беспреп

станный набор воды во всевозможную посуду и емкости, плеск, стук, звяканье. А слева от него стоит купальня - деревянный домик под высоким шатром. Вот бы куда мне надо попасть, а то когда еще доведется? Приятель отказывается, говорит у него что-то с горлом. Но меня уже, чувствую, повело... Между мной и купальней группа женщин читает и поет акафист преподобному Тихону - чудотворцу, стоят на коленях и кланяются. Ниже, на ступеньках, спускающихся к крыльцу, вплоть до самых дверей купальни - плотная толпа, тоже вся в платках и юбках. Мужеска полу не видно.

Подхожу узнать, каков тут порядок.

- В очередь, в очередь,- отсылают меня твердые, как нуки, бабули.

Отступаю на исходную позицию.

- Да Вы постучитесь, мужчинам без очереди, - вдохновляет меня стоящий у книжных лотков священник.

Ну раз такое дело... Стучусь в дверь. Открывает монах с мокрыми волосами:

- Давайте, только быстро! - говорит он, прикрывая дверь.

Вместе со мной просочился паренек лет десяти, в раздевалке тесно от мужиков, застегивающих порты и рубахи, но они уже готовы к выходу, уже отдуваются от духоты, и скоро мы остаемся одни,

Стою в трусах... решаюсь.

- Тут надо голышом, - подсказывает он.

Голышом, так голышом. Спускаюсь по сырой лесенке, уходящей в кристально стоячую воду. Пацан семенил за мной. Ступаю...

- Ну как?! - кричит он диким шепотом.

- Ух-х...

Захожу по пояс, читаю, дрожа, "Отче наш...", крестимся, смотрю в высокий лучистый купол и резко присев, ухожу с головой в морозную жуткую воду... Выпрыгиваю ошалелой белугой! Не знаю где я! Грудь разрывается!..

- Еще два раза нужно! - в веселом ужасе орет малыш, он тоже нырнул и выскочил на лестницу.

Второй, и тут же третий нырок... Выскакиваем на лестницу, гогота от счастья! Пацан бежит впереди:

- Ой - я замерзну!

- Не замерзнешь, - говорю я, бухая пятками...

И точно, скоро все тело обдает теплым ласковым пламенем.

Одеваемся торопливо, за дверью все громче женские голоса.

- Тебя как звать-то?

- Антон, а Вас?

Знакомимся. Господи, как славно дышится... Фух!

- Я не успею одеться! - паникует пацан.

- Не боись, я без тебя не уйду...

На стоянке нахожу скучающего приятеля.

- Ну как? - улыбается он.

- Во!

Заглядываем в монастырский ларек и покупаем в нем дешевые "скусные" булочки и знаменитую луковую буханку. Рядом торгуют горячим монастырским чаем, на травах. Теперь можно и перекусить, Сам Бог велел...

САМОЗВАНЕЦ

Чай в самом деле хорош. Мы отхлебываем из стаканчиков маленькими глотками, покусываем булочки, и поглядываем вокруг себя. Подъехала еще одна свадьба. Молодые, после некоторой заминки, направляются к Источнику, за ними потянулась, перебрасываясь шуточками, и вся компания, выглаженная и причесанная, а посему несколько скованная в движениях, исполненная момента...

Перед входом, у загородок, возник шумок, какая-то неразбериха: дежурные-послушники выталкивают прочь какого-то монаха с коробкой для паяний, тот, вяло сопротивляясь, отходит к стоянке, останавливается, неуверенно вертит головой, видно ругается... Похоже, что самозванец.

Нишие стали косить под монахов! Расчет в общем верный, учитывают ситуацию. Хотя не такая уж это и редкость, мне, например, известен один случай на эту тему, можно сказать, совсем свежий...

В одном городке один бездомный мошенник зарабатывал себе на жизнь таким же вот точно способом. Подрясник и камилавку стащил он с одного, напившегося до "положения риз", монаха, ящик был у него тоже самый настоящий - латунный, с замочком, который он стырил ночью из сельского храма, а бороду он имел свою, вполне подходящую к этому маскараду. Стоял он обычно на привокзаль-

ной площади, и вот как-то, средь бела дня подлетает к нему "навороченный" джип, выскакивает здоровенный парень, "качок" такой, и сует ему в ящик стодолларовую бумажку...

- Молись, - говорит, - за меня, святой отец! Всеми молитвами, какие знаешь, молись!..

"Монах", видя такое дело, не растерялся и ответил, как полагается:

- За кого молиться-то?

Тот говорит ему имя, прыгает в джип и рвет в неизвестном направлении...

На сто "зеленых" этот бомж устраивает у себя в подвалчике шикарную жизнь. Пирует с дружками и без дружков, не забывая всякий раз выпить "за здравие" того заполошного олуха - своего благодетеля... А дальше, дальше происходит с ним то, что не может он никак избавиться от слов того парня:

"Молись за меня, святой отец!", и во

сне его видит, и наяву иной раз... Поначалу думал, что с перепоя, потом стал подозревать нечистую силу, дошло до того, что перебрался аж в другой город, но ничего не спасало. Потом уж не знал, что и думать, страх его взял, достал его до крайности тот "бык" стриженый. Плюнул он, пришел в церковь, взмолился! Его выгнали оттуда, распознав самозванца в подряснике, а у него к тому времени другой-то одежды и не было: сгорел его скарб после очередной пьянки. С ним много чего случалось: и тонул, и нос ему свернули в драке, бомжи его уже "попом" звали, он и молитвы кой-какие знать стал... Но страх не проходил, слова "молись за меня..." ("Да молюсь я! Молюсь!" - кричал он по ночам), что называется, допекли его, измучили до невозможности.

Решил он покончить со всем этим, а заодно и с собой, одним махом: напился какой-то дряни и слег, начались судороги. Трое суток его рвало и выворачивало наизнанку... И ничего! Встал он тощий, страшный, и пошел по монастырям. В храмы опускался заходить, молился снаружи, у паперти. Зимой, наместник одной обители, проговорив с ним до утра, взял его к себе, послушником.

Через год его рукоположили!

Но это не все...

Однажды на Страстной неделе, на исповеди, подходит к нему больной с виду парень, и начинает что-то говорить, потом смотрит на него ... и вдруг:

- Святой отец! Святой отец, ты помнишь меня?

И батюшка узнает его, онемев, узнает в нем того здоровяка из джипа. Парень плачет; руки ему целует:

- Ты меня спас, отец, я ведь покойник был, совсем...

А "святой отец" валится у всех на глазах ему в ноги:

- Прости меня, Христа ради!!!

С парнем почти та же история вышла. Его давным-давно уж не должно было быть в живых - свои же приговорили на "разборке", застрелили и бросили в болото... Да вот не засосало до конца, оказался на чем-то твердом... и выжил, вытащили деревенские!

Шесть операций, постоянные головные боли, одышка... Скитался, скрывался, где мог, пока не пустили его в заброшенный домик в одном селе, в трех километрах от этого монастыря...

Интересно, приняли его в монастырь или нет?
(знаю, что он просился).

А так бы хотелось видеть:

Батюшка-“бомж” в алтаре:

- “Мир все-е-ем!”

И молодого диакона-“бандита”:

- “Паки и паки миром Господу помо-олимся...”

Да, хотелось бы видеть... И хотелось бы верить в такую концовку этой баллады или притчи. Но чем больше задумываюсь о ней, тем больше ловлю себя на противоречии:

- Что-то больно благостно как-то, тебе не кажется?

- Ну, как тебе сказать...

- Жизнь-то наша скорее другой поворот диктует.

- Но ты же не можешь утверждать, что такого не может быть в наше время?

- Не типично. Слишком большой разрыв между тем, во что мы должны поверить, и тем, во что мы готовы бы были поверить, понимаешь?

- Понимаю: бомж сгорел по пьянке в подвале, а труп бандита выбросили, как собаку, в болото - и с концами. Резюме: туда им и дорога.

- В это верится безусловно, но я не об этом.

- Вариант высокого искусства (театра, кино, литературы): бомж вкладывает сто баксов в дело, ему “везет”, он становится “крутым”, и все такое, а бандиту “не везет”, он опускается и скатывается на “обочину жизни”... В результате они меняются местами, и вот уже бывший бомж, из джипа, кидает ему сто зеленых - в расчете!

- А мораль?

- Мораль можно подобрать... ну к примеру: верь в свой шанс и Бог не оставит тебя!

- И чтобы этот бомж, вернее, бывший бомж, стал “положительным”, внушающим доверие, добрым каким-нибудь, чтобы на храм пожертвовал... или лучше всего намекнуть как-то на все это, аккуратно только... Нужно так, чтобы я смог позволить себе догадываться и умиляться на такое преображение, чтобы мог допустить к себе во что-то высшее поверить...

- А иначе твое чумазенькое достоинство не позволяет поверить, что они настолько вот лучше (а главное - чище!) тебя?

- Не поймут же люди, не примут ведь!

- Ну уж как есть, так и рассказал.

- Малоубедительно, слишком мало.

- А лет десять назад?

- Вообще бы никто слушать не стал...

О ЛЮБВИ

Едва вернувшись на трассу, мы опять уходим с нее - на Медынь. По этой дороге мы еще не ездили, проводим разведку. Места довольно заселенные, обжитые... А имена! Каравай, речка Сечна... Навстречу летит пушистое сосновое облако - смуглоножки в черных сапожках... Товарково, Жилетово, луга березовые. Полотняный Завод, поклон Наталье Николаевне. Чем не поэзия: река Суходрев, деревня Уткино, Старки, Кондрово... На ярко-зеленом поле - море светло светлых берез - конца им не видно, и зацепилась душа за них, так бы и осталась здесь... Адамовское, Уланово, река Медынка - с горки через мосток. Медынь... тягуче-душистое... Церквей нигде не встречаем. Пролетела мимо свадьба, летают по дороге шары... Поворачиваем на Москву. В деревнях торгуют яблоками и картошкой. Картошку продают не больше ведра, говорят - не уродилась, а цены выше московских. Лука же вовсе нет, скоро у нас и впрямь - “никакого лука, только ‘Стиморол-прозет’”!

Оборвались деревни, пошла лесная чаща. Кудиново, знакомый поселок, на остановке голосует парнишка, безнадежно как-то, проезжаем... почему-то. Поодаль кодлянка пацанов, сидят над кюветом. Что-то грустные, или не решили чем заняться еще. Макушки торчат из травы, ершистые... мал-мала меньше, как репейники у дороги...

- Дети, дети... - вздохнул напарник.

- Да-а...

- Никому до них дела нет, - сказал он.

И я кивнул и посмотрел на зеркало заднего вида, но их уже не было видно. Всякий раз сжимается сердце, как от укола. Неприкаянные одинокие человечки... Что там в душе у них? Что-то там варится в их головках... И очень часто встает перед глазами детская убогая палата в подмосковной больнице.

Я ходил туда несколько дней, навещая с приятелем-соседом его сынишку. Против двери, в углу,

на кроватке, лежал тихий прозрачный человечек. Ника. Пятилетняя девочка, которую все называли Ниточкой. "Как там наша Ниточка?" - входил в палату завотделением Руслан Исмаилович. Ее привезли с тяжелейшим отравлением - сальмонеллез, и с явной угрозой заражения крови. Пропустили податливое тельце через жесткий конвейер промывок, клизм, процедур, уколов и капельниц, но кризис не проходил. "Раньше, раньше надо было, - говорили врачи, - теперь уже как Бог даст, организм на нуле почти..."

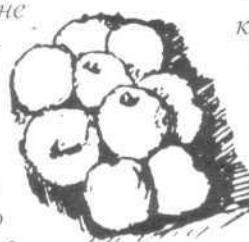
В эту палату ее перевели со все еще высокой температурой, и со все еще сумрачно витавшей над ней неизбежностью. За все то время, пока она была в больнице, пару раз к ней приезжала бабка, "оплывшая опара", - как обрисовал ее однажды дежурный врач. "Приехала, хоть бы соку какого привезла, хоть игрушку какую ребенку, - рассказывал он мне в курилке, - стала допытываться у нее, писалась она ночью или нет. Ну бабка! Я бы ее горшком по лбу, старую!.."

В тот день я стоял и смотрел в окно, на дождливый, залятанный липкими листьями больничный двор. За спиной я слышал один и тот же голос пожилой медсестры, сидевшей у ее кроватки... Как на заезженной пластинке: "Ну что тебе хочется, а? Ну скажи мне, Ниточка, девочка, скажи... Может, тебе почитать что-нибудь, а? Чего тебе хочется? Ну что ты все молчишь и молчишь, так нельзя. Что тебе дать, ну? Скажи..."

Ниточка уже не металась, не дышала тяжко, растянув колечком сухие губы, второй день, как лежит она с раскрытыми глазами, и молчит. Слушает всех и молчит... В тот день Ниточка заговорила. После очередного "чего тебе хочется", вдруг что-то ответила. "Что?.. Что ты сказала? Повтори, деточка..." - тут же насыла на нее медсестра, и в натянувшейся паузе, как из другого мира, прозвучало чуть хрипловатое Ниточкино - "Чтобы меня любили"... "Что, что? - опять не поняла медсестра. "Чтобы меня любили," - повторила она.

Ниточка заговорила.

Голосок ее иногда подрагивал, но никакого намека на слезы, на жалобу не было и в помине. Как-то стала наполняться медперсоналом палата,

подходили врачи, нянечки бросали свои тряпки и ведра, привстали со своих коек дети...

"Если бы меня любили... Потому что я боюсь одна. А так, мне ничего не хочется совсем. Просто я боюсь, потому что... потому что мне страшно, и ведь меня не любят... Почему-то не любят, а других любят. Потому что я "никудышина" ... и я думаю если умрет, то уже не так страшно жить, потому что я не буду бояться там. Я буду там жить..."

Она лежала, вытянув стебельками руки, окруженная халатами, словно в зимнем лесу, когда бывает сльшино, как осыпается с елей задетый снег. Никто не прерывал ее. Стояли и слушали этого маленького человечка.

..."Там все люди добрые, они называются ангелами... и Вера Сергеевна там, и Сашок, мне Юрий Сергеич рассказывал. Они там будут играть со мной, они там со всеми детьми играют, и будут мне игрушки дарить, потому что там все-все бесплатно и всех любят... И там еще все улыбаются. Если там кому-нибудь что-то захочется, то все дают ему, чтобы ему не было плохо, и чтобы он тоже смеялся, как все... Как там хорошо! Там всем хорошо, так весело, и никто не кричит, а если закричит, то все скажут: "Ты что?" и он перестанет, потому что кто туда попадет, тот делается хороший и не ругается... И не наказывает. И меня тоже там будут любить, как всех... и когда Мальчик умрет, он тоже там будет со мной. Жалко что он здесь останется, потому что его бьют.

У него жизнь тоже, - вздохнула она, - "никудышина"... Он так любит меня, и сразу бежит ко мне и все время лижет мне в нос, ну прямо все время, глупик такой... И он лает, когда меня ругают и кусается и его поэтому бьют. Он совсем рыжий, только ушки черные и нос. И еще на хвостике...".

- Так она умерла? - спросил напарник, когда я кончил рассказ.

- Нет, жива Ниточка.

Проезжаем Малоярославец... Знакомый городок. Рынок. Здание бывшей почтовой станции... Гоголь здесь проживал, проездом в Оптину. Храм на площади... закрытый. На выезде, крохотный музей памяти 1812 года... Наполеона-то отсюда погнали. Маленький городок.

- Ниточка, Ниточка... - сказал он вдруг. - И чего нам не живется так, а?

- Как? - спросил я, глядя на молодого отца, обувавшего пацана своего подтягиваться на турнике...

- Как "там".

- "Там", это где?

- Ну, как она говорит: "там" ... в раю, наверно... Чего нам не живется-то?

- Не знаю.

Пошли сосновые горки. Сосны-то хороши

- крепкие ребята, любо-дорого...

- Тогда б наверное и рая не было, - ответил он сам себе.

- Перед выпиской устроили ей "день рождения". Решили неожиданно, скинулись... и медперсонал, и врачи, и родители, в основном из этой палаты, конечно. Платье ей подарили, костюмчик спортивный, а уж игрушек было! Ты бы видел ее... А реакция знаешь какая была?

- Знаю, - сказал он, - заплакала.

- Точно. Заплакала. Ну хоть увидели, как она смеяться умеет, смеется и плачет, все сразу... Вся кроватка в подарках. Кто-то даже баян приволок, в общем...

- Что?

- В общем, весело было, наплакались все.

- Представляю, - сказал он и замолчал.

А в деревеньках огурчики продают... и яблоки. Кончается наша дорожка. Каких-нибудь сто двадцать верст осталось... "Осталось" ...

Господи! Сколько всем нам осталось?

Все летит... все просится, все живет...

Все, все помнится... Все стучит!

Уносится жизнь моя. Уносится куда-то...

- Ну что, посмотрел на "страну Российской"?

- Посмотрел.

- Ну и что?

- А ничего.

- Вот то-то и оно, что "ничего". Одно сплошное безде и хроническое...

- Видишь, теленок стоит?

- Причем тут теленок?

- Мамку-то доят, наверное, а он вот привязанный остался... виши как стоит, глазеет на всех...

- Что-то я не пойму, причем тут...

- Я бы сейчас вышел, взял бы его за ушки и чмокнул бы в лоб его, глупый...

- Что это с тобой?

- Ничего... Ничего не могу поделать с собой, вот что! Задыхаюсь от... все целую, все что, вижу, целую! целую! целую! целую!..

- Мужик, ты сдуруэл?

- И бабку эту, и работяг с раствором, и парня этого поддатого...

Сказал бы ей: "Бабуль, дай, я тебя поцелую!" Она бы так рот и разинула, а я и поцеловал бы в щеку ее дрябленькую...

- Чокнулся. Хорошо хоть умные люди не слышат, а то ведь подумают...

- А пусть себе слушают, особенно "умные".

- Иди еще вон ту ворону поцелуй, на куче песка.

- И ворону тоже, замечательное животное!

- Представляю, как бы ты приставал ко всем...

- Я же сердцем целую, дубина! Сердцем!

- Ты что, осел? Оинись! Не видишь, что творится вокруг?

Не видел опустившихся мужиков в деревнях?

Не видел заброшенных полей?

Не видел местных девчонок, блюющих по утрам у гостиниц?

Не видел пьяных монахов?

Не видел стариков на помойках?

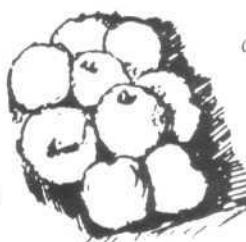
Не видел ты уставших людей, безмерно уставших, которые уже ничего не ждут?!

- Видел. Я все видел.

- Ну и как тебе это "все"?

- Целую... ничего не могу поделать..."

Деревенъки, родные, провожают нас еще немного, и остаются за спиной... Доброе. Делаем круг. ГАИ. И поворот на Москву, на широкую скоростную трассу. Выстелился до синего леса, зеленый луг, как озеро, жива еще в нем забытая русская удали... Жаль, что теперь до самой Москвы, не выйдет уж к нам ни одной деревни, все большие трубы, да заправки, да арбузные пирамиды. Обнинск.

Сходит летушко, кончается милое, вот уже отдают светлым оловом листья, буреют головушки дубовые, назревает осень... Скоро, совсем уж скоро завернут к нам холода и дожди, набухнет сверху, наляжет, и поубавится света белого, и зашелестят леса, застонут и засвистят, заколотят ветками в непогоду, и обезлюдят пляжи и берега, задернутся рябью озера, и погаснут их зеркала до самой весны... А мы пригнемся под зонтиками, станем злиться и жаловаться, переместимся на кухни и спальни и подготовимся к неприятностям, а когда вернутся вдруг теплые дни, мы примем их, но не обманемся, как не обманываются обрадованные родители приезду взрослых детей - погостят с недельку и ведь уедут...

Включили приемник, затрещало: "... ха-ха-ха! тра-та-та, Стив Уандер культовая фигура тра-та-та Голливуд Тарантино легенда наркотики супер Джон хит Пол рок Майкл бум-бум-бум... тра-та-та Шуйская Чупа транш дефолт эМВээФ Камдесю президент саммит бюджет рыбалки кризис... га-га-га ты хотел меня любить я уняла твою прыть е-е... блуз стриптиз погрузитесь в мир удовольствий ваш престиж казино Метрополь... слушайте радио остальное видимость... тра-та-та бомбардировки Сербии миротворцами контроль Косово НАТО успех сообщ-

щества останки какая боль: Аргентина Ямайка пять ноль!.. где бы вы ни были ночью и днем... слив компромата потерпел катастрофу скандал ураган количество жертв ОМОН разборки Чечня олигарх Голдэн Пэлас Чубайс холокост мафия блоки шоу выборы Шойгу эМЧээС пожары Виагра секс конференция Олбрайт Читтануга чукча я бабушка по имени Хочу! бодрого вам настроения и приятных хи-хи развлечений друг с другом на длинную-предлинную ночь а пока тра-та-та-ха-ха-бум-бум-бум!"

Показалась Москва... разбегается пригород, лежит в небо дома...

Надвигается стенами и башнями родной мегаполис, в котором люди живут, как грибники... Кстати, отчего в Москве совершенно не замечаешь неба? Как будто и нет его вовсе.

Наша машина, в потоке тысяч таких же, подобных, заносится песчинкою в этот непомерный загадочный город, чтобы затеряться где-то там, в его каменных лабиринтах, и незаметно замкнуть свой путь...

Малаховка, 1998-2000

Иллюстрации: Полина Соловьева и Максим Яковлев

Владимир Гурболов, Из миссионерского дневника

Главное правило: когда говоришь или пишешь, представляй себе, как будто твой труд предназначен конкретному твоему знакомому, который не знает и не принимает Православия. Общаться с ним при помощи церковных слов и понятий - дело бессмысленное - так его можно только запутать и оттолкнуть.

Найди слова именно и только для него, и тогда окажется, что тебя поймут многие.

История возрождения храма, в который я хожу, иногда напоминает мне историю всей Церкви - в миниатюре конечно же.

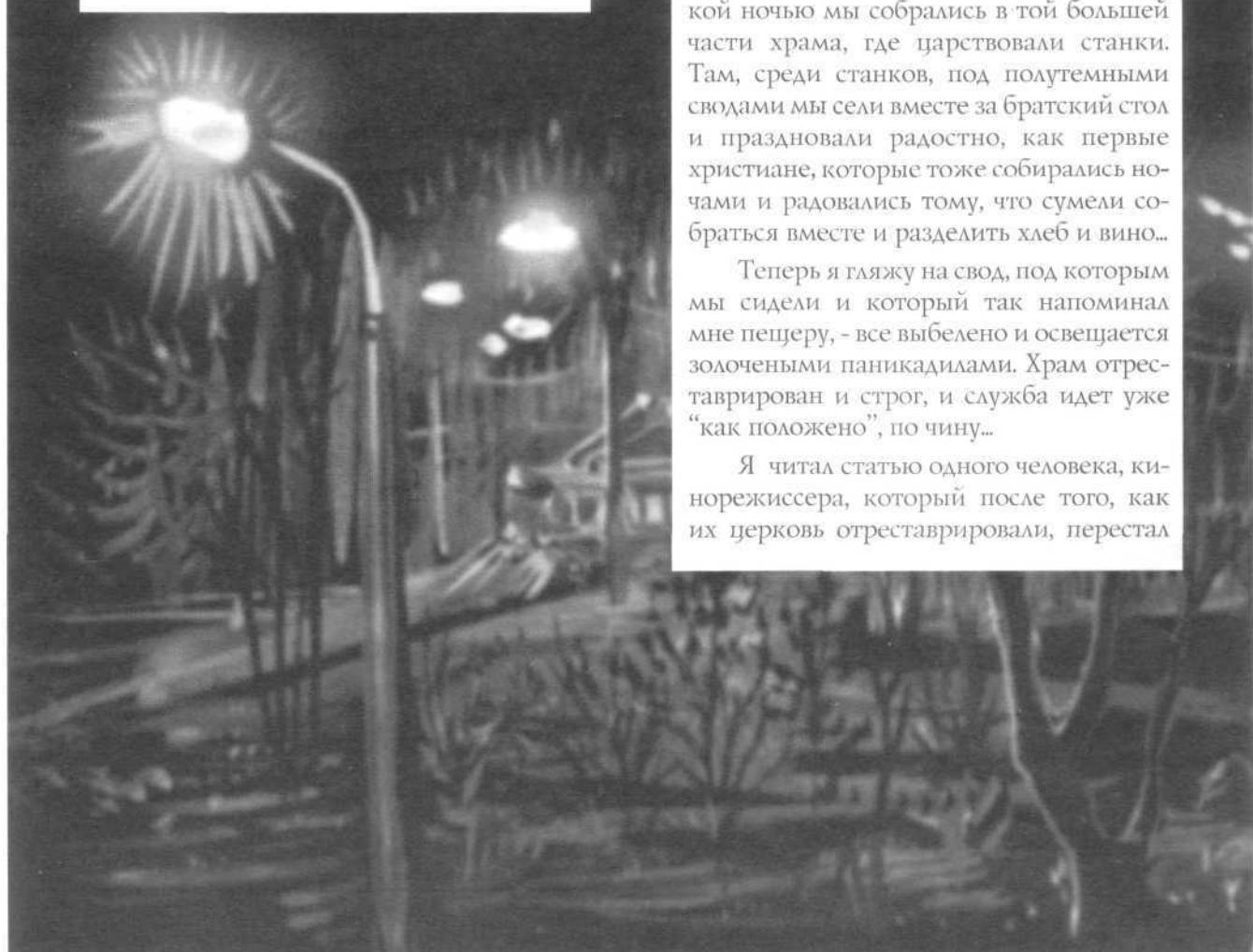
Был отгороженный закуточек с иконками и парой подсвечников среди

каких-то станков и продукции, которую на них делали (театральные мастерские). Помню, в Страстную седмицу наш первый, временный фанерный алтарь еще не достроили, и мы служили, что могли, без алтаря... Когда пришла пора поклонения Плащанице, то отец Андрей вынес Плащаницу, т.е. икону умершего Христа во Гробе, буквально прямо к нашим ногам, кажется, на сдвинутые стулья или табуретки - и мы склонились, как бы действительно над мертвым Телом... Никогда после я не был так близко, никогда мы не молились так ВМЕСТЕ, вставая по очереди на колени, целуя Тело Христа и чувствуя себя маленькой кучкой людей, которые одиноки в своей горести...

Потом, в самый канун Воскресения успели освятить алтарь, была удивительно яркая Пасха, и после Литургии, глубокой ночью мы собирались в той большей части храма, где царствовали станки. Там, среди станков, под полутемными сводами мы сели вместе за братский стол и праздновали радостно, как первые христиане, которые тоже собирались ножами и радовались тому, что сумели сбраться вместе и разделить хлеб и вино...

Теперь я гляжу на свод, под которым мы сидели и который так напоминал мне пещеру, - все выбелено и освещается золочеными паникадилами. Храм отреставрирован и строг, и служба идет уже "как положено", по чину...

Я читал статью одного человека, кинорежиссера, который после того, как их церковь отреставрировали, перестал

туда ходить, потому что все для него стало глянцевым и потеряло первозданность. А я думаю: как можно искать христианскую первозданность в здании? В пещере ли, в маленькой церкви, в большом соборе - все разное, но Мы-то тоже! И Святые Дары в алтаре. И это и есть самое вечное. А искушение сменой объемов и стен нужно просто пережить. Рано или поздно - все возвращается к тому, что нам обязательно надо собраться вместе с Христом, если только мы действительно любим Его. И мы снова приходим...

Постоянно видишь людей, говорящих о противоречиях в Православии. А жизнь и любовь живы в противоречии. Почему-то никто не спорит с тем, что житейская мудрость парадоксальна и что человек прямолинейный оказывается особенно жесток и неумен...

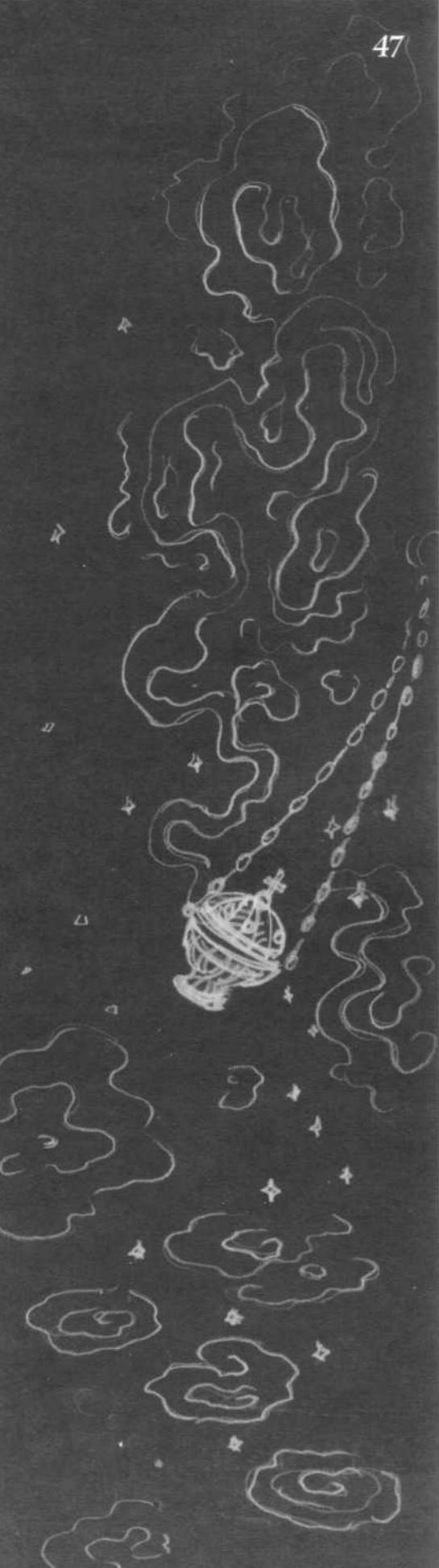
Толстовское непротивление злу силой, внешне, такая нравственно великая вещь... А на практике будет потакание злу.

Церковь намного глубже понимает существо проблемы: греховность нашей природы не дает творить "дистиллированное" добро. Иногда на меньшее зло закрывают глаза - если ложная принципиальность станет источником большего зла (потому и благословляют солдат на войну, потому и признают разводы, которых вообще-то быть не должно).

Церковь не учит, что есть "добро" зло. Но она умеет быть трезвой и, спасая людей, не лукавит, что "все просто".

Суть православной миссии, в отличие от протестантской, уличной, - в умении ждать Вопроса.

Не кричать на ухо, а убедиться, что человек сам жаждет понять, почему и зачем он живет.

Наш журнал не может пройти мимо очень важного события в православном книгоиздании. Вышла в свет книга Александра Леонидовича Дворкина "Сектоведение". По сути, это первый в нашей истории опыт научно-систематического описания и анализа современного сектантства. Мы настоятельно советуем всем нашим читателям, независимо от того, православные они или вовсе неверующие: если увидите в продаже "Сектоведение", купите обязательно.

Мы взяли интервью у автора книги, Александра Леонидовича ДВОРКИНА, заведующего Информационно-консультационным Центром священномученика Иринея, епископа Лионского. В качестве пролога к нему мы помещаем вот это короткое воспоминание.

ПЕРВЫЙ УРОК

Я вспоминаю одну давнюю историю из моего детства, когда я учился в первом или втором классе (не помню), ничего не знал о Боге и, как каждый советский школьник, считал себя атеистом. И вот в один день (как я теперь знаю, 14 октября) наша учительница Анна Ивановна начала очередной урок со следующих примерно слов: "Дети, сегодня православные отмечают праздник Покров.

Праздник этот отмечается, потому что в этот день первый снег якобы покрывает землю (!? - А.Д.). На самом же деле, как вы видите, все это - глупости. Посмотрите в окно, как ярко светит октябрьское солнышко, как ласково оно пригревает землю, и вы видите, как далеко в этом году до первого снега. Все это опровергает глупые суеверия наших предков и означает, что никакого Бога нет".

Мы посмотрели в окно - стояла теплая и ясная осенняя погода, на голубом небе не было видно ни облачка - и аргумент нашей строгой пожилой учительницы показался нам чрезвычайно убедительным. Первый урок пошел своим чередом.

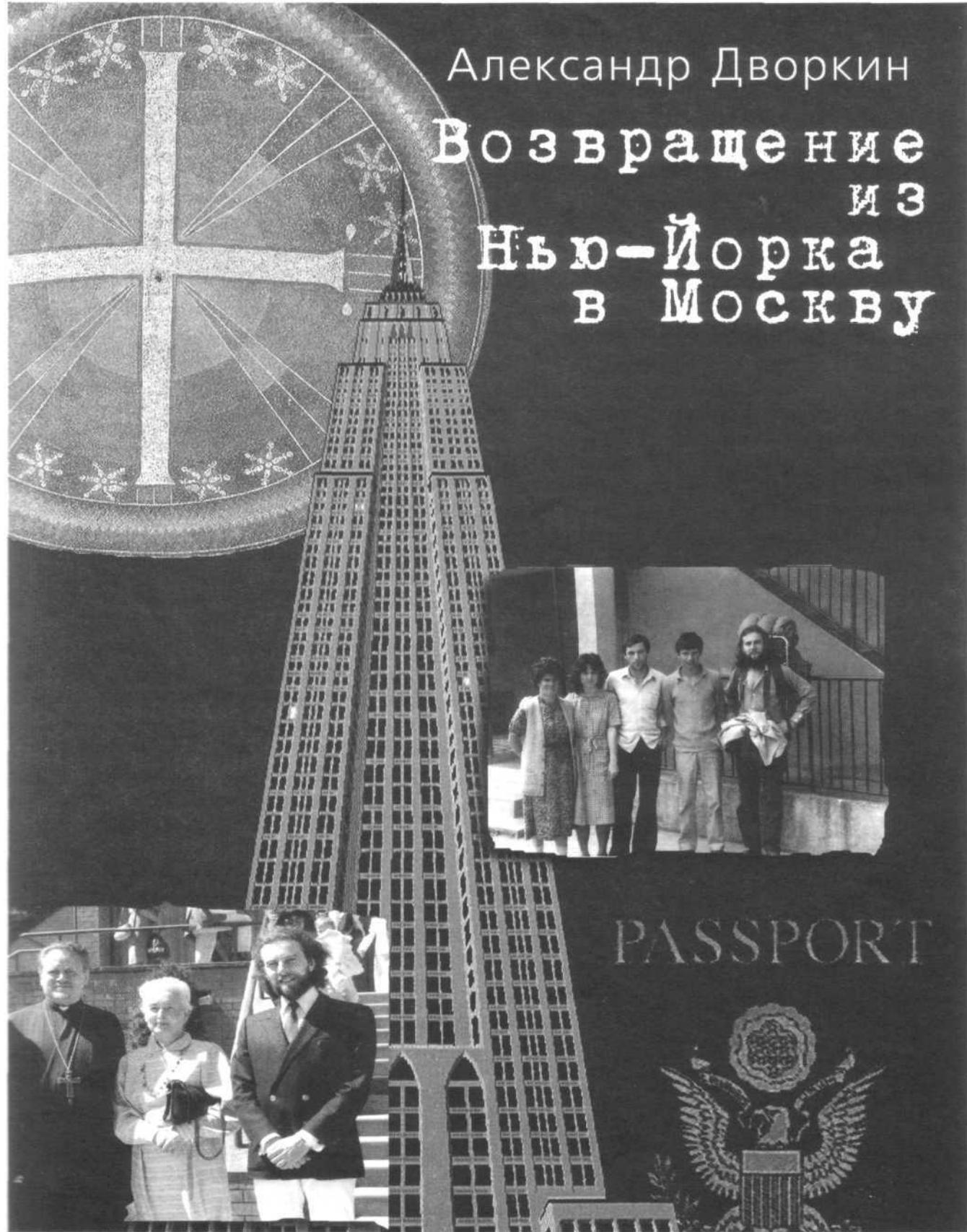
Но представьте себе, что в ходе урока небо вдруг потемнело, подул сильный холодный ветер, солнце исчезло за серыми облаками, и внезапно повалил густой-густой снег! На учительнице лица не было, она выдавила кривую усмешку и сказала: "Что же, всякие бывают совпадения", а я впервые подумал... Нет, не помню, что я тогда подумал.

Помню только чувство изумления, которое я испытал, глядя на густой, мокнатый, валящий плотной стеной снег.

Собственно и вспомнил я об этом эпизоде много лет спустя, когда стал церковным православным христианином и давным-давно знал, что на самом деле праздник Покрова Божией Матери ни к какому снегу отношения не имеет...

А.Л. ДВОРКИН

Александр Дворкин
Возвращение из
Нью-Йорка в Москву

- Александр Леонидович, расскажите, пожалуйста, о том, как Вы пришли к вере.

Это очень сложный вопрос, потому что к нему нужно длинное предисловие. Родился я, как и положено, в семье неверующих советских интеллигентов. Вырос, соответственно, без какого-либо знания о Боге, без веры. Хотя может быть это и не совсем точно сказано, потому что все-таки эти вопросы меня постоянно интересовали. Я любил ходить в храмы - любил и боялся одновременно. Из атеистических книжек старался выудить какую-нибудь "положительную" информацию. Сейчас, когда я оглядываюсь на свою жизнь, я понимаю, что были такие моменты, когда передо мной открывались некие дверцы, через которые я мог прийти к Богу, но я проходил мимо, не замечая, игнорируя их.

Чаще всего это были встречи с верующими людьми, которые заставляли меня задуматься, и я при желании всегда мог пойти дальше. Но не пошел.

В 1977 году я эмигрировал в Америку. Первый год эмиграции - очень тяжелое испытание для каждого человека: это приспособление, это ломка. И именно этот год заставил меня не то чтобы переоценить свою жизнь - это пришло позже - но именно в течение этого первого года я осознал себя верующим человеком. Отстояв пасхальную службу в одном из православных храмов Нью-Йорка, я понял, что хочу креститься. И тем не менее до моего крещения прошло еще достаточно долгое время...

- Почему?

- Наверное потому, что осознав свое желание креститься, я совершенно не знал, что это значит на самом деле и что это повлечет за собой. И именно тогда я встретился с человеком, который показался мне очень духовным и обладающим множеством знаний в духовной области и, как мне казалось, в православии. Этот человек стал мне чем-то вроде духовного учителя, гуру. Из-за этих наших отношений мое крещение отодвинулось по меньшей мере на год. Все это время я стремился к крещению, но он всякий раз говорил, что еще нужно подождать, что вот ведь и сам он тоже некрещеный. Мы изучали оккультную литературу - тогда я считал, что это вполне с христианством совместимо, - и он говорил мне: "Саша, это очень хорошо, что вы нашли для себя христианство, это большая заслуга с вашей стороны, но нельзя же задерживаться. Шагайте дальше, не топчитесь на месте!"

Тем не менее, я продолжал заходить в православные храмы, продолжал обращаться к православным священникам и искать того, который бы меня крестил. Но стоило мне познакомиться с каким-нибудь священником и рассказать об этом своему учителю, как он говорил мне: посмотри какие у него недостатки, видишь - и то не так, и это... В общем, чтобы креститься, нужно было найти святого.

Затем наступил Великий пост, и я решил начать его соблюдать. Перестал есть мясо, молочные продукты и яйца. Рассказывал всем, какой я православный и как соблюдаю Великий пост. Правда, зачем все это нужно, не имел никакого представления и жизнь вел ровно такую же, как всегда. Однако ближе к концу поста что-то начало скреститься в моей ауше и я подумал: что же это - пост, а я даже в церковь ни разу не зашел. Мысль эта пришла мне в голову по дороге с работы в университет, где я тогда учился. Дорогу эту я проделывал каждый день в течение как минимум года и знал буквально каждое здание на пути. Со стыда я решил зайти в первую попавшуюся церковь, какой бы она ни была. Сказано - сделано. Захожу в какую-то церковь, делаю крестное знамение, направляюсь к тому месту, где должен быть алтарь. Смотрю, как-то люди на меня странно косятся. Поднимаю глаза - батюшки-светы! Оказывается, я попал в центральную синагогу! И, главное, я прекрасно знал это здание и ошибиться никак был не должен. И вот это мое временное затмение я воспринял как некий знак.

Потом наступила Пасха, я вновь был в храме, очень радовался, но учитель мой был очень недоволен и раздражен и даже после пасхальной службы, когда я пришел к нему домой с поздравлениями, отказался со мной разговаривать. Тем не менее вскоре после Пасхи я решил, что тянуть дальше нельзя: какого бы я священника ни нашел, непременно попрошу, чтобы крестил меня, независимо от того, понравится он мне или нет.

Следующий священник, к которому я пришел, мне поначалу ужасно не понравился, но я тут же попросил, чтобы он окрестил меня. Он сказал мне: "То, что Вы решили креститься, это хорошо, но для этого надо стать членом Церкви. Начинайте ходить в храм каждое воскресенье на богослужение, будем с Вами заниматься". Мне это очень не понравилось. Про себя я решил, что похожу только до тех пор, пока он меня не окрестит. И больше он меня не увидит.

Я сказал своему учителю об этом священнике, и он опять стал меня отговаривать. А когда я ответил, что решение принято и менять я его не буду, мне был предложен выбор. Он сказал: выбирай между Церковью и мной. Я выбрал Церковь, хотя это было для меня тяжелым выбором. Этот человек, как мне тогда казалось, очень много для меня значил.

Так я начал ходить в церковь заниматься со священником. Очень мне это не нравилось. Я просыпал, опаздывал... В то время я учился филологии в Нью-Йоркском университете, и тогда батюшка придумал, чтобы я занимался русским языком с детьми в воскресной школе: так у меня появилась обязанность, и я уже не мог пропускать воскресные богослужения. Так я худо-бедно ходил в храм, покуда не наступило лето и каникулы. На работе я получил двухнедельный отпуск и поехал к одному своему американскому приятелю в Пенсильванию. Первое воскресенье с большим удовольствием спал до упора. Даже заранее это предвкушал, что вот как хорошо: никуда идти не надо, буду отсыпаться. А проснувшись, почувствовал, что чего-то мне не хватает. Второе воскресенье, которое я был там, я просто места себе не находил. И тогда я понял, что "попался". С тех пор жизни своей без церковного богослужения не помышляю. После этого прошло еще достаточно много времени, и крестили меня только зимой следующего года на Крещение - 19 января 1980 г.

Для меня соорудили купель, чтобы Крещение провести полным погружением. Я не могу описать своих ощущений, скажу только, что когда восстал из купели, чувствовал себя абсолютно прозрачным. Мне казалось, что я вижу каждую свою кровеносную жилку и каждый свой внутренний орган. Потом была Литургия, мое первое Причастие, а затем все сели за стол праздновать. В то время я был заядлым курильщиком. И хотя в тот день курить мне совсем не хотелось, машинально, по привычке я достал сигарету, вставил ее в рот и зажег спичку. И вдруг явственно увидел, как много копоти осадит на моей новообретенной прозрачности после первой же затяжки. Так я бросил курить.

- Скажите, пожалуйста, почему Вы эмигрировали? И сколько Вам тогда было лет?

- Мне был двадцать один год, когда я эмигрировал...

- И в 21 год, еще такой молодой, Вы решились на этот шаг?..

- Я участвовал в молодежных, как это иногда называлось, "контркультурных" группах. Советской власти это, понятно, не нравилось. Принимались репрессивные меры, в том числе аресты.

И вот в один из таких арестов мне объяснили, что есть такая возможность - эмигрировать, а если я этого не сделаю, то хорошего ждать нечего.

- То есть это была вынужденная эмиграция?

- Да. Я всегда считал себя именно политическим эмигрантом, а не экономическим переселенцем. И я всегда говорил, что режим, сложившийся тогда в России, когда-нибудь перестанет существовать, и я смогу вернуться. Хотя я и не был уверен в этом, но надеялся. Во всяком случае, жил я в достаточной степени легко, в том смысле, что не обзаводился практически ничем - никакой недвижимости или какой-либо другой тяжести, чтобы в любой момент была возможность вернуться.

И я старался как можно больше учиться. Из 15 лет, проведенных за границей, 12 лет я был студентом. Этакий "вечный студент". Я учился во многих учебных заведениях, получал разные учевые степе-

Сентябрь 1982 года. Митрополит всея Америки и Канады Феодосий постригает Александра Дворкина в чтецы

ни, надеясь, что когда-нибудь эти знания будут востребованы. Господь благословил меня учителями. У меня были редкие учителя. Во Владимирской духовной академии я учился у отца Александра Шмемана, который стал моим духовником. Моим научным руководителем был отец Иоанн Мейendorf, который после кончины отца Александра стал моим духовником. Я застал много других великих людей. Мне повезло: когда я приехал в Америку, там были живы многие представители первой волны эмиграции, люди, которые были еще в Белой армии, те, которые в сознательном возрасте покинули Россию после революции, после гражданской войны, которые помнили ту дореволюционную Россию. Я путешествовал по разным странам, я общался с этими людьми, и это очень многое мне дало для понимания моей родины, моей культуры, языка и, естественно, моей православной веры. Это очень важный итог моего пятнадцатилетнего пребывания за границей.

- А почему Вы решили уехать из Штатов и вернуться в Москву?

- Это действительно нужно объяснить. Недавно на нашем интернетовском форуме переехавший в США несколько месяцев назад Евгений Кадосов написал (в ответ на мои мысли по поводу Америки) буквально следующее: "Американцы - люди, довольно терпимые и уважающие чужую личность. Двор-

кин - антиамериканец с головы до ног, хотя и имеет в кармане американский паспорт. Если бы Вы хоть немного пожили в Америке и почувствовали ту атмосферу духовной свободы, которая царит здесь, Вы бы ни за что не сказали".

Что тут сказать? Я прожил там 15 лет: 12 лет в Нью-Йорке и три года в Вашингтоне. Я застал еще другую Америку, страну, в которой чувствовалось ее христианское (пусть даже пуританское) прошлое, страну, которая, увы, навсегда уже исчезла.

Не стоит обвинять меня в "антиамериканизме" - я очень люблю Америку, особенно ту, которую я еще успел застать и которая безвозвратно канула в Лету. С поразительной скоростью, за какой-то десяток лет протекла, как песок сквозь пальцы. Сейчас - это во многом уже совсем новая страна, закованная в резиновые путы политкорректности, страна экономического принуждения и все более усиливающегося глобального контроля. Страна, полностью отрекшаяся от своего христианского прошлого (заметьте, без помощи коммунистических гонений, а так - добровольно). И антихристианские силы продолжают вытеснять последние остаточки воспоминаний о христианстве из всей общественной жизни.

В той Америке еще была хоть какая-то свобода. В нынешней и этого уже нет. А особенно нет духовной свободы. Есть политкорректность, доведенная до абсурда, есть экономическое рабство и есть вседозволенность греха и разврата. У несогласных есть свобода молчать.

Ну-ка, попробуйте, выскажитесь публично против гомосексуализма, и посмотрим, надолго ли Вы останетесь в стране! Или сообщите своим коллегам, что Вы принадлежите к единственной истинной Церкви (может быть, Вы так не считаете, но есть люди, придерживающиеся такого мнения, и они, вроде бы, должны иметь свободу его высказывать) и посмотрите на их реакцию. Или попробуйте шлепнуть своего ребенка (да зачем шлепать - лишите его в наказание десерта за обедом) и назавтра ждите повестки из суда за издевательство над малолетним: в школе психологи учат самых ма-

Лето 1981 года. Дворкин вместе с семьей сербов, приютивших его во время путешествия на Афон

леньких крошек “павликоморозить” на своих родителей по самому ничтожному поводу! И не надо уверять, что, дескать, можно иметь свое мнение. Можно, но осторожно. И не делиться им с коллегами по работе. И не стоит думать, что, дескать, можно прожить на вэлфере (пособии социального обеспечения) - бедненько, но с гордостью. Во-первых, вэлфер - его далеко не так просто получить (особенно, если вы не принадлежите к признанному расовому меньшинству). А во-вторых, оно может, конечно, и на уровне средней российской семьи, но на американском уровне вэлферная жизнь такова, что ее никакому врагу не пожелаешь. И никто, кроме тех самых меньшинств, добровольно на вэлфер ни за что не пойдет.

Некоторые утверждают, что члены Зарубежной церкви, дескать, открыто утверждают свой эксклюзивизм. Однако заметим, что не на работе. Скажем, прот. Виктор Потапов с 9-ти до 5-ти на “Голосе Америки” - самый ярый экуменист, такой, что и митрополиту Никодиму не снилось. А что он в воскресенье с амвона говорит, так это в четырех стенах в закрытом помещении... Можно еще сослаться на меткое замечание ректора Свято-Владимирской академии прот. Фомы Хопко, что в США определение дозволенных религиозных собраний полностью совпадает с определением дозволенной порнухи: “То, что в закрытом помещении делают между собой согласные совершеннолетние люди”. Характерно, не правда ли?

Продолжать можно было бы долго, да чего там. Да, в этом обществе редко сажают в тюрьму (хотя могу привести многое вопиющих случаев и в этом). Но есть реальные - экономические - рычаги принуждения. Если все живут в долг - на пластиковую карточку, то угроза потерять работу из-за некорректности и в однажды лишиться всего - от дома и машины до медицинской страховки - страшнее всего.

Но главное - это социальное давление, ибо каждый человек на определенной ступени общественного положения должен ему соответствовать: иметь соответствующий дом в соответствующем районе, с соответствующим газоном, который нужно косить на соответствующем тракторе, соответствующую машину, соответствующую мебель, проводить несчастные две недели ежегодного отпуска на соответствующем курорте, посыпать детей в соответствующую школу или колледж, и пр. Повышение по службе - извольте все это менять, чтобы новые кол-

леги на ежегодном party не заметили бы никаких несоответствий в члене их круга. Поэтому, как бы ни повышалось ваше жалование, соответственно повышаются и расходы, и человек всегда живет в месяце от полного банкротства (вдруг выгонят). Попробуй тут, прояви несоответствие политкорректности!

Мне говорят - там свобода? Уверяю вас, что сейчас, в данный исторический момент Россия - самая свободная страна в мире, потому что пока у нас еще есть возможность позволить себе всегда быть самим собой, выражать свое мнение, называть черное черным, а белое - белым и не бояться при этом за свое будущее.

Кстати сказать, по количеству смертных казней США - эта самая свободная и демократическая страна, оставляет далеко позади многие бандовые и кокосовые диктатуры.

Помимо прочего, Евгений Кадосов написал, что религиозность американцев гораздо выше, чем у россиян, и что в церкви в Америке ходят гораздо больший процент людей, да и ходят они гораздо чаще. Но ведь главное-то не в том, сколько людей в церкви, а в том - зачем они туда ходят. А вот это г-н Кадосов сможет узнать лишь попозже, когда поближе познакомится с этими людьми и получше выучит английский язык. Когда сумеет отличать показную и ни к чему не обязывающую любезность от действительного интереса к человеку и заботе о нем (хотя, честно скажу, этой “уличной любезности” мне в Москве очень сильно не хватает, а постоянные телесные толчки друг друга в транспорте переживаю очень тяжело). Да, эта любезность весьма облегчает жизнь и уличные перемещения. Но все же она - не критерий уровня христианизации общества.

И, кстати сказать, у этой любезности есть и обратная сторона - всеобщее доносительство. Вообще, настучать на ближнего здесь считается достоинством, и об этом с гордостью рассказывают. Особенно в провинции. В Нью-Йорке, где я жил дольше всего, слава Богу, хоть меньше обращают внимания друг на друга. Так же США - это страна сугляг. Так, как судятся здесь, не судятся ни в одной стране мира. Очень популярны рассказы о ловкаче, который отсудил у своих близких (или у государства, или у фирмы, или у страховой компании, или у своего врача и пр.) несколько миллионов долларов и теперь до конца жизни может отдыхать на Карибах.

И, возвращаясь к церковной тематике, могу напомнить и слова отца Александра Шмемана, как-то сказавшего, что по приезде в Америку его поразила эта страна, где банки выглядят, как церкви, а церкви - как банки.

Евгений Кадосов еще написал: "Поэтому, собственно, он (в смысле я - А.Д.) и не остался там. Можно всю жизнь прожить в клетке, и, не зная о существовании воли, считать, что он весь такой же полосатый, восхваляя при этом свою собственную клетку как самую лучшую. Но попав однажды из рабства на свободу, захотеть снова идти в рабство - у меня это в голове не укладывается."

Я хочу ответить и на это. Евгений, видимо, просто не понимает, что человек хочет жить и работать на своей Родине. Что он знает о несвободе? По своему юному возрасту он и не жил в СССР (может, пионером разве что успел побывать). В рабство я не возвращался - я вернулся в свободную Россию, чтобы свободно жить и работать в ней. Я понимаю, что аргумент о Родине кому-то ничего не говорит. Тогда скажу так:

Я больше не пишу скучнейшие новости на трехсортной радиостанции, которая называется "Голос Америки". Я также не вынужден ради академической карьеры ехать в оклахомскую или техасскую глушь, чтобы учить средневековой истории детей местных фермеров, потянувшихся к высшему образованию и проходящих глубоко неинтересные им предметы ради заветного университетского диплома, который потом можно повесить в рамочку на стену. Поймите меня правильно, в том, что я написал, нет никакого снобизма. Фермерские сынки несомненно старательно учатся, так как денежки "упложены", а образование нужно для более престижной и высокооплачиваемой работы. Однако они совсем не любят учить историю, которую им для чего-то нужно проходить, а к будущей работе отношения она никакого не имеет.

Я живу в одном из самых красивых, интересных и динамичных городов мира - великому культурному центру - моем родном городе. И уж коль скоро я православный - городе с самой напряженной, разнообразной и интересной церковной жизнью в мире. Я работаю для своей Церкви (то есть отрабатываю свое богословское образование), и я вижу, что моя работа приносит реальные плоды.

Я абсолютно свободен. Да, мое материальное положение несравненно с тем, тогдашним американским. Да, часто я не знаю, чем я в следующем

месяце буду платить за квартиру. Но зато я ощущаю себя в руках Господа и как никогда доверяю Ему. Я рад принять от Него все, что бы Он ни послал, и пока мне еще не доводилось нуждаться ни в чём.

Понимаете, свобода не приобретается горизонтальными перемещениями! Свободный человек свободен повсюду - даже в США, хотя там это сложнее. С возрастом начинаешь понимать это отчетливей. И могу сказать одно: не стань я православным в Америке, я, наверное, никогда не вернулся бы в Россию. Но будь я православным в России (пусть даже в СССР), я, наверное, никогда не уехал бы из нее в Америку.

- Почему Вы для себя выбрали такое направление работы как борьба с сектами? Ведь это все-таки довольно "воинственное" занятие. Как оно сочетается с православием, которое призывает к душевному миру, покою?

- Я этого направления не выбирал. Так сложилось.

Когда я вернулся в Россию по благословению своего ныне покойного блаженной памяти духовного отца Иоанна Мейendorфа, я пошел работать в новооткрытый отдел катехизации и религиозного образования Московской Патриархии. Священник Глеб Каледа, к которому меня определили работать, и стал моим следующим духовным отцом. В самом начале отец Глеб спросил меня, чем я хочу заниматься, и я сказал, что так как у меня докторская по истории Церкви, и по своему образованию я церковный историк, то хотел бы преподавать или заниматься чем-либо в этом роде. Отец Глеб сразу мне тогда ответил, что сейчас очень важная проблема - секты, которые хлынули в Россию. По его мнению, я должен был заняться противостоянием сектантству.

Поначалу я отказался, сказав, что это дело не для меня, что мне это неинтересно, что все сектантские доктрины скучные и примитивные и что просто связываться с этим не хочется, что я как историк дисквалифицируюсь. Отец Глеб, который очень уважал человеческую свободу, не настаивал.

Стал я работать в отделе, заниматься разными делами. Например, ходил с отцом Глебом в Бутырскую тюрьму - это было впервые в советской истории, когда священник пришел в тюрьму по своей воле, чтобы беседовать с заключенными, помогать им. Но также вскоре стали обращаться к нам в отдел матери и отцы, чьи дети попали в различные

секты, тогда прежде всего это был “Богородичный центр”. Отец Глеб всегда приглашал меня побеседовать с ними, поговорить, постараться как-то помочь.

То, что эти люди рассказывали о “Богородичном центре”, поразило меня! Насколько некоторые доктрины “Богородичного центра” были похожи на существовавшую во II веке антихристианскую sectу монтанистов! Я стал об этом говорить, и родители стали приглашать меня на свои встречи, которые они проводили. Я как эксперт мог с научной точки зрения рассказать об учении секты. Я сталходить с ними по различным инстанциям и осознал, как быстро эта sectа у нас распространяется и что полезно было бы провести конференцию, посвященную этой теме, с тем чтобы обратить на проблему внимание общественности и прессы. Эта конференция состоялась, и в ее названии тогда впервые прозвучал термин “тоталитарные sectы”. И этот термин оказался настолько очевиден, что сейчас уже прочно вошел в оборот.

Конференция прошла очень успешно, было много разных публикаций, и после этого журналисты стали обращаться ко мне за консультациями по поводу разных других sect. Для того, чтобы им ответить, мне нужно было брать многие материалы, много читать и через какое-то время я понял, что я, собственно, уже и занимаюсь sectами, то есть делаю то, чего вовсе не хотел вначале. И я понял, что коль скоро я этим все равно занимаюсь, то лучше заниматься этим профессионально.

А вскоре произошла моя встреча с профессором Огордом, руководителем “Диалог-центра” – датской христианской организации, которая к тому времени уже более 20 лет занималась sectами, накопила громадный опыт информационной работы, собрала громадную библиотеку по этой теме. Профессор Огорд пригласил меня в Данию посмотреть на их работу, я поехал и именно там понял, что нам, по всей видимости, тоже нужно начинать работу с организации информационного центра. Отец Глеб благословил эту идею.

И как-то сразу стало очевидно, что Центр должен носить имя святого Иринея Лионского. Это христианский святой, который жил во II веке. Он был учеником святого Поликарпа Смирнского, который, в свою очередь, был учеником самого Иоанна Богослова. Святой Ириней был по происхождению греком, а служил епископом в галльском городе Лионе (ныне Франция). Святой Ириней впервые

в истории Церкви начал антисектанское противостояние. Он написал книгу “Против ересей”, где были описаны учения самых опасных sect того времени. Все было изложено очень корректно, но при этом убедительно доказывалось, почему все эти sectы нельзя называть христианскими.

Таким образом с 1993 года наш Центр и начал существовать.

- У нас сейчас довольно много говорят об экуменизме. При этом приводится пример западной жизни, тамошних отношений - дескать, они ведь там, при всем религиозном многообразии, мирно сосуществуют, острых конфликтов нет. Вы жили там, как Вы смотрите на эту проблему?

- Во-первых, не стоит объединять весь Запад, потому что в каждой стране своя специфика и в каждой стране свои условия. Есть исторически устоявшиеся конфессии в европейских странах, которые действительно сосуществуют, научились сосуществовать за долгую историю. Тем не менее в тех же европейских странах, например, в Германии, Франции, Бельгии, принимаются очень жесткие меры по отношению к sectам, на которые там смотрят, как на угрозу для граждан и даже национальной безопасности.

В Америке другая ситуация. Там нет традиционных конфессий и в принципе не может быть, потому что эта страна состоит из переселенцев, которые принесли туда религиозные традиции своих стран. Поэтому идея отделения американской религии от государства состоит в том, что там просто не может быть официальной или предпочтительной религии. Из того религиозного многообразия, которое существует в Америке на более менее равных правах, невозможно выбрать одно какое-то “более равное”. В результате, если сравнивать европейский подход к правам человека, к свободе религии и американский подход, то получается, что в европейских странах прежде всего отстаиваются личные права, права человека против прав организаций, в то время как американская система отдает приоритет организации перед личностью.

Это видно и по судебным делам: в США религиозным организациям удается чаще отстоять свои права, чем конкретным людям. Мне кажется, что эта система порочна. Но с другой стороны, поскольку американцы живут при этой системе давно, то у них уже выработались некие механизмы компенса-

ции, можно сказать, иммунитет, поэтому они внутренне защищены от экспансии различных сект. Чего нельзя сказать о жителях нашей страны, у которых эти механизмы защиты еще не выработались и которые просто не обладают необходимой степенью здорового недоверия по отношению к той религиозной пропаганде, которая окружает нас со всех сторон.

- Можно ли попытаться определить признаки тоталитарной секты, назвать какие-то критерии, по которым ее можно отличить?

- Если вкратце, то это такие религиозные организации, которые стараются контролировать сознание своих членов, которые используют методики, лишающие человека свободы. Секты всегда обманывают человека. То есть приглашают его в одну организацию, а в результате он оказывается в другой, потому, что при вербовке они скрыли часть информации о себе или дали ложную информацию. В сектах существует кульп лидера, который заменяет собой Бога, или кульп самой этой организации. Можно также говорить о резком делении мира на "своих" и "чужих". Это присуще любой тоталитарной системе.

Есть и еще один очень простой критерий, который будет понятен любому читателю. Смотрите: если Вы откроете любое православное или даже любое светское издание, Вы увидите, что многие православные критикуют свою церковь, ее иерархию и так далее. С их критикой можно соглашаться или не соглашаться, но она есть. То же самое можно сказать и о любой другой из традиционных конфессий - о католиках, протестантах... Многие из них весьма критически относятся к своей организации и не найдется ни одного, который бы не считал, что что-то стоит изменить, что-то улучшить. И это нормально, потому что умение мыслить критически, критически рассуждать - это неотъемлемая часть свободы человека. Человек свободен, ему что-то может нравиться, а другое не нравиться - и он высказывает это.

Но найдите хоть одного сектанта, который высказал бы хотя бы мягкую критику по отношению к своей секте. Хоть что-то! Найдите хотя бы одного такого иеговиста, сайентолога, мунита, кришнаита... Таких просто не бывает! Это противоречие секте. Если он что-нибудь такое скажет, он автоматически оказывается вне секты. По-моему, это пугающий признак. Это как в Северной Корее, где человек на улице будет рвать траву, чтобы сварить себе суп, но

при этом утверждать, что он сыр и счастлив. Потому, что этот человек не свободен. То же самое было и в сталинской России, когда днем вся страна радостно пела, что нигде люди не дышат так вольно, а ночью тряслась от ужаса, ожидая, когда придут арестовывать, и при этом даже не осознавала, что так жить ненормально, что происходит что-то не то. Это и есть та самая тоталитарная система. Это чрезвычайно страшно.

Наш Центр не посягает на религиозный выбор человека, что бы об этом ни говорили. Это неотъемлемое право каждого человека - самому делать свой выбор. Даже если этот выбор кажется нам ошибочным, мы можем человека уговаривать, убеждать, но не должны заставлять его менять этот выбор, навязывать то, что, как нам кажется, будет для него лучше - православные так не делают. И основная идея нашего Центра, что чем больше у человека информации, тем свободнее его выбор. Наша задача - донести как можно больше правдивой и честной информации до человека. Я уже говорил, что при вербовке сектанты скрывают часть информации или вообще лгут. И я глубоко убежден, что если люди будут иметь полную информацию, очень мало кто из них когда-либо попадет в эти секты. Ну, а уж если пойдет, то действительно по своему свободному выбору.

- Как Вы думаете, насколько возможна реабилитация людей, попавших в секты? Ведь те, кто уже туда попал, настолько уверены в своей правоте, что их практически невозможно переубедить. А ведь, наверное, нужно как-то бороться, чтобы их оттуда "вытащить"...

- Наш Центр не занимается какой-либо реабилитацией. Мы занимаемся профилактикой, наша задача - распространение информации. Мы считаем, что лучший способ выйти из секты - это туда не попадать. Реабилитация - это совсем другой аспект антисектантской работы. Этим должны заниматься священники, психологи, психиатры - люди, которые могут вести душепечительскую работу, профессионалы в этой области. А мы - профессионалы в другой области.

Что касается существа Вашего вопроса, то все это уже проходили на Западе, когда появились первые жертвы сектантства. Родители видели, что их дети будто запрограммированы, что они ходят со стеклянными глазами, как зомби, и ничего невозможного с этим поделать. Конечно, родители были в ужасе. Тогда и появилось депрограмматорство. Тог-

да таких детей похищали из секты и помещали в изоляцию, чтобы они имели возможность побывать наедине с собой, задуматься. Часто было достаточно дать им наесться и отоспаться. Конечно, при этом еще велись какие-то разговоры, чтобы эти юноши и девушки начинали переосмысливать свое пребывание в секте. Причем часто это все сочеталось с довольно жестким психологическим давлением, не менее жестким, чем то, которому они подвергались в секте. Но нужно сказать, что поначалу это был довольно эффективный метод.

Однако, во-первых, похищение людей - незаконно, и даже родители не имеют права похитить своего совершеннолетнего ребенка. Во-вторых, методика "клин клином вышибают" не всегда срабатывает. А в чем-то она даже порочна. Некоторым детям удавалось убежать, вернуться в секту и тогда, при поддержке секты, они подавали судебные иски против своих родителей и иногда они даже выигрывали процессы. С точки зрения закона они, конечно, были правы, но а с точки зрения нравственности? Представьте себе родителей, которые потеряли своего ребенка, а потом еще этот ребенок отсуживает у них их дом, другое имущество, которое потом жертвует секте!

Вот так, методом проб и ошибок на Западе пришли к выводу, что похищение для депрограммирования - неправильный метод. Что нужно стараться, чтобы член секты по своему согласию встретился бы с профессионалами, которые могут попытаться вывести его из этого состояния. Основная задача таких встреч - заставить человека задуматься. Если это удастся, то скорее всего такой человек из секты выйдет. Он осознает, что там ему делать нечего. Для этого разработаны определенные методики, написаны книги, некоторые из которых уже переведены на русский язык.

Иногда по просьбам людей мы все же встречаемся с их детьми и близкими, которые соглашаются побеседовать с нами. И, особенно, если они прошли в секте недолго, нам примерно в 50% случаев удается помочь человеку переоценить ситуацию. Вы не представляете себе, какое это счастье - видеть происходящую на глазах перемену: всего пару часов назад юноша или девушка отказывались что-либо слушать, смотрели вперед остекленевшим взглядом и бубнили что-то свое. И вдруг в глазах у них появляется мысль, они начинают задавать вопросы, проявляют интерес, постепенно оттаивают... Всякий раз это воспринимается как чудо...

- Вот мы все говорим о сектах, а ведь и у молодых людей, которые стали православными, тоже могут быть проблемы с родителями - непонимание, попытки не пустить их в Церковь. Как вы считаете, эти ситуации похожи?

- Нет, ситуации непохожи. Конечно, многие родители-атеисты бывают недовольны религиозным выбором своих детей, но в православие никто никого насильно не затачивает. Человек, когда он приходит в православие, знает, куда идет. В этом нет никаких тайн и секретов. И здесь нет правил, что нужно, например, разрывать отношения с теми, кто не принимает этот выбор. Более того, ни в коем случае нельзя разрывать отношения со своими родителями. Я знаю случаи, что если родителей очень смущал пост, то духовник советовал лучше съесть что-нибудь скромное, чем раздражать своих отца и мать лишний раз.

Сектанты же, наоборот, обычно заинтересованы в конфронтации своих новых членов с родителями, с друзьями. Потому, что чем больше связей человек прервет, тем легче потом его будет контролировать в секте.

В предыдущей книге "Введение в сектоведение" Вы осуждаете существующие в сектах резкие ограничения в сне, в еде, в половой жизни. Но ведь и православие регламентирует эти сферы человеческой жизни. Взять хотя бы те же посты. А уж монастырские уставы вообще бывают весьма суровы...

Пасха 1986 год. Вместе с протопресвитером Иоанном Мейendorфом и его женой Марией Алексеевной.

Вопрос в том, зачем используется пост и другие ограничения. В сектах есть правила обязательные для всех, и есть механизмы контроля, чтобы проследить, как человек эти правила исполняет. В Православии же нет механизма контроля. У нас есть общее постное правило, но применять его или нет, каждый человек решает сам или со своим духовником. У нас никто не приходит к человеку домой, не заглядывает к нему в холодильник, никто не стоит со свечкой у него в спальне и не смотрит, когда он живет со своей женой и как. Этого нет. Человек сам принимает решение и сам несет ответственность за свои поступки.

- Но все же ведь есть общее правило! Да, внешне это вроде бы никто не контролирует, но ведь и сам осознаешь, что сделал неправильно. И потом, в этом ведь придется исповедоваться!

- Но это собственное ваше самосознание! Вас ведь не вызывают на середину храма, чтобы отчитать по полной программе. Да, вы нарушили пост, вы исповедовались, но священник ведь не говорит: "Братья, посмотрите на нашу сестру! Вы знаете, что она сделала то-то, что она нарушила пост так-то и так-то? Ну-ка братья, что вы об этом думаете, что вы ей скажете? В следующий раз давайте, братья, если уж наша сестра такая слабая, заходить к ней каждый вечер домой и проверять, что у нее лежит в холодильнике и вынимать все, что не положено!"

У нас есть общее правило, как некое руководство к действию, но мы знаем, что каждый сам выбирает потом свое постное правило с духовником или по благословению. По слабости некоторые не могут соблюдать поста или соблюдают его частично. Больные люди освобождаются от несения поста или пост им сильно облегчается. Пост облегчается и путешествующим, и беременным, и еще в целом ряде случаев. Ничего этого в сектах нет.

Дальше вы сказали о монастыре. Но когда человек идет в монастырь, он знает, что там его ждет. При этом нужно сказать, что монашествующие - это лишь небольшой процент всех православных, это те люди, которые хотят именно такого послушания и которые прекрасно знают, что из себя представляет монашеская дисциплина. Причем монахами становятся не сразу. Человек должен сначала пожить в монастыре трудником, послушником, проверить, насколько эта жизнь ему подходит. И монастырь проверяет, насколько этот человек для такой жизни подходит. Окончательное решение не принимается достаточно долго.

Такого нет в сектах. Если бы секты работали так, как я сейчас опишу, у меня не было бы никаких претензий. Представьте, что подошел бы к Вам на улице некий человек и сказал: "Здравствуйте! Мы Вас хотим пригласить в нашу организацию. Многие называют ее сектой, но когда Вы поступите к нам, то увидите, что мы не такие. Мы называем себя ... например, муниты. Если Вы поступите к нам, Вы проведете несколько дней на семинаре. Если Ваши родные будут не согласны с тем, что Вы к нам поступили, Вам придется рассориться с Вашими родителями, порвать с Вашей любимой девушкой, бросить институт или работу. Зато мы Вас отправим в другой город с нашей командой по сбору средств. Продыться Вы будете рано, мы будем проводить занятия по изучению нашего Великого Принципа.

Потом мы Вас отправим на улицу, и будете там с утра до позднего вечера клянчить у прохожих. Если не принесете нужной суммы, то придется еще и позже клянчить, или мы Вас будем публично унижать и оскорблять за то, что Вы плохо собираете средства, которые столь необходимы нашему Истинному Отцу. Жить Вы будете в очень хороших условиях: в двухкомнатной квартире. Там с Вами будет жить еще человек 30-40. Утром у Вас будет 45 секунд для того, чтобы умыться. Вечером, когда Вы будете приходить усталые, продрогшие и голодные, мы дадим Вам что-нибудь поесть, а потом до поздней ночи будем изучать наш Принцип и вместе молиться. Спать Вы будете мало, но зато на полу. Уставать будете, но для дела благого".

Вот если так все расскажут и человек, зная все эти условия, пойдет в такую организацию, то можно сказать, что он сознательно сделал свой выбор. Я думаю, разница очевидная. Когда человек поступает в монастырь, он изучает эту жизнь, он живет этой жизнью, он смотрит, насколько она к нему подходит, и в любой момент он волен развернуться и уйти, если понял, что это тяжело для него, что что-то не так. В секту, когда человек приходит, он не знает ничего, что там будет.

- Есть ли в Православии какие-то опасности для верующих людей, в частности для молодежи?

- В любой системе есть извращения. И в нашей Церкви тоже. Бывают священники духовно незрелые, которые устраивают у себя в приходе некое подобие секты, и сами превращаются в своего рода гуру. Бывает, что и послушание и стиль жизни в приходе или в монастыре устраиваются по сектант-

скому образцу. Это очень опасно. И об этом говорят. Это зло пытаются искоренять.

Сектанты очень часто ссылаются на подобные случаи: вот вы, дескать, говорите про нас плохо, а у вас то же самое... Я думаю, такое сравнение в принципе некорректно. Можно привести такой пример: монетный двор выпускает настоящие деньги, но иногда есть какой-то процент брака. Ну, положим, одна из тысячи банкнот оказывается бракованной. Если взять эту бракованную банкноту и сравнить ее с фальшивыми банкнотами, которые где-то рисуют какие-то "умельцы", то можно сказать: "Вот: монетный двор тоже занимается выпуском фальшивых рублей". Но нельзя сравнивать брак монетного двора с нормой какой-нибудь подпольной типографии, которая делает фальшивые деньги. То же касается и неких "извращений" в православии, которые мы признаем как извращение. То, что у нас извращение, для секты - норма.

Вот, задают вопросы: а как же пост или другое какое-то ограничение себя? Ведь и у секты то же? Ведь похоже? В той степени похоже, в которой поддельные деньги похожи на настоящие. Если не знать настоящих денег, то тогда и подделка может показаться чем-то настоящим. И чем больше ценность настоящего, тем больше вокруг него подделок.

Чем больше мы будем знакомиться с подлинной православной Традицией, тем меньше у нас будет возможности попасться на всевозможные подделки, даже если они внутри самой Церкви. И тем более, если они существуют вовне.

- У себя в Центре Вы сотрудничаете с лютеранами, которых многие и за христиан не признают. Почему Вы идете на такое сотрудничество? Может их, наоборот, обращать нужно? Вы ведь про экуменизм довольно отрицательно говорите, нет ли здесь противоречия?

- Вы не правы. Я сотрудничаю со всеми традиционными исторически сложившимися конфессиями. Точнее: я готов сотрудничать с любыми традиционными историческими конфессиями, которые хотят с нами сотрудничать, потому что противостояние деструктивным и тоталитарным сектам - это наша общая задача. В частности, у меня есть близкие друзья среди немецких и датских лютеран, и я говорил, что и Центр наш существует в том числе и

благодаря моей встрече с датчанином профессором Огордом. Он родился и всю жизнь прожил в Дании и, естественно, он - лютеранин.

Я думаю - это грех против Святого Духа, говорить, что лютеране - не христиане. Они христиане, при том, что у них есть целый ряд собственных учений, серьезные заблуждения, искажения истины... Можно даже назвать их еретиками, но, тем не менее, все-таки они - христиане. И практика нашей Церкви недвусмысленно об этом свидетельствует, потому что принимаем мы их в православие через миропомазание, не крестя их заново. Все-таки их крещение мы признаем. Постольку поскольку они исповедуют Христа своим Господом, поскольку они веруют в Святую Троицу, мы не имеем права не называть их христианами.

- Хотелось бы спросить про новое издание Вашей книги "Сектоведение". Чем оно отличается от предыдущего?

- Первое издание называлось "Введение в сектоведение". Многие благодарили меня за книгу, говорили, что она им помогла, что она понравилась. Были и упреки - от сектантов, естественно. От моих коллег я услышал ряд серьезных замечаний. Действительно были недосмотры: неточные выражения и даже ошибки. Дело в том, что эта книга - распечатка моих лекций, которые я читал в Свято-Тихоновском институте. И я был не готов к ее изданию. Но студенты мои лекции распечатывали, списки неправленых распечаток расходились по рукам - с массой оговорок, ошибок, ослыпек... Так что пришлось срочно готовить эту книгу, а спешка всегда чревата...

В новом издании изменен жанр, хотя я постарался сохранить легкий разговорный язык. Кстати, именно разговорный стиль я считал недостатком, но после выхода книги меня убедили в обратном. Я исправил, надеюсь, все допущенные ошибки, многое дополнил... Практически это заново переписанный текст, и туда вошла информация о многих новых сектах. Книга снабжена полным библиографическим аппаратом, предметно-именным указателем и всем прочим, необходимым для более серьезного, более академического издания. Я надеюсь, что при этой академичности книга по-прежнему будет легка для чтения и достаточно информативна. Но об этом судить читателям.

Беседовала Алина ДАЛЬСКАЯ

Владимир Гурболов. Из миссионерского дневника

Часто вспоминаю о том, как впервые пришла в нашу церковь та женщина, которую уже много лет вижу на каждой службе.

Женщина лет сорока-сорока пяти... Она подошла к свечной лавке, где мы сидели, и стала как-то беспомощно оглядывать книги, иконки. Потом она спросила, почему-то прямо у нас:

- Как мне быть? В какой храм мне пойти, чтобы не разочароваться окончательно?

Я спросил ее, много ли церквей она обошла, назвал несколько "популярных" приходов. Женщина ответила, что была там, и помявшись, добавила:

- И, знаете, даже там... Я ничего не чувствую.

Она была заплаканная, может быть, на поиски ее подтолкнуло какое-то несчастье. Кто-то сказал ей тогда:

- Есть удивительные храмы, замечательные духовники. Но это не значит, что там Вам будет лучше. У нас, наверное, слишком обычный, заурядный с виду храм. Вы ждете чего-то необыкновенного и все ходите, ходите... А Вы просто постараитесь осмотреться и никуда больше не уходить.

Она поблагодарила и пошластавить свечки к нашему бумажному иконостасу...

Прошло уже много лет. Я все хочу расспросить ее, почему с тех пор она

осталась у нас, и каждый раз почему-то не решаясь.

...С того момента, когда люди узнают и поймут, что ты православный, любое твой дурной или добрый поступок будет рассматриваться как поступок христианина, и по нему будут судить о всей Церкви.

Андрей И. ушел из школы, где замечательно талантливо учил детей истории и общественным наукам. Позднее он рассказывал, как это произошло.

Он вел урок, посвященный философии, и заговорил о проблеме жизни и смерти. Но как только он заговорил про страдания человеческого разума и души при мысли о смертном часе, как ребята его прервали: "Да что Вы, успокойтесь! Зачем обо всем этом думать?"... и далее почти по тексту рекламы, мол, главное в жизни - "забудь обо всем и отянись со вкусом".

- Тогда я понял, что это - поколение виртуальщиков. У них после смерти "возврат к сохраненной игре" (компьютерные игроки поймут, это есть в большинстве игр - В.Г.) Мне стало пусто: эти ребята не услышат то, что для меня важно...

И Андрей прекратил педагогическую деятельность.

Когда-то на мои вопросы Андрей отвечал примерно так: “Я считаю, что смерть - это вроде несчастного случая. Просто бац - и все. Чего об этом думать?” Или “хитрее”: “Знаешь, теоретически бессмертие существует. Сознание-то угасает не сразу, а постепенно, и тебе покажется, что сознание гаснет вечно”. Или попроще: “Я - агностик. Значит, допускаю разные исходы. А что именно меня ждет после смерти, интересно узнать тогда, потом”.

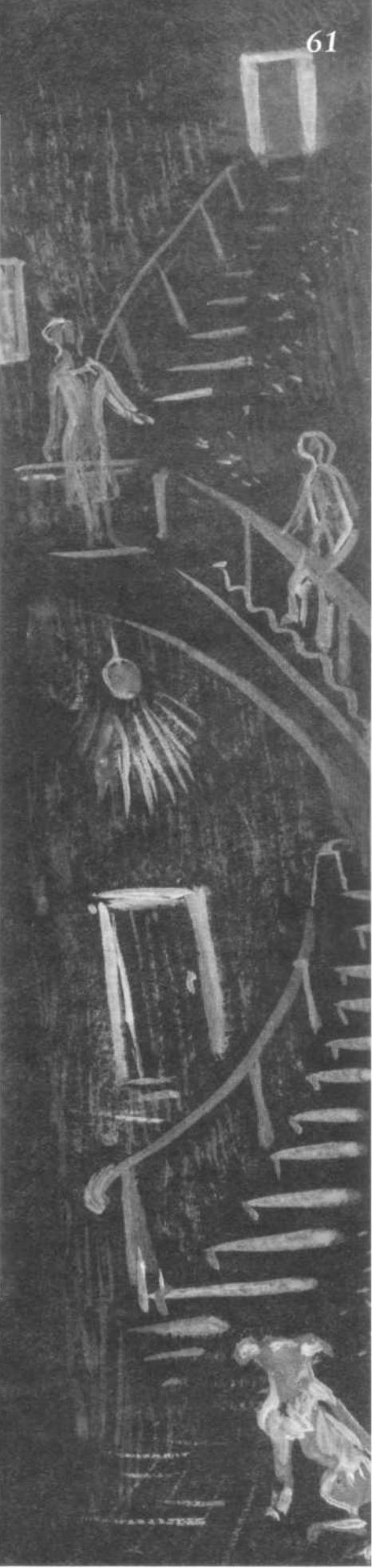
Потом, лет через пять, когда он, тяжело заболев, подумал, что умирает и заговорил со мной об этом... Как мы оба плакали тогда!..

Самые удивительные минуты миссионерства - когда видишь, как просыпаются в человеческой душе Вопросы О Главном.

Юлий, мой хороший друг, нашел однажды слова, которые практически разрешили мои сомнения о Православии.

В тот вечер мы разговорились, и я рассказал ему, что вся моя жизнь выглядит сплошной ошибкой, что я запутался окончательно. У меня были всяческие религиозные поиски, но сейчас все восточные культуры меня пугают космической, бесчеловечной механикой. А с точки зрения Евангельской нравственности, я потерпел в судьбе полное фиаско и не могу считать себя хорошим и достойным человеком.

И вдруг Юлий сказал: “Какой ты счастливый человек! Никогда Бог не был так близко к тебе, как сейчас. Надо идти в церковь”.

Помните, как герой фильма "Москва слезам не верит" говорил о том, что вскоре будет "одно сплошное телевидение"? Нельзя сказать, что его прогноз сбылся на все 100%, но телевидение сегодня, безусловно, стоит на первом месте среди СМИ по степени влияния на общество. И поэтому вдвойне обидно, что массовые телевизионные проекты зачастую безвкусны и пошлы, построены на скандалах и движимы одним коммерческим интересом.

Из общего телепотока постоянных политических склок и раскованных шоу "про это" программы телекомпании "Вид" выделяются человечностью, высоким профессионализмом, стремлением реально помочь попавшим в беду.

И хотя "Вид" не является православной телекомпанией, нам во многом близка позиция, которую занимают видовцы по отношению к журналистике и ее роли в обществе. Об этом и о многом другом соредактор журнала "Фома" Владимир Легойда беседует с Председателем Совета Директоров телекомпании "Вид" Александром Любимовым.

"ПРАКТИКА ВЕРОЯТНОСТЕЙ",

или Беседа

с Александром ЛЮБИМОВЫМ о том, может ли телевидение быть добрым

“ВИД” И ДРУГИЕ

- Александр Михайлович, многие передачи телекомпании “Вид”, прежде всего, конечно, я имею в виду “Взгляд”, а также “Жди меня”, обращены к человеку, к его внутреннему миру. Создатели передач беседуют как с людьми в студии, так и с многочисленной зрительской аудиторией о насущных человеческих проблемах, о добре и зле, о нравственном выборе... То есть о том, о чем сегодня, как мне кажется, на телевидении говорят мало. Как Вы и Ваши коллеги к этому пришли? Есть ли это некий закономерный итог Вашей работы на телевидении, можно ли сказать, что Вы стремились к этому с самого начала или произошло нечто, в корне изменившее Ваш подход?

- Я не могу сказать, что мы куда-то специально шли, стремились к чему-то заранее запланированному... Во “Взгляде”, который мы начинали в 1987 году, этого “человеческого фактора” было довольно много. Просто в памяти у людей остается то, на что они обратили внимание. У людей моего возраста, быть может, это то, что они там... впервые увидели “Роллинг Стоунз”! А для моих более политизированных ровесников - что первый раз заговорили о возможном захоронении Ленина и т. д.

“Взгляд” изначально был очень многофункциональной программой, единственным на телевидение регулярным зрелищем, где говорилась более-менее правда. Мы пытались освоить ту территорию идей, которая просто находилась в застое. Идей во всех смыслах: не только интеллектуальном, но и просто культурном, в смысле человеческом, этическом. Наша популярность была не телевизионной, а идейной - просто мы делали то, чего никто тогда не делал. Сейчас же, в принципе, все телевидение работает на этой “территории”, все газеты, все журналы. При этом каждый делает это по-разному... В большинстве случаев - и тут я с вами вполне согласен и весьма сожалею, что так происходит - современное телевидение идет по очень простому пути. Дает очень простые рецепты, упрощенно судит о мире. Хотя все прекрасно знают, что даже школьник, получивший аттестат зрелости, понимает, что за той математикой, которую он изучал в школе, существует еще высшая математика, где есть область допустимых значений... Что существует теория относительности, теория вероятности и т. д. И хотя эти вещи не изучаются в школе, они присутствуют в жизни. И жизнь сама учит человека тому, что в отношениях людей все очень нечетко и нежестко. А телевидение, повторяю, эти тонкости человеческого бытия зачастую просто не учитывает.

При этом телевидение умудряется сообщать очень мало новостей, настоящих новостей. Оно больше воздействует на подсознание, на эмоции, на ощущение мира. Телезрители часто подаются специально отобранные факты как главные новости дня. Хотя, по мне, они вовсе

таковыми не являются. Например, какой депутат из какой фракции перешел и т. д.

Ведь когда существует возможность сообщить стране всего-то о 7-10 событиях, принципиально важно, какие новости отберет главный редактор. То, что происходит у нас на телевидении, меня, мягко говоря, поражает. Как же так: огромный мир, страна, рядом другие страны, а журналисты занимаются очередной депутатской “разборкой”. Почему? Ответ вполне очевиден - такие материалы делать очень просто. Во-первых, ехать до Думы близко, во-вторых, думать в Думе особенно тоже не надо. Там ведь всегда найдутся “знакомые все лица”, “раскрученные”, как герои популярного телесериала... Всегда что-нибудь скажут. А журналисты просто этим пользуются, скрывая свою интеллектуальную несостоятельность. Все это большое безобразие...

- И как же вам удается делать программы, которые отличаются от привычных новостей и последних думских сплетен?

- Скажу вам честно: нам функционировать на этом фоне крайне тяжело. Очевидно, что почти все общественно-политическое вещание завязано на новости как на скелет, на ту информационную среду, в которой все остальное так или иначе происходит.

Тяжело захватывать и обрабатывать соседнее пространство, когда ты практически не имеешь никаких союзников. Однако пока мы преуспевали. “Взгляд” - это одно направление, программа поиска вечного смысла. Программа, которая опровергает все обывательски здимое, очевидное, все обычно ощущаемое, потому что постоянно находит в этом какие-то другие смыслы, другие грани... Как в общем-то в жизни и есть на самом деле... Это программа-вопрос, причем и для меня самого. Потому что никогда ответ не является окончательным ответом. Ответ сегодня - это вопрос завтра. Естественно, “Взгляд”, - моя любимая программа, поэтому я ее веду. Конечно, мы очень рассчитываем, что придет какое-то другое поколение, с другими взглядами на мир - хотелось бы...

Есть программа “Жди меня”. Я считаю, что это наш лучший проект и лучшая премьера на телевидении 1999 года. Собственно, ни до, ни после никто пока еще такого уровня телевизионного менеджмента, журналистики, и одновременно деликатности не достигал. Попытки связать это с вышедшей в советское время “От всей души” невероятно фальшивы. Тогда была другая эпоха: все это делалось раз в квартал при содействии всего ЦК КПСС. Сейчас же, в условиях, когда уже закрыта вся эта Мосгорсправка, и государство вообще никак не занимается поиском людей, мы находим тех, кто есть в базе МВД и кого МВД считает пропавшими без вести. Мы действительно находим их - людей, которые “живут нигде”. Телевизионная программа помогает таким людям. Из этого сделано достойное телевизионное зрелище, абсолютно нефальшивое. Конечно, любые качественные человеческие эмоции, выраженные публично в такой жесткой

среде, как телевидение, кому-то покажутся игрой. Но поверьте, это не игра, это реальная жизнь. Очень эмоциональная, человечески, интеллектуально насыщенная ...

"МЫ ВЫБИРАЕМ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ..."

- Меня поразила Ваша фраза во "Взгляде": "Мы никогда не бросаем героев наших передач". Когда понимаешь, что это действительно так - это производит очень сильное впечатление. Здесь уже не просто журналистика, не просто работа в информационной среде, а нечто гораздо большее. Реальная помощь реальным людям.

И все же и здесь, как мне кажется, не обойтись без проблем. Когда я смотрел в одной из старых передач сюжет о том, как Сергей Бодров ездил встречать Новый год с бездомными детьми в Питере, я вдруг подумал, что это довольно сложно: помогать людям, зная, что все записывается на пленку и будет показано по телевидению. Как быть с публичностью делаемого добра? Помните известную евангельскую фразу: "Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая"?

- Это большая проблема, сложный нравственный выбор. Но его надо делать. А как еще? Все, что публично, все что идет на большую аудиторию, будет по-разному истолковано, окрашено в соответствии с образом восприятия конкретным человеком таких телепрограмм. Поэтому ты просто выбираешь, что будешь делать. Конечно, можно пачься о судьбе Владимира Александровича Гусинского пять суток подряд, или например, Бабицкого, и не думать про то, что в это же время по всей стране происходит с обычными, простыми, как принято говорить, людьми.

Мы выбираем "простых" людей. Выбираем, абсолютно понимая, что многие это не воспримут и будут говорить (и говорят!): "Вот эти жирные московские коты сидят там, им платят за это деньги, и они за эти деньги делают вид, что они такие хорошие и добрые, а на самом деле они подонки и просто зарабатывают себе на жизнь". Ну что тут сказать? Мы, конечно, зарабатываем на жизнь - это наша работа, мы ее любим. Но весь вопрос в том, что эту энергию телевидения - пусть она в чем-то лживая, пусть она в чем-то цинична, как любая энергия массовой культуры (слово любовь, сказанное Аллой Пугачевой и сказанное Александром Пушкиным звучит все-таки по-разному) - можно (и нужно) использовать не только в коммерческих целях, хотя это и не просто.

- Насколько я Вас понял, нравственная проблема для Вас и Ваших коллег существует?

- Конечно. Безусловно. Но выбор, который мы сделали, абсолютно сознательный. Ты его делаешь, когда приходишь на телевидение, и начинаешь бороться за себя, за свои убеждения, за свои идеи и за их реализацию. Ты открыт миллионам людей, которые каждый вечер могут

называть тебя подонком и кем угодно. Но ты идешь на это, потому что ты так решил. Ты можешь этого не делать. Но мне кажется, что некий катарсис происходит, когда ты начинаешь вдумчиво вкладывать телевизионное время в добро. Когда реально это становится менеджментом добра, как мы это называем. Над этим тоже все жутко подхихикают. Но если ты понимаешь, что вот эти пять минут, которые ты провел в эфире, реально сделали что-то, если благодаря тому, что программа выходит в эфир, какие-то люди кому-то помогли, кто-то кого-то нашел, кто-то кому-то сделал хорошо - а это уже реальная жизнь, она за кадром - если что-то стало меняться, то это такой сильный позитивный заряд, что то, что думают остальные про тебя, становится не таким уж важным. Особенно, когда откликаются зрители. Как-то показали мы сюжет про семью московских бомжей. После передачи позвонил мой товарищ, банкир, захотел дать им квартиру. А потом оказалось, что не только квартиру (банк строит большой дом в Москве), но и дело: чтобы они взяли какой-то магазинчик и работали. Конечно, с одной стороны, он тратит деньги, чтобы ему потом деньги вернули. Но это правильно: людей надо ставить в ситуацию, в которой они могут действовать, потому что не все умеют быть большими и сильными - это сложно в нашей стране...

- Наверное, Вы правы. Но, говоря о нравственной проблеме журналиста, я имел в виду не злобные отклики критиков, а внутренний самоконфликт, если угодно. Вы уже сказали, что поначалу это очень трудно...

- Нет, не только поначалу - постоянно сложно. Например, когда ты приезжаешь в те же "горячие точки", где воюют восемнадцатилетние мальчишки. Мы сидим, беседуем, какие-то вопросы задаем, пытаемся им в душу влезть, а им потом с этим опущением эмоциональным (так-то они сами по себе, а тут журналисты будоражат) завтра идти в бой. Но это такая профессия, она сложная, ты все время на грани, в ситуации нравственного выбора...

- А чтобы не переступить эту грань, где нужно проводить границу? Я имею в виду вот что: телевидение построено в определенном смысле на трюках, т. е. зритель зачастую видит то, чего в студии на самом деле нет. И эти трюки условно можно подразделить на безобидные (в телешоу показывают, что стреляет пушка, которой, на самом деле, в студии нет - досняли потом отдельно) и совсем не безобидные. Например, как мне рассказывал один журналист: набрасывают гильзы, коробок от снарядов и говорят: полчаса назад здесь шел бой. Как вот здесь определить грань?

- Видите ли, я думаю, что в любой профессии есть эта грань. Чертеж, которую нельзя переступать. Это зависит не от профессии, а от человека. Единственное, что могу сказать о своем цехе: журналистика, в отличие от хирургии, такого ущерба нанести не может, слава Богу. Хо-

ся с другой стороны, в журналистику, в отличие, от той же хирургии идут люди духовно слабо подготовленные.

- Что Вы под этим понимаете?

- Любой человек - это формирующаяся личность. Этапы формирования личности связаны с какими-то событиями в жизни, с жизненным опытом, с образованием, с семьей. В журналистику приходят рано - например, молодой журналист, 22 года, а его сюжет уже идет в программе "Время" на всю страну. Как правило, в этом возрасте очень немногие являются духовно созревшими, нравственно взросшими до того, чтобы понимать эту грань.

Очень многое решает практический жизненный опыт, который способен подсказать человеку, какое событие действительно является глобальным. И то, что сегодня мои товарищи по цеху воспринимают битвы аллюминия против нефти или там Моста против Тоннеля как некое глобальное событие в жизни, и свидетельствует об их духовной незрелости. Для них опыт борьбы - это бороться, например, за Гусинского против Березовского. Мне, честно говоря, это кажется, во-первых, отнюдь не важным для судеб моего государства. Во-вторых, абсолютно придуманным. Сколько эфирного времени было потрачено на репортажи из Думы, а что мы знаем вообще о том, что Дума реально сделала? Мы как-то очень легкомысленно к этому относимся. Нам невесть что показывают, а мы все это смотрим, смакуем...

ДОБРО

ДОЛЖНО БЫТЬ С ... МЕНЕДЖЕРАМИ!

- Александр Михайлович, а если от дел МАКРОкосмических все же вернуться к МИКРОкосмосу - человеку. За годы своего существования "Взгляд" рассказал о тысячах различных человеческих судеб. Вы не могли бы сейчас вспомнить историю, которая вас больше всего потрясла, до слез. Понимаю, что это сложно, но все-таки...

- Историй, действительно, такое количество, что я просто буду долго перечислять.. Ну, например, история молодого человека из Астрахани. Мы с ним даже одновремя по электронной почте переписывались. Он инвалид, точный диагноз сейчас не вспомню, но заболевание очень сложное: не может вообще двигаться, прикован к постели. Написал нам, просил денег на операцию. Операция сложнейшая, дорогая, порядка 50 000 долларов. Сразу помочь не получалось. Прошел год, он сам с нами связался. За этот год он там сам нашел около 200 000 долларов, но эти деньги отдал детям. Он делал сайты в Интернете, находил какие-то американские сайты, занимающиеся благотворительностью. В общем, занимался этим самим менеджментом добра.

Ведь проблема добра зачастую в том, что нет менеджеров! Потому что менеджеры занимаются зарабатыванием денег, а это, как правило, не есть добро. Но ведь

тратить правильно деньги, тратить их на хорошие дела нужно тоже уметь. Если ты просто дашь человеку 20 000 долларов - сумму, которую он никогда в жизни не видел - то он может даже сойти с ума, или напиться и потерять эти деньги, у него могут их отобрать и т. д. Поэтому нужно все контролировать до конца...

Еще один пример - драматичная история мальчика из Грозного. Мы его там нашли с обожженным лицом - задело во время обстрела. Его усыновил десантник, потом они оба попали в плен... Когда их освободили, нам удалось договориться, чтобы во Франции ребенку сделали операцию. Сейчас, вроде бы, об этом сообщают не только наша программа. Кстати сказать, это меня тоже поражает: люди никогда не говорят о чужом успехе. Вот история, ну почему бы не рассказать об этом мальчишке вместо очередной депутатской склоки? Поразительно. Это к разговору о духовном опыте...

- А как определить, кому в первую очередь нужна помощь, а кто может подождать? Ведь всем сразу не поможешь...

- Да, нас часто спрашивают, как мы выбираем, кому помогать в первую очередь. Мы помогаем "сверху": то есть пришли письма, берем верхние и начинаем с ними работать. Другого способа мы не знаем - как выбрать...

А вот еще одна история, история Кобзона. В 1993 году в наш офис каждый день приходил человек и говорил, что он мой родственник (фамилия у него Любимов), хотя мы с ним были незнакомы. Ну, не родственники, так однофамильцы. Он хотел построить свое хозяйство, где-то в глупши. Звучало все как какой-то невыполнимый бред. Но при этом хотелось человеку как-то помочь. Мы дали его " обращение к стране", на 30 секунд. После чего к нему приехали 15 человек с женами и отправились с ним в полную глушь! Почему-то эти 15 людей смотрели нашу программу, почему-то его глаза или еще что-то на них действовало, я не знаю, что. Но они поехали туда, даже деньги где-то нашли. Все отстроили, мы уже сняли об этом сюжет. Когда снимали - то ли там лампадка упала (они ведь даже церковь там построили!), то ли еще что-то.. В общем, начался пожар. А это ведь в лесу. Сгорело все до тла. Тушить невозможно было - там пожарных машин нет, водопровода тоже, только колодец. Так что сюжет оказался довольно грустным. Но вот когда он шел в эфире, его почему-то увидел Иосиф Давыдович Кобзон, российский предприниматель. Говорю "почему-то", потому что он в это время находился за границей, в гостинице. Оказалось, что там показывают ОРТ (что для меня было полной неожиданностью), и Кобзон его смотрел, хотя вполне мог бы пойти в хороший ресторан: человек в отпуске, устал от всех забот и т.д. Но его "прошибает", и он начинает нам оттуда звонить, хочет помочь. Дал деньги людям, 20 000 долларов. Они отстраивают все заново на эти деньги.

Вот такие бывают ситуации, абсолютно невероятные, когда все кажется невозможным, но вдруг получает-

ся. А бывают простейшие, казалось бы, истории, но ничего не выходит, сколько ни стараешься...

ПРАКТИКА ВЕРОЯТНОСТЕЙ

- А бывало ли такое, что Вы ощущали полное бессилие?

- Да, конечно.

- И какой выход Вы для себя находите в таких случаях?

- Я вам скажу так, возвращаясь к школьному образованию и высшей математике: то, чем я занимаюсь - это практика вероятностей. Есть теория вероятностей, а есть практика вероятностей. Я могу пытаться создавать обстоятельства, которые повышают вероятность происхождения того или иного события, но я не могу создать это событие, я не могу навязать людям, чтобы они действовали. Одно из таких обстоятельств - это эфир, т. е. телевизионные программы. Другое обстоятельство - это система моих взаимоотношений со многими людьми, которым я доверяю. Моим товарищам, Сереже Кушнереву, главному редактору ВиДа, прежде всего. Третье обстоятельство - это взаимоотношения со всеми региональными властями. Четвертое - хорошие менеджеры, которые у нас сидят на этой теме. У нас очень хорошие менеджеры, которые работают с тем, с чем в других компаниях обычно работают плохие менеджеры, потому что принято считать, как я уже говорил, что хорошие менеджеры должны зарабатывать деньги, а не тратить... Так что - практика вероятностей. А как и когда совпадает все и получается - это загадка.

- Еще у меня был вопрос, который я не могу не задать, хотя думаю, что Вы со мной не согласитесь. Это касается расхожего мнения: религия - дело личное. Я всегда в этой связи вспоминаю слова Питирима Сорокина: по воскресеньям пуританин верит в Бога, а в остальные дни - в фондовою биржу. То есть вот Тебе, Господи, воскресенье, а в остальные дни не трогай меня, пожалуйста. Например, губернатор Нью Йорка Марио Гайомо, как-то заявил, что как христианин он выступает против абортов, но как губернатор обязан обеспечить право женщины на свободу выбора. Здесь, конечно, его религия - его личное дело, настолько личное, что никак не определяет его поступки! При этом его совесть спокойна. Тогда как бельгийский король Бодуэн I, когда в 1990 году парламент активно обсуждал закон об отмене запрета на abortion, отрекся от престола, дабы не совершать поступков, противоречащих его христинской совести...

Религия - дело личное в том случае, если это касается исповеди, напряженности внутренней жизни, внутреннего духовного опыта. Но если человек воспринимает религию всерьез, а не просто как "культурное наследие предков", то его вера не может не отражаться в его общественной, публич-

ной, если угодно, жизни. Он не обязан об этом кричать на каждом углу, но если в общественной жизни он поступает не так, как должен поступать мусульманин, христианин или буддист, то он просто плохой мусульманин, христианин или буддист. Конечно, это некоторое упрощение, человек всегда идет на компромиссы, но есть грань, переступив которую, наверное, сложно со спокойной совестью называть себя верующим. Что Вы думаете по этому поводу?

- Я думаю, что трудно посметь считать то, что ты делаешь, делом Божиим. И самому себе или, тем более, про себя так говорить. Смысль же веры как чего-то очень личностного в том, как мне кажется, что никто не может посягать на это. Это одна часть проблемы. Другая часть проблемы - что в обществе действуют этические законы (правда, в нашем обществе они сейчас не действуют). При этом наше общество, по характеру человеческих взаимоотношений, более справедливое, чем какое-либо любое другое, потому что у нас никогда не правили и никогда не будут править законы, а будет доминировать справедливость. Поэтому у нас одни законы действуют, а другие - не действуют. И я считаю, кстати сказать, что это хорошо. Другое дело, что просто нет еще людей, способных такую сложную материю превратить в некий экономический результат, ведь это сложнее, чем быть пуританином. Русский политик не может сказать так, как может сказать протестантский политик. Такое противоречие для нас немыслимо, по крайней мере, его невозможно опубликовать. Для мэра Нью Йорка это, вероятно, нормально и понятно, но для России - нет. Хотя совершенно очевидно, что роль политика - урегулировать такие многовекторные и сложные общественные явления в стране, где живет 150 млн. человек и 120 разных народов, где бедность, нищета, болезни, затруднены коммуникации - чрезвычайно сложна. Является ли христианским, например, решение генерала Н-ской части, отправить солдат туда, где они могут погибнуть? Но ведь он делает свою работу, это его профессия...

... О ПОЧЕСТЯХ, О СЛАВЕ

- Александр Михайлович, вы посмотрели несколько номеров "Фомы", какое у Вас сложилось впечатление?

- Мне журнал очень понравился...

- Я вообще не очень люблю задавать "последний традиционный вопрос": "Ну, а теперь, пожалуйте что-нибудь нашим читателям!". Но поскольку для большинства наших читателей Ваше появление в журнале будет несколько неожиданным, все же спрошу. Какие, по-Вашему, перспективы развития у нашего издания? Мне как-то один знакомый сказал: еду в метро, сидит приличная с виду женщина, читает "Фому". Не бабушка церковная, не фанатик с горящими глазами...

- Я думаю, что обольщаться не надо. Предполагать, что такой мировоззренческий журнал может быть очень популярен - невозможно. Вы сами задали мне вопрос, действительно сложный вопрос для любого человека, работающего на ТВ: как в условиях циничной, жуткой машины телевидения делать что-то человеческое? И я бы попал бы дальше в Вашем вопросе: А вообще, не делаешь ли ты порою хуже, используя возможности телевидения?

Вот недавно наши ребята съездили в Косово, сняли разрушенные храмы, войну, все с огромным риском для жизни. Шансы остаться в живых у них были очень невелики: один процент из ста. Представляете, в БТРе четыре священника служат молебен под броней, еще два офицера и наши парни сидят в жару в течение шести часов, окруженные 5000 албанцев... Потом отчаянный побег с помощью немецких бэтэров. Невероятный риск для жизни.

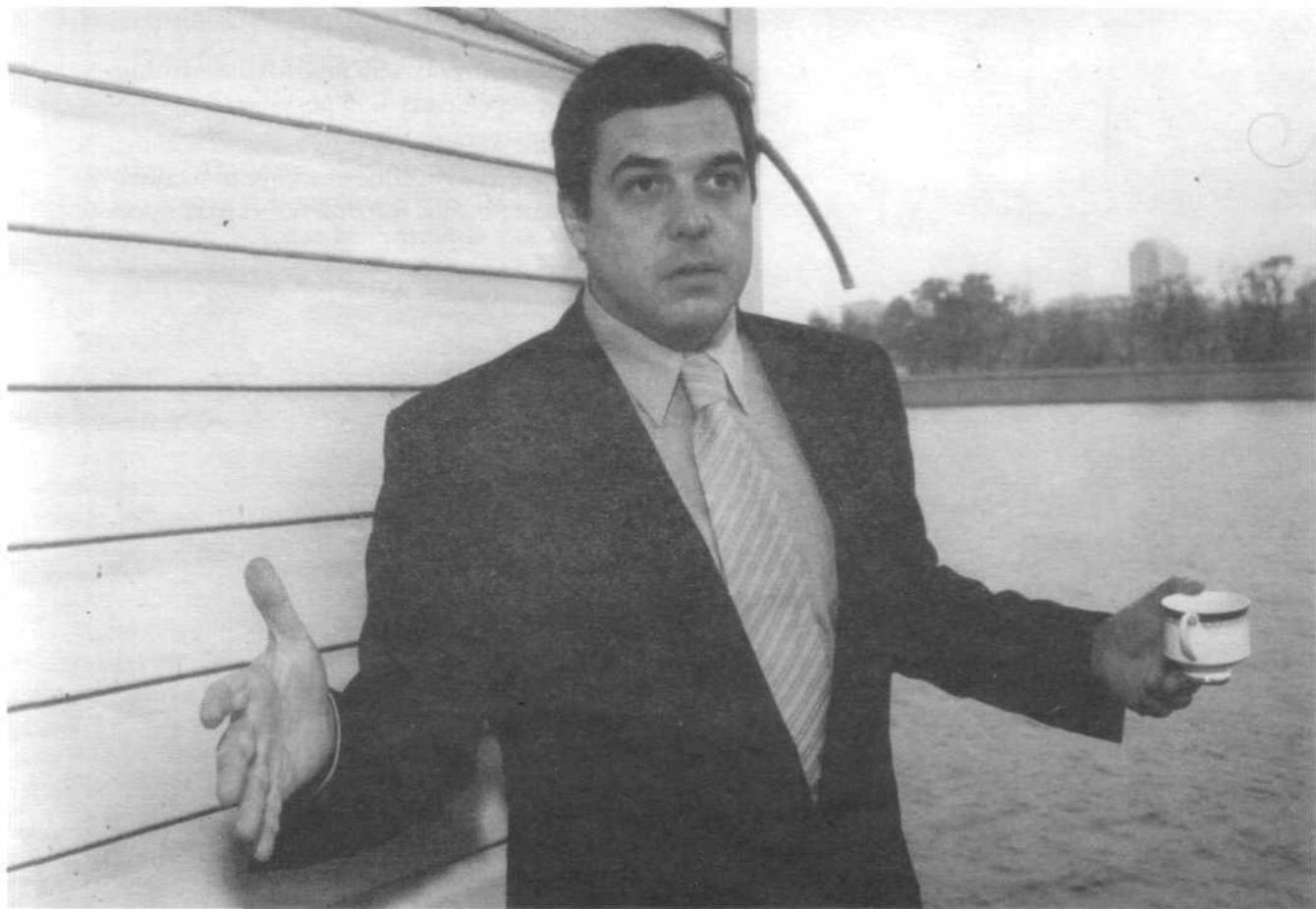
Они привезли отснятую кассету. Святейший Патриарх Алексий откликнулся, мы сделали передачу. И тут звонит нам брат Милопевича, посол в Москве, и говорит, что югославское телевидение хочет показать по телевидению Патриарха. Мысли какие? С одной стороны конечно, Патриарх обратился, это слово Святейшего, чем больше людей услышит, тем лучше. С другой стороны,

сидят нормальные парни, сербы, которые боятся за свою косовскую землю, где разрушили почти все храмы... И вот они видят по официальному телевидению, которое ненавидят (потому что Милопевича там все ненавидят), в официальных новостях, что выступает русский Патриарх. Какова будет их реакция? Так что бывает сложно сразу решить, как поступить...

Поэтому думать о популярности нет смысла, ну а читатель у "Фомы", надеюсь, всегда будет. Мы вот недавно делали интервью с одним японским поэтом. В Японии сейчас ситуация очень похожа на нашу. Это трудно представить, но, думаю, то, что у них происходит сейчас, у нас будет, после того, как все станут сытыми. Техническая революция пройдет, и начнется разочарование в образе жизни и, кстати, начнется интенсивный духовный поиск. Так вот этот поэт говорит, что в последнее время в Японии стали очень популярны книги с рассуждениями о смысле жизни...

У нас-то аудитория огромная. При этом, повторяю, хотеть быть популярными - это соблазн, это не от Бога, если говорить в вашей терминологии.

Беседовал Владимир ЛЕГОЙДА
Фото Алексея Седова

С отцом Андреем - моим духовником - я познакомился дома, его пригласил мой отец (который сам недавно крестился у отца Андрея). В момент их появления я был у двери, собирался уходить. Когда вошел папа вместе со священником, я растерялся, особенно от того, что не знаю, как принять здороваться с батюшками. В результате мы неловко пожали друг другу руки. Отец Андрей как-то рассеянно-весело посмотрел на меня и прошел за отцом на кухню.

Я застегнула ботинки, надел плащ...

- Володя, а ты не креплен? - вдруг спросил батюшка. Я ответил, что нет.

- А ты что, неверующий?

- Нет, я считаю себя христианином...

- Ты что-нибудь читал о Православии?

Я назвал одну книгу.

- И что? Она не понравилась? Что-то не так?

- Да нет, наоборот, я даже немного молюсь...

- Но почему ты не крешишься?

Я сказал, что считаю себя неготовым, что еще многое нужно перечитать и передумать.

- Э, знаешь, думать ты будешь всю жизнь... Ну ладно, думай, думай, конечно. И если надумаешь, то приходи ко мне. Я готов тебя сразу крестить.

С тем и расстались. Мне в тот момент казалось, что в голове словно ветер гуляет - все перепуталось, всполошилось...

Но краешком я зацепился. Новое было в том, что я теперь знал: в этом городе есть одна церковь, где есть отец Андрей. Он вроде простой какой-то, ничего в нем нет от духовного учителя, худенький, средних лет.. Но этот отец Андрей всегда ждет меня, и я могу прийти к нему и креститься!..

Стоп, сказал я себе. Не надо принимать прошедшее близко к сердцу. Мне все равно нужно еще год или несколько лет, чтобы прочесть литературу, получше понять Православное учение. Я очень твердо решил повременить...

Но почему-то не покидала меня моя новая памятка: в этом городе есть эта церковь с этим самым священником, отцом Андреем, в котором вроде бы нет ничего такого...

Месяца через полтора я крестился.

Я до сих пор очень боюсь смерти, но когда думаю о родных могилах на кладбище, почему-то ощущаю веяние мирного, теплого ветерка, представляю свет солнышка сквозь листву - и душа становится легче...

Прабабушка дожила почти до девяноста лет. Я уже заканчивал первый класс, когда она в последний раз заболела. Ей становилось все хуже, и она понимала, что с ней происходит. Но пока я еще ездил в школу, она каждый раз к моему возвращению готовила удивительно вкусные блины. Я уплетал их со ступенкой, сидя на кухне. И "бабушка Сима" была со мной и наливала мне чай...

Она позволила себе лечь только после того, как начались мои летние каникулы и меня уже не надо было встречать из школы.

Она очень любила меня. Если бы я был взрослым, может быть, она выразила это иначе. А тогда, за месяц до смерти, жарила блины...

Если бы и я умел любить так, как она!

Когда-то мы напечатали статью Владимира Акимова, где он вступался за М.Булгакова и утверждал, что "Мастер и Маргарита" - вовсе не "сатанинская мес-

са". Тогда некоторые очень уважаемые нами люди отнеслись к публикации с недоумением. Но мне все же кажется, что мы поступили правильно.

В статье Акимова и впрямь можно найти немало погрешностей против Православия. И ошибкой является то, что мы печатали ее без комментария. Но я полностью согласен с тем, что Акимов написал, предваряя свой материал: осуждая роман, мы заранее обрекаем на "черное" восприятие "М и М" тысячи читателей, которым он дорог.

Акимовская попытка доказать, что поклонники "Мастера" читают роман неправильно, сама по себе замечательна. И ему удается немало: он изобличает Воланда на собственно булгаковском материале, он показывает, как сомнительно-счастлив посмертный "покой", дарованный Мастеру и Маргарите.

Он нашел тот рычаг, потянув за который, возможно, не оттолкнув почитателей Булгакова, заставить их думать уже по-другому. И это для тех, кто после прочтения "Мастера" упивался "величием" Воланда и "свободой" Маргариты, чрезвычайно важно.

Наша же ошибка в том, что так или иначе - но мы должны были найти способ объяснить, почему путь апокрифического изображения Спасителя остается в любом случае ложным и неприемлемым для любого литературного труда. Вот этого мы не сделали, в этом и виноваты.

За последние полгода в России одной из самых обсуждаемых проблем стала перспектива тотального информационного контроля над гражданами через введение ИИН, использование штрих-кодов и проч. Для православных ситуация усугубляется наличием в системе контроля апокалиптического "числа зверя" - 666. Даже взвешенное Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви по этой проблеме не смогло разрядить ситуацию. Дискуссии продолжаются, сомнения остаются, и на наш электронный адрес постоянно приходят отклики, вопросы. Связанные с обсуждаемой темой...
Как нам кажется, лучшим завершением этих затянувшихся споров могло бы стать письмо, которое мы публикуем ниже. Это ответ псково-печерского старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина) одному частному лицу. Письмо было опубликовано по благословению отца Иоанна на сайте "Православие 2000". (www.pravoslavie.ru). Получив разрешения редакции сайта "Православие 2000", мы также хотим познакомить с содержанием письма всех своих читателей.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) об ИИН

011321 400833 7

71

3

83

Дорогой о Господе, Н!

Христос Воскресе!

В отношении новых документов, проходящих через компьютер, все уже сказал Святейший и наш Синод.

Сейчас эти документы в том виде и с такой подачей опасности для нас не представляют. Но, безусловно, что это один из этапов в подготовке к будущему страху. Н, запомни и уясни для себя волю Божию: "Сыне, даждь Ми твое сердце" - не паспорт, не пенсионное удостоверение, не налоговую карточку, но сердце.

Вот зачем следить-то надо неусыпно и со всем тщанием - кому мы в жизни служим, чем живем.

Любовь, радость, мир, милосердие - при любых государственных системах Богом посрамлены не будут. А если человек забыл Бога и живет наживой неправедной, молитву и Церковь из жизни, даже и у священнослужителей вытеснил телевизор и всякие безобразные видеофильмы, то поверь мне, Н, печать уже стоит у многих даже и при документах старого образца. Ведь через то безобразие, чем напичкивает себя современный человек, причем сам, добровольно, с любовью и желанием, уже ничего Божественное пройти и войти в человека не может.

Наше сопротивление грядущему страху одно единственное - наша вера в Бога, наша жизнь по вере. А все те смущения, смятения и неразбериха для того так властно и входят в жизнь и потому входят, что нет живой веры, нет доверия Богу. И все это вражье вытесняет спокойствие духа и благонадежие. Живи же спокойно, молись Богу и доверяй Ему. Господь ли не знает, как сохранить своих чад от годины лютої, лишь бы сердца наши были верны Ему.

Писать прошение о присвоении нам номеров мы не будем, а если их проведут без нашего на то произволения, сопротивляться не будем. Ведь получали мы в свое время паспорта и были все в системе учета государственного, так и ныне. Ничего не изменилось. Кесарево кесарю, а Божие Богу.

Вот, смотри - компьютер, который сделали пугалом нашего времени. Ведь это просто железяка, и без человека он ничто. А один человек на этой железяке наполнил мир богослужебными книгами, а другой безобразными. Кто и как будет отвечать перед Богом? И судится Богом человеческое произволение. Вот ведь в чем дело-то.

Ты спрашиваешь о военных слухах, - о них мне ничего неизвестно, кроме той войны, которую каждый человек ведет ежедневно. Молиться надо - это и есть школа молитвы. Я тебе теоретически этого не объясню. Молитве лучше всего учит суровая жизнь. Вот в заключении у меня была истинная молитва, и это потому, что каждый день был на краю гибели. Повторить теперь, во дни благоденствия, такую молитву невозможно. Хотя опыт молитвы и живой веры, приобретенный там, сохраняется на всю жизнь.

Дело, Н, не в количестве молитвы, дело в живом обращении к Живому Богу. Вера в то, что Господь к тебе ближе, чем кто-либо из самых близких, что Он слышит не шелест уст твоих, но слышит молитвенное биение твоего сердца и чем оно наполнено в момент твоего обращения к Богу. А ты человек семейный и за каждого члена семьи ответственен перед Богом, а значит, за всех должно болеть твое сердце.

Умудри тебя Бог. И начни-ка, Н, с исполнения наказа прп. Серафима Саровского:

"Н, радость моя, стяжи дух мирен, и не только твоя семья, но тысячи спасутся около тебя".

Вот и все.

Хочешь быть довольным и счастливым - живи в Боге, а на нет и счастья нет.

Воистину Воскресе Христос.

9 мая 2000 год
архимандрит Иоанн

Подробности дискуссии о проблеме введения ИНН Вы можете найти на сайте "Православие 2000".

ЧЕМ МНЕ (НЕ) НРАВИТСЯ ЖУРНАЛ "ФОМА"?

На вопросы редакции отвечают читатели журнала

Прошло пять лет с тех пор, как появился наш "Фома" - православный журнал для сомневающихся. Мы долго думали, что бы такое "юбилейное" поместить в десятый номер журнала. Сначала ничего не приходило в голову, но потом решили провести "юбилейный опрос". Причем провести так, чтобы он не стал всего лишь поздравительным реверансом в открыточном духе "ах-какие-вы-все-молодцы!"

На самом деле мы считаем, что праздновать пока особенно нечего. Журнал по-прежнему находится в процессе становления, и нам действительно очень важно услышать критику в свой адрес. Поэтому мы очень обрадовались, когда стали получать искренние ответы. Конечно, не со всеми замечаниями мы можем согласиться: у редакции есть своя принципиальная позиция по ряду вопросов, и мы не намерены от нее отступать. Тем не менее "резать" ответы мы не стали, оставив за собой право ответить на некоторые претензии. Но - все по порядку.

Опрос состоял всего из трех пунктов:

1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?
2. Каковы наши основные промахи и удачи?
3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?

**Протоиерей Максим Козлов,
настоятель храма Святой великомученицы
Татианы (при Московском
государственном университете):**

1. Справляется ли журнал? Смотря с какой стороны к этому подходить. За эти пять лет, кажется, массового обращения российской молодежи и даже московского студенчества не произошло. В этом смысле не только журнал "Фома", но и все, кто занимается внутренней миссией, должны бы себе сказать: "До конца не справляемся". Что-то делаем, но сколько еще людей (в том числе и ваших читателей) так и не стали православными христианами! Так что успокаиваться нельзя. Это с одной стороны.

Но есть и иная сторона - Евангельская. Ведь Господь радуется и об одной спасенной овце! Такие спасенные

есть. Даже если бы за эти пять лет был всего только один человек, который, прочитав журнал, отстал от своего светского, мирского, атеистического мировоззрения, стал ближе к Церкви, сделался православным христианином, то уже ради этого стоило все начинать, ради этого одного человека. А он-то, конечно, не один, я надеюсь. Так что Бог вам в помощь, трудитесь!

2. Здесь я могу сказать только, что лично мне нравится или не нравится.

Мне, например, кажется неким заигрыванием подпись под названием журнала. Вот как не нравилось мне, когда "Русский дом" назывался "журнал для тех, кто ЕЩЁ любит Россию". Сейчас лучше - "для тех, кто любит Россию". Так же и у вас. По-моему, не нужно писать "православный журнал для сомневающихся". Это какое-то заигрывание со светским читателем: "Вот, ты - человек свободомыслящий, сомневающийся, не то, что эти уже воцерковлённые фанатики. Для них другие журналы, а мы - только тебе адресованы". Это - "остаточки" от светской прессы.

Я думаю, надо всякого читателя уважать, не только сомневающегося, но и того, кто к вере пришел и старается стать глубже в своем православном мировоззрении. Этот подзаголовок - характерный, такое же панибратство, эдакое заигрывание проскальзывает иногда и в материалах, мол, ребята, мы - такие же как вы! Да не такие же, в чем-то уже другие!

К несомненным достижениям журнала относится то, что он в основном состоит из авторских материалов. Очень важно, что это не перепечатки, что вы можете представить себе своего читателя, знаете, каким образом к нему обратиться. К тому же, журнал развивается - он стал богаче по темам и интереснее. Авторы хорошие. Авторов не скучно читать. Очень важно, чтобы православное издание было интересно читать, хотя при этом нельзя скатиться к чистой развлекательности.

3. Не должно быть, во-первых, конъюнктурных материалов, напечатанных из неких посторонних соображений, ради какой-то пользы: например, этого напечатаем - нам деньги дадут, а этот нас познакомит с тем-то. Этих законов, законов светской прессы, светского мира надо избегать.

И во-вторых - не должно быть среди тех, кто пишет не письма, а более крупные материалы, людей, равнодушных к Православию. Людей, пусть блестящих по давлению, но для которых Православие вещь периферий-

ная, неважная (как бы ни хотелось найти для молодежи какого-то привлекательного персонажа), не следует печатать. На это тоже надо суметь не купиться.

**Ричард (Фома) БЭТТС,
глава Отделения Валаамского общества
Америки в России:**

1. С самого начала "Фомы" замысливалася как православный журнал для тех, кто сомневается в общих вопросах веры, но искренен в своем стремлении отыскать ответы на вопросы о смысле жизни, смерти, любви, боли и вере в Бога. По моему мнению, "Фоме" удается общаться с читателем на эти темы, создав атмосферу искренности и открытости, что вполне соответствует намеченнной цели.

2. Полагаю, что наибольший успех журнала очевидным образом проявляется в том, что редакция и авторы журнала постоянно пытаются отыскать все новые возможности для общения с читателем, вовлекают читателей в диалог. Этот диалог ведется сразу на нескольких уровнях. Темы статей настолько разнообразны, что, кажется, что-то обязательно должно заинтересовать даже самых разных читателей. Редакция также весьма преуспела в своей попытке завязать живой диалог через интернет-сайт "Фомы". Мне кажется очень важной и похвальной попытка обращения к иноязычной аудитории с помощью перевода и размещения на сайте отдельных статей из "Фомы" на английском языке и - насколько мне известны планы редакции - в перспективе на французском.

Мне также очень импонирует то, что журнал не является трибуной для одной точки зрения или одного оратора. Думаю, что именно этот факт помогает редакции оставаться объективной в глазах читателей.

Все, что мне хотелось бы пожелать, это чтобы написал наконец постоянные спонсоры, способные обеспечить стабильное финансовое существование, чтобы редакторы беспокоились о содержании очередного номера, а не о том, где взять деньги на его издание.

3. Одна из самых положительных характеристик журнала - актуальность материалов, их близость к жизни. Это дает возможность говорить о Православии как о живой, настоящей вере, а не как о музейном экспонате. Поэтому единственное, чего не должно быть в "Фоме", как мне кажется, - это слишком большого числа "безопасных" статей, т. е. таких материалов, против которых нечего возразить. Ведь такие статьи, как правило, скучны и безжизненны. Реальная же жизнь полна риска. Поверить - это тоже огромный риск. Но зато такой, который очень многое дает тому, кто способен искренне верить.

**Алексей Николаевич ВАРЛАМОВ,
писатель, кандидат филологических наук:**

1. Вообще, идея "Фомы" мне очень симпатична. Настолько симпатична, что кажется, выполнить ее так, чтобы быть полностью довольным, очень трудно. Всегда будет противоречие между тем, чего хочется и что есть на самом деле, всегда остается какое-то поле для работы.

Из педагогических соображений можно сказать, что ваш журнал справляется со своей миссией не вполне - просто чтобы вы не расслаблялись, не успокаивались, а работали. Потом (это никак не является претензией), но когда за 5 лет выходит 10 номеров, издание нельзя называть журналом. Журнал - это то, что выходит с определенной периодичностью. Скорее, получается альманах. Ничего плохого здесь нет, но все-таки журнал - это журнал, а альманах - это альманах.

Я понимаю, что редакция вряд ли может нести ответственность за экономические проблемы, за бесперебойный выход, но, если возможно, надо стремиться. Читатель должен привыкать к журналу, скучать без журнала, он должен с радостью ждать следующего номера и знать, что через месяц или два выйдет номер, он никуда не денется. А когда номер выходит раз в полгода, то это не очень хорошо.

Еще журнал - это, конечно, обратная связь. У вас заявлен тираж 5000, тираж неплохой, и если у вас все это расходится, то это удачно. Эти атрибуты журнала: тираж, периодичность, ничуть не менее важны, чем, например, содержание, потому что, быть может, они говорят о содержании больше, чем какой-то наш пристрастный взгляд на те материалы, которые там содержатся.

2. Промахи быстрее забываются. А что касается удач - то, что печатаете диакона Андрея Кураева. Для меня встреча с этим человеком в журнале всегда очень любопытна, у него наталкиваешься всегда на какую-то свежую мысль. Если бы журнал публиковал бы еще и критику на Кураева, которая сейчас есть, наверное тоже было бы хорошо.

Наверное, это вопрос непростой. Для литературной жизни такая полемика - я говорю одно, кто-то говорит другое, мы спорим, выясняем отношения, иногда даже часто переходим на личности - это более менее нормально. Несколько будет нормальным полемический разговор священнослужителей, насколько в глазах читателей это приемлемо для них, не роняет ли их авторитет - с этим даже лучше к самим священнослужителям обратиться. Согласятся ли они встретиться на одной площа-

1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?

2. Каковы наши основные промахи и удачи?

3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?

- 1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?**
- 2. Каковы наши основные промахи и удачи?**
- 3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?**

ди, возможен ли диалог, просто нормальный диалог, полемика Кураева и какого-то его оппонента на страницах журнала, причем не заочно? Не знаю, хорошо ли это или нет с церковной точки зрения, но журналистски это было бы крайне любопытно.

Коль скоро заявлен такой неофициальный церковный журнал, у него больше свободы, не глубокой, конечно, которая в других вещах заключена, а чисто внешне условной свободы, поэтому, чем больше будет полемики, дискуссий, тем лучше. Тем более, раз вы - православный журнал для сомневающихся. Ходят же по Москве разные миссионеры, их тоже можно пригласить в редакцию, устроить с ними диалог, причем устроить это дело так, чтобы показать свое превосходство. Позвать какого-то человека, сделать это тонко, не грубо. Бить их их же оружием, на их активность отвечать своей активностью. Если есть такой потенциал, если есть люди, которые способны вести такой диалог с теми, кого они считают противниками нашей Церкви, то в этом есть смысл. Те люди, которые хотят увести народ от Православия, именно сомневающиеся к себе заманить, может быть, их тоже надо звать, не бояться этого, объявлять им какую-то войну или принимать их вызовы. Это сделает журнал более острым.

Мне кажется, чем острее будет этот журнал, чем больше в нем будет таких спорных публикаций, тем лучше. Конечно, есть риск и самим если не в ересь свалиться, то какие-то ошибки допустить. Я не знаю, как у вас это дело обстоит, сейчас во всех литературных журналах есть такие общественные писательские литературные советы. Здесь тоже можно было бы создать такой совет, не писательский, а именно из священников, которые могут эти материалы смотреть, если такие материалы появятся, чтобы не было там "ляпов", как-то более ответственно все это делать. Это то, к чему журнал должен стремиться.

3. Не должно быть учительства, не должно быть назывчивости, не должно быть осуждения, не должно быть отталкивания. К сожалению, у нас очень сильна тенденция оттолкнуть того, кто не на 100 % "свой". Если человек хоть в чем-то сомневается или что-то не так думает, или кто-то ему не нравится или, наоборот, нравится (например, философ о. Сергию Булгаков, а о. Сергию Булгаков с точки зрения многих православных людей еретик), значит ты не наш, уходи прочь. Этого в журнале быть не должно. Коль скоро есть в истории Церкви XX века такие неоднозначные фигуры, давайте писать о них, как о неоднозначных фигурах.

Можно сейчас еще раз осмыслить наследие русских философов начала века, устроить какой-то круглый стол, обсудить. Мне кажется, что использовать такие традиционные формы: в еженедельнике, например, собираются люди за круглым столом что-то обсуждать. На мой взгляд это интересно.

Но это интересно, когда журнал периодический, а когда он выходит раз или два раза в год, то все это теряется. Если наладится периодичность, то к этим материалам есть смысл обращаться. Многие писатели, я уверен, согласятся стать авторами, потому что журнал дает уникальную возможность выйти на православного читателя. Тот факт, что он распространяется в храмах, где не распространяется ни один литературный журнал, ни одна современная литературная книга, это огромная аудитория, любой писатель в этом заинтересован, поэтому можно дружить с какими-то литературными журналами, можно материалы какие-то им давать, какое-то сотрудничество возможно. Чем больше будет открытости, контакта, активности, тем лучше.

**Сергей Владимирович ВЕРЕЙКИН,
редактор издательского дома BURDA:**

1. Могу судить лишь по себе: за то время, что я читаю ваш журнал, сомнений у меня убавилось, в том числе и с помощью "Фомы". На многие вопросы я получил ответы, а в каких-то случаях увидел путь к ответам. С другой стороны, сомнения мои не исчезли совсем. Но это, скорее, недостаток не журнала.

2. Главная проблема (извините уж, что начинаю с этого) - отсутствие четкой периодичности. Понимаю, что не от вас это зависит, и все же не могу не досадовать. Дело не в том, что хочется, как восторженному подростку, "всего побольше и почапче". Но некая система в выходе журнала наверняка послужила бы лучшему контакту с читателями, что, в свою очередь, повлияло бы и на само издание.

А удача - главная удача - это что нашлись такие люди. Что вас свела вместе судьба, что у вас хватило сил и таланта, чтобы затеять и развивать этот журнал, что у вас есть замечательные авторы, что вам удается сохранять тепло, которое, уверен, так же, как и я, чувствуют все ваши читатели. Это не реверанс, а чистая правда. От людей поступают положительные отзывы на журнал.

3. На этот вопрос трудно ответить. Столь категоричные негативные формулировки как-то не вяжутся у меня с "Фомой". У вас ведь самые разные материалы появляются - и по тематике, и по стилю. Пожалуй, одной вещи не должно быть точно - равнодушния. Впрочем, уже тогда и не "Фома" будет.

**Александр Леонидович ДВОРКИН,
заведующий
Информационно-консультационным
центром священномученика Иринея,
епископа Лионского:**

1. Прежде всего необходимо сказать, что, безусловно, журнал "Фома" удался: он стал по существу единственным православным молодежным журналом. Многие пытались такой журнал создать, но лишь у вас это получилось. И в этом качестве "Фома" стал любимым чтением для православной молодежи (и не только молодежи).

2-3. Самой удачной рубрикой журнала являются ответы на вопросы. И вопросы подобраны очень важные, жизненные и животрепещущие, и ответы на них даются очень хорошо, глубоко и тактично.

Самое слабое - наверное, все-таки "культурологическая" часть. Понятно, что редакция стремится показать колеблющейся молодежи, что православные - тоже люди, тоже ходят в кино, ничто человеческое им не чуждо и проч. Получается что-то вроде психотерапии: не бойтесь, в Церкви быть не так страшно, мы тоже любим кино и ходим на рок-концерты... Но тогда непонятно, а зачем собственно делаться православным? Что это изменит в моей жизни? А вот на этот вопрос ответ получается иной раз довольно размытым. Может быть, лучше было бы занять более четкую позицию, в том числе и не бояться открытой конфронтации с идеалами мира сего? Но это принесло бы в журнал некоторую полемичность, которой редакция, по-моему, сознательно сторонится. Но вместе с тем я понимаю, как сложно найти и удержать "золотую середину".

Скажем, очень хороши, полезны и поучительны рассказы об обращении в Православие. Но такого рода рассказы приводятся в каждом конфессиональном (или даже сектантском) журнале - особенно их любят евангелики и харизматики. Но мы-то знаем, что самое главное - т.е. христианская жизнь - начинается после Крещения.

Выходит, как в сказке, которая всегда заканчивается свадьбой. Но любой женатый человек скажет, что свадьбой все начинается, а не заканчивается. Я вспоминаю бродвейский мюзикл, в котором были продолжены известные сказки. И выяснилось, что Золушка принц оказался бабником и пьяницей, и ей пришлось с ним развестись, Рапунцель была невероятной кокеткой и пустышкой, так что ее принц в конце концов влюбился в Красную Шапочку и пр. Может, и обращения, о которых рассказывается в журнале, заканчиваются столь же плачевно? И поэтому, мне кажется, было бы очень полезным также приводить рассказы о жизни христианина, о его взлетах и падениях, о страшном состоянии богооставленности, через которое каждый

неизбежно переживает, о покаянии и верности Христу и Его Церкви, верности иной раз вопреки всему - только ради первой любви и ради данного слова.

Наверное, главное в том, что адресат журнала до сих пор до конца не выяснен. Точнее, к тем, для кого он был задуман - к "Фомам" - к людям, у которых много вопросов к Церкви, но которые находятся на пути к ней и жаждут верных ответов - журнал почти не попадает. Да он по большей части и не адресован им. Наверное, это общая проблема нашей публицистики, что мы очень плохо умеем обращаться к людям "внешним" и все время сбываемся на разговор с единомышленниками. К сожалению, даже многие наши прославленные и глубокие пастыри не всегда находят те верные слова, которые нужно обратить к человеку нецерковному.

Впрочем, это лишь периферийные замечания коллеги. Главное в том, что журнал состоялся, и в том, что он является одним из самых любимых наших журналов, и православная молодежь находит в нем очень много нового и полезного для себя.

**Марина Андреевна ЖУРИНСКАЯ,
редактор журнала "Альфа и Омега":**

1. В общем, да, как говорила Ахматова. Представить себе православную публицистику без "Фомы" уже вряд ли возможно. И, наверное, тот разумный уровень дидактичности, которого придерживается "Фома", близок к оптимальному.

2. Первая и главная удача - это общий тон журнала, доверительный и сдержаненный. Определение адресата - сомневающиеся - тоже можно считать удачным. Встречающиеся чисто технические "ляпы" - ведь почти неизбежная в нашем журналистском деле, к тому же их немного и со временем становятся все меньше. То, что часть читателей упорно считает "Фому" молодежным журналом, вряд ли можно отнести к числу промахов редакции, так как количество "молодежных" материалов ликвидируется естественным положением дел. К тому же все они написаны так, что их может с пользой для себя прочесть и поколение "родителей". А степень актуальности и уместности того или иного материала - это ведь всегда предмет для дискуссии, и ничего страшного нет в том, что такие дискуссии возникают. Наша православная публицистика молода, как и "Фома", и "Фома" взрослеет вместе с другими.

3. Категорически недопустима не только прямая внутриконфессиональная полемика, но даже любая по-

1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?

2. Каковы наши основные промахи и удачи?

3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?

- 1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?**
- 2. Каковы наши основные промахи и удачи?**
- 3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?**

пытка косвенного ее преподнесения. Недопустимы обобщения типа “все, кто думает иначе, обречены погибели”. Единственный тон, в котором можно обращаться к сомневающимся, - это тон уважения к уважения к проблемам их интеллектуальной и душевной жизни. Надо понимать, что в сомнение они впали не по собственной вине, а по обстоятельствам нашего нелегкого бытия.

**Андрей Константинович ИСАЕВ,
депутат Государственной Думы,
секретарь Федерации
независимых профсоюзов России:**

1. Мне кажется, что журнал “Фома” справляется со своей миссией, но с определенным трудом, с определенным напряжением. Напряжение состоит в том, что “Фома” балансирует на очень тонкой грани. С одной стороны, как журнал миссионерский, он должен быть интересен достаточно широкому кругу читателей, а в силу этого он по своему содержанию должен быть адаптированнее, проще. Журнал постоянно балансирует между таким миссионерским изданием, направленным вовне, и журналом, который делается для своей среды, для своего круга лиц, который можно определить так: интеллигентные новообращенные православные христиане. Он балансирует между журналом для сомневающихся и журналом для новообращенных интеллигентных православных христиан. И разные номера в этом плане получаются разными. Есть номера, которые захватывают, их я читаю с очень большим интересом. А есть номера, которые оказываются несколько скучноваты... Иногда возникает ощущение, что редакция переписывается сама с собой. То есть пока журнал, на мой взгляд, со своей миссией справляется, но существует опасность замыкания в себе.

2. Мне кажется, что большим успехом является существующий диалог между сомневающимися и верующими людьми, когда задаются прямые и даже резкие вопросы: зачем нужна исповедь? Неужели обязательно рассказывать о своих грехах постороннему человеку? И т.п. И на них даются квалифицированные доброжелательные ответы.

Хотя и здесь тоже бывают неудачи. Не всякий священнослужитель, при всем моем уважении к сану, является миссионером. Я понимаю, что ответ, который дан верующему человеку и ответ, который дается сомневающемуся человеку, должны быть все-таки разными. Скажем, некоторые священнослужители отвечают всегда,

как в общине, то есть в таком намеренно старорежимном стиле, с оборотами старого образца, с разъяснениями, какие барским крестьянам давали доброжелательные попы. Эти вещи для той среды, которая читает “Фому”, могут звучать отталкивающие. Поэтому здесь нужно выбирать в качестве отвечающих тех священников, которые в наибольшей степени обладают даром миссионерства, которые умеют терпеливо объяснять. Ведь кто такой сомневающийся? Это человек, который в один момент верит, в другой не верит, и не очень понятно, в какой из этих моментов “Фома” попадет к нему в руки. Поэтому мне кажется, что каждый ответ должен быть и как для неверующего человека. То есть он должен содержать нечто такое, что задевало бы даже неверующего человека. Иногда это в журнале пропадает. С того момента, когда это пропадает, мне кажется, пропадает и диалог с читателями.

Думаю, что безусловной победой “Фомы” стало начало диалога о свободной любви. Это очень интересный диалог. А вот среди рассказов, паряду с очень интересными и содержательными, встречаются и другие: в стиле баптистских агиток, со слишком большой долей нравоучительности, видно, что человек сел писать не потому, что выражает свою мысль, свои чувства, ощущения, а потому, что у него есть некая мораль, которую он непременно должен посредством художественного пересказа изложить. Такие рассказы не очень удачные. Среди хороших хотел бы вспомнить рассказ про человека, который задумал креститься (рассказ А.Варламова “Тутаев”, “Фома”, №2 - Ред.). У него это не получилось, он пришел, разговорился с матерью и выяснилось, что его крестили в детстве, просто он об этом не знал. Это очень удачный рассказ, который передает настроение, интересно читается. А есть рассказы, написанные в стиле Демьяна Бедного.

3. “Фома” должен быть открытым, доброжелательным, в том числе и по отношению к разным людям, и иногда диким вопросам. (Например, в Интернете “Фома” отвечал на вопрос, сформулированный таким образом: преступна ли мастурбация? И я помню, что ответ был спокойный, не злой). Это как учитель в школе: когда он пришел в класс, он должен быть морально готов к любому вопросу и должен ответить на любой вопрос, а не обижаться: “Как это вы смели мне такой вопрос задать?” Учитель должен разъяснить, потому что у него есть некая цель. Тоже самое в “Фоме”. Журналу нужно избегать сnobизма, который прорывается у всех у нас, у православных: мол, мы правильной веры, а остальные неправильной. Это самое неприятное, что могло бы возникнуть здесь, такое чванство, снобизм. Главное - это терпеливость и доброжелательность.

**Виктор Борисович КИРИЛЛОВ,
проректор по учебной работе
Московского государственного института
международных отношений МИД России:**

1. Миссия журнала является настолько сложной, что вполне соответствовать ей было бы нелегко. Однако мне кажется, что в последнее время журнал становится все более профессиональным.

2. Основной удачей журнала является наличие "живых" авторских материалов, которые в большей степени способны затронуть читателя, нежели перепечатка пусты и классических, но ранее издававшихся текстов. Наличие значительного числа "перепечаток" отношу к промахам.

3. Занудства, нравоучительности и назидательности.

**Владимир Николаевич КРУПИН,
писатель, редактор журнала
"Благодатный огонь":**

1. Насколько я знаю, журнал читают верующие, и уж они, вооруженные арсеналом "Фомы", идут к неверующим.

2. Совершенно необходимы материалы, подобные миссионерскому дневнику Светланы Гаджинской ("Крещение в Синегорье", "Фома", №9). Его текст подкреплен личным участием автора в воцерковлении "малых сих".

3. Не должно быть потакания низкому вкусу, потогни за сенсациями, какими бы "православными" они ни казались. И не должно быть замыкания в кругу "своих" авторов.

**Руслан Николаевич ПУХОВ,
директор Центра анализа стратегий
и технологий:**

1. Журнал в целом справляется со своей миссией. Однако хотелось бы видеть как бы еще один журнал или отдельную большую рубрику. На мой взгляд, журнал адресован двум аудиториям: тем, кто не имеет ни малейшего представления о Православии, таком понятии как Христианство, вера, да и религия вообще, и тем "начинающим" православным, у которых несколько другие проблемы (синдром неофита, первый кризис веры, первое послекрещенское сомнение и т.д.). И тем, и другим нужны разные тексты и размышления. Первым "далеко" до проблем вторых, а вторые - в лучшем случае могут сказать: "Как жаль, что я не знал о журнале ранее". Это вовсе не беда, однако следует подумать о разделении этих двух аудиторий (возможно, даже запустить новый журнал).

2. Само появление и существование журнала - уже большая удача. По объективным причинам журнал был запущен слишком поздно. И здесь я могу лишь повторить вышесказанное: "Как жаль, что я не имел счастливой возможности читать его в 1992-94 годах, когда я мучался в поисках Истины и проходил первые кризисы веры". То же самое мне говорили некоторые мои друзья.

3. Мне трудно ответить на этот вопрос, так как журналу нужны разные материалы. Я знаю, что многие считают, что в журнале не должно быть и тени менторства. Я с этим не совсем согласен. Если человек всерьез решился на какой-то шаг, он может (и должен) иногда и уметь получение выслушать (конечно, мягкое и доброе, но все же). Это "недемократично" звучит, но такова жизнь.

**Илья Викторович СМИРНОВ,
историк и публицист:**

1."Фома" с максимальным достоинством и эффективностью выполняет заведомо невыполнимую задачу: одухотворить искренним религиозным чувством организацию, которая самоопределяется в направлении... Как бы его назвать? Политико-этнографическом, что ли. Помимо на коммунарское движение 70-х гг., когда хорошие ребята пытались перестроить по заветам Карла Маркса воспитательную работу брежневских чиновников.

2. Успех или неуспех дела зависит от поставленной цели. Лично мне интересны в "Фоме" те материалы, в которых речь идет о человеческой жизни. Менее интересны попытки подверстать ее под единственно верную идеологию. От обычной церковной литературы, написанной на "возвышенном", архаичном жаргоне, "Фому" отличает нормальный русский язык.

3. Ни в коем случае не должно быть иконы Н.А. Романова.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы не собирались комментировать высказывания участников опроса, даже тех, с которыми совершенно не согласны, но в случае с последней репликой Ильи Смирнова хотим все же прояснить свою позицию. "Фома" - православный журнал, а император Николай Александрович причислен Русской Православной Церковью к лику святых. И абсурдно даже предполагать, что церковное издание не может поместить иконы русского святого. Кроме того, хотя канонизации Государя предшествовали жесткие споры, редакторы "Фомы" не сомневались и не сомневаются в том, что это решение - справедливое. И под тем, что го-

- 1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?**
- 2. Каковы наши основные промахи и удачи?**
- 3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?**

- 1. Как Вы считаете, справляется ли журнал со своей миссией?**
- 2. Каковы наши основные промахи и удачи?**
- 3. Чего ни в коем случае не должно быть в журнале "Фома"?**

ворит в этом номере по данному поводу митрополит Сурожский Антоний, мы готовы полностью подписаться. Впрочем, готовы мы и к дискуссии, если она будет вестись достойно.

**Александр Владленович ШУБИН,
сотрудник Института Всеобщей Истории,
доктор исторических наук.**

1. Вопрос жестко поставлен. Есть несколько систем оценок. Одна пятибалльная, другая - "уд", "неуд". В такой ситуации всегда хочется поставить "уд", чтобы людей не обижать. Но это было бы слишком просто.

Все же хотелось бы большего. Журнал "Фома" - это журнал для сомневающихся, тем не менее, он разъясняет вопросы, как правило, очень однозначно. Сама эта однозначность часто упускает или какие-то нюансы, или сложность проблемы. Для меня это удивительно, поскольку я знаю людей, которые занимаются этим журналом, и в личных разговорах вижу их как раз с другой стороны. У меня такое впечатление, что журнал боится сказать лишнего, что есть "око всевидящее" над ним, но не только Божеское, а какое-то еще человеческое. Но этот взгляд часто не убеждает людей новообращенных, либо сомневающихся, которым я иногда даю почитать журнал. По-моему, этот журнал эффективен пока лишь для людей юных, и уже решивших найти себя в Православии. Этот уровень хороший. Когда же речь идет о философии, о каких-то проблемах бытия, то мне он кажется таким простым журналом. Что не обязательно плохо, но часто неубедительно. И мне хотелось бы, чтобы журнал был смелее в постановке вопросов.

2. Я плохо помню конкретные публикации и не готов проводить детальный анализ... Помню вот, что именно в "Фоме" впервые прочитал очень интересный текст о Туринской Плащанице. В продолжение моего предыдущего ответа: хороши те тексты, которые основаны на погребном знании предмета, на рациональной логике. В Православии, как и вообще в христианстве, есть две составляющие: одна иррациональная, основанная исключительно на вере, другая рациональная. И если мы уверовали, то дальнейшее наше продвижение, тем не менее, не должно чуждаться рациональности, которая лишь укрепляет нас в понимании того, во что мы верим. Публикация о Плащанице в этом плане была очень сильной. Были публикации по креационизму. Мне они показались хорошим вкладом в решение проблемы. Вообще, хоте-

лось бы, чтобы журнал был более внимателен к проблеме сложившихся мифов - мифов дарвинизма, мифов, существующих в нашей истории. "Фоме" нужно больше дружить в науки. Потому что наука в конечном итоге подтверждает правоту православного учения.

Где неудачи "Фомы"? Это ложная ортодоксальность, которая, к сожалению, вообще очень характерна для православной литературы. Я бы назвал это "розовой водичкой", сладенькой такой. Мне кажется, "Фома" должен быть больше обращен к обществу, более активен в объяснении сути вещей с христианской позиции. И тогда он станет не просто журналом, который должен убедить не очень правильных людей в правильной позиции, а тем местом, где думающие люди, идущие к христианству, действительно интересно общались. Поэтому я с печалью воспринимаю, что в "Фоме", хорошем журнале, очень и очень много таких пресных и банальных суждений, которые и так везде. Любую брошюру открои: православие для детей. И здесь читаешь то же. Но это журнал для других людей, он уже не для детей, он уже для взрослых людей. Может быть, об этом стоит подумать.

3. Конечно, есть вещи, которые я категорически не хотел бы видеть в "Фоме", но их там и так не будет. В "Фоме", вероятно, не будет никакой бесовщины.

Иногда в православных изданиях приходится читать воинственно-националистически-державное, одержимое, политизированное чтиво, которое чуждо христианскому пониманию терпимости. Причем речи не идет о вседозволенности и о духовной терпимости, речь идет о терпимости к другим людям, к другим народам. "Фому", слава Богу, минула эпоха сия, "Фома" не относится к этому спектру псевдоправославной литературы. Я верю, что в "Фоме" этого и дальше не будет.

Даже этой розовой водицы, о которой говорилось выше, не считаю, что ее категорически не должно быть в "Фоме". В православном издании всего должно быть по-немножку, и этого тоже. Я противник каких-то железных барьеров. Я скорее бы приветствовал большую "факторологичность". Если речь идет о нравственных проблемах, то может быть больше психологизма, попыток погрузиться в суть вещей с православной позиции и больше тех проблем, которые называются скользкими, как у Галича: "Ой ты, тема, какая-то склизкая, немарксистская, ой, немарксистская". Пусть больше будет таких "немарксистских" тем в "Фоме", таких вопросов, на которые, казалось бы, в православной среде есть уже ответы. Но среда изменилась, и общество наше изменилось, может быть на какие-то вещи нужно с христианских позиций посмотреть иначе.

Архиепископ ТИХОН:

"Фома" нашел своих читателей

На вопросы нашего корреспондента отвечает Председатель Издательского Совета Московской Патриархии архиепископ Бронницкий ТИХОН

- Владыка, Вы стояли у истоков журнала, каждый номер "Фомы" получает одобрение Издательского Совета. Нам очень важно услышать от Вас ответы на вопросы, которые мы задавали читателям.

- Я был очень рад, когда редакторы журнала обратились ко мне с просьбой поддержать их начинание - издание православного журнала для сомневающихся. Мне кажется, что именно такой периодики и церковной литературы не хватает в нашей стране. И хотя сегодня выходит довольно много различных изданий, много печатается книг, но далеко не все из них говорят на языке современного человека. А это очень важно: как-то пытаться приближать те высокие истины, которые даны нам в Священном Писании.

Конечно, делая эти высокие истины удобопонимаемыми для современного человека, важно не принижать их, не искажать смысла, а наоборот современного человека поднимать до этих высоких истин. Это очень сложная задача.

Думаю, что по тем откликам, которые приходят на журнал, по тем письмам, которые публикуются, можно говорить, что "Фома" нашел своих читателей, находящих с помощью издания путь ко храму. Думаю, что из ныне выходящих журналов для людей окольцерковных он самый важный и нужный. И считаю своим долгом всячески помогать редакции журнала.

Справляется ли "Фома" со своей миссией? Поне, которое для себя выбрал журнал, настолько не возделано, что можно прямо сказать, что журнал спраивается, потому что больше пока некому на этом поле работать. Журнал "Фома", я думаю, полностью соответствует, так сказать, канонам журнала для окольцерковных людей, журнала миссионерского.

- Каковы, на Ваш взгляд, наши основные удачи и промахи?

- Сложно сказать, я не занимался подсчетом всех удачных или неудачных мест. Здесь хотелось бы пожелать, чтобы мы обратили внимание на такую

слабую сторону нашей проповеди, как изучение святоотеческого наследия. Труды святых отцов - это опыт Церкви, потому что святые отцы писание растолковывают и их подход именно миссионерский: для разных людей, разных поколений, в разных условиях... К сожалению, даже в духовных школах мало внимания уделяется патрологии, и в современных церковных журналах и газетах церковных. Конечно, тема очень сложная. Древние отцы не всегда хорошо переведены. Сложность даже в том, что мы зачастую далеки от духовному опыта святых отцов, поэтому не всегда способны осмыслить святоотеческое наследие. Здесь, конечно, важен свой собственный духовный возраст и духовный опыт.

Я думаю, что можно обратиться к профессорам духовных школ: я думаю, что профессора и студенты там очень много над этим работают, они пишут и рефераты, и курсовые сочинения, и диссертации, и можно что-то брать готовое и как-то популяризировать их творения святых отцов. Я думаю, что это основное, а остальное, мне кажется, пока в журнале все нормально, на своем месте.

- Чего надо избегать?

- Думаю, что всяких политических тем. Задача церковной периодики - говорить о спасении души. Социально-политические темы - это нечто второстепенное, неглавное в жизни человека. Об этом и так все светские издания пишут ежедневно. Наша задача - евангелизация, от слова Евангелие - Благая Весть. В Евангелии говорится о преображении человеческой личности. Если мы хоть одному человеку поможем нашими публикациями, то, думаю, уже наша задача выполнена.

Полагаю, что тот опыт, который вы нарабатываете в журнале, надо использовать более широко: выпускать в качестве приложения книги, обсуждать методику работы с сомневающимися, с нецерковными людьми. Подобный опыт обобщения накопленного материала есть у профессора А.Л. Дворкина, занимающегося современными сектами (см. интервью с проф. Дворкиным на стр. 48 - Ред.)...

А вообще, хотелось бы пожелать редакции дальнейших успехов и расширения деятельности, потому что "жатвы много, а делателей мало" (Мф. 9, 37).

Беседовал Александр ГУРБОЛИКОВ

Владимир Гурболов. Из миссионерского дневника

Возможно, кто-нибудь вслед за писателем Розановым скажет или напишет, что не видел плачущего священника, что священники "в массе своей" не плачут... Но я не просто встречаю свидетелей этих слез - я сам ВИДЕЛ.

Впервые - в нашем храме на Прощеное воскресенье, вскоре после своего крещения.

Помню, как отец Андрей читал тогда патриаршее послание, то место, где были, кажется, слова о трудном служении священника, о его ошибках и грехах. Я все не мог понять, чего батюшка так плохо читает? Замолкает посреди фразы, стоит, переминается, молчит секунд десять, потом продолжает читать - опять с заиканием...

И вдруг я увидел, ПОЧЕМУ он так плохо читает. Все увидели... Мы все тогда плакали в разграбленном, покрытом трещинами здании старой церкви. Возможно, о том, сколько здесь (и в жизни) нужно от-

строить заново, сколько еще пережить, вместе и поодиночке...

Второй раз это было года три спустя, в совершенно другом месте.

Там настоятели менялись, потому что надрывали силы, почти в одиночку воссоздавая то, что когда-то являлось громадным храмом, и где теперь были голые стены, трубы, тусклые лампочки... и почти не находилось людей, способных оказать священникам помощь.

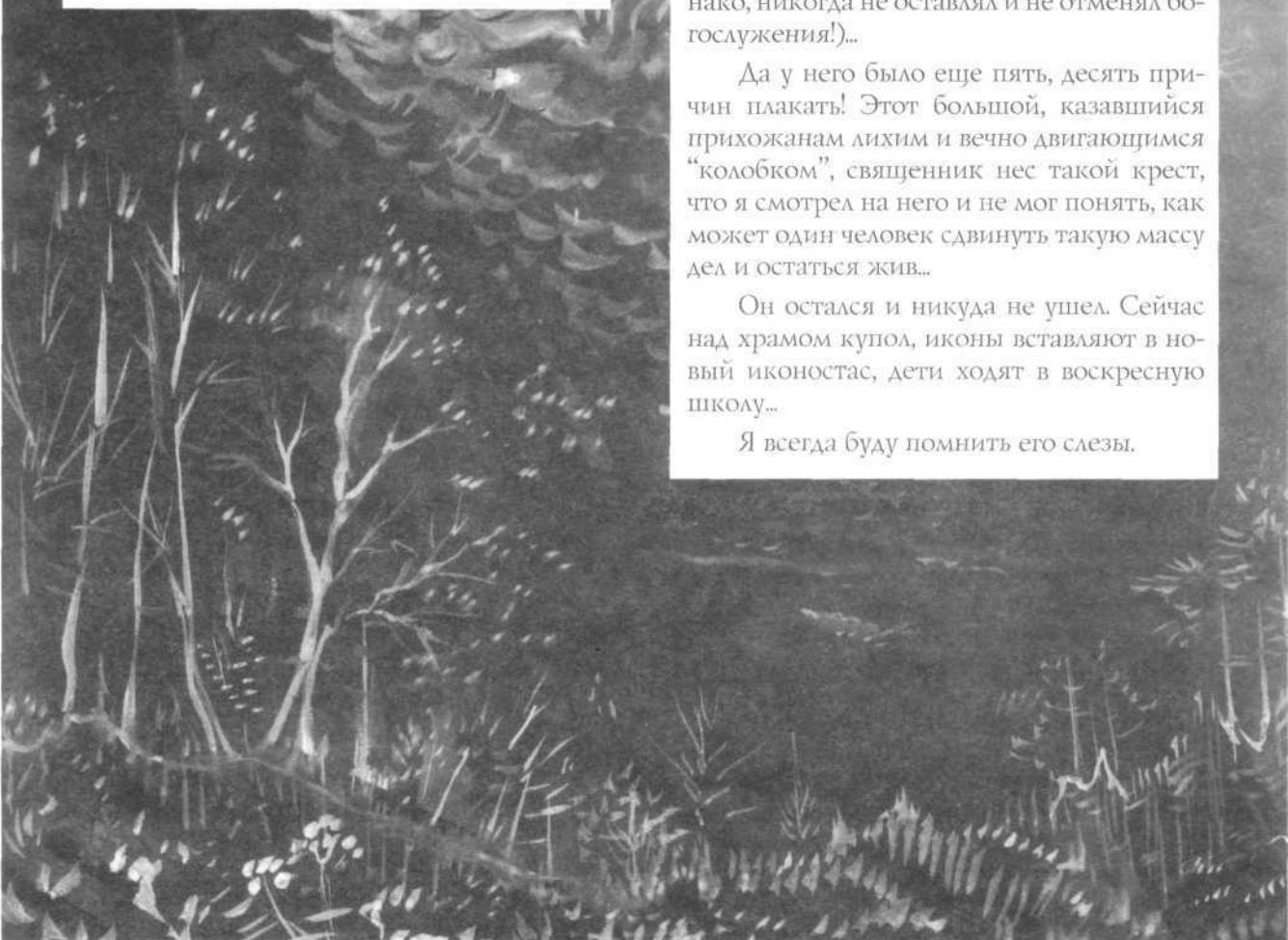
И вот, помню, как "очередной" настоятель плакал, сидя на кровати, в предназначеннной для него комнатке. Он только повторял, что я не должен брать у него благословения ("Разве можно целовать мне руку, когда я вон какой... никчёмный?").

Помощник, которому он доверился, оказался авантюристом, в "двадцатке" шли ссоры по поводу матушки (жены священника), да к тому же каждую службу его мучила боль - почечные колики (он, однако, никогда не оставлял и не отменял богослужения!..)

Да у него было еще пять, десять причин плакать! Этот большой, казавшийся прихожанам лихим и вечно двигающимся "колобком", священник нес такой крест, что я смотрел на него и не мог понять, как может один человек сдвинуть такую массу дел и остаться жив...

Он остался и никуда не ушел. Сейчас над храмом купол, иконы вставляют в новый иконостас, дети ходят в воскресную школу...

Я всегда буду помнить его слезы.

Сам запутался, но вместо того, чтобы сказать себе: "Я запутался" и искать выход, путает еще и других.

(Отчасти, о Розанове).

О романе "Братья Карамазовы": Иван (кстати, очень хороший, честный человек) страдает потому, что в жизни своей не встретил Бога. Иван - это Фома без Уверения.

"Уверенная" вера - плод духовной жизни, жизни в Церкви. Многие из нас еще только надеются, или точнее - не верят, а доверяют христианству. Продолжая ощущать себя конечными и почти лишенными знания того, что Бог воистину Живой посреди нас.

Одного слова, только одного слова иногда достаточно, чтобы человек сделал свой выбор!

Вот он впервые вошел в церковь. Он ощущает себя страшно непривычно, будто вышел перед людьми раздетый. Ему кажется, что все здесь уже давно "спелись", и ощущение того, что он натолкнулся на замкнутый мир "опытных" верующих отталкивает его, заставляет держаться ближе к дверям.

Ему так нужен сейчас человек, у которого можно спросить совета, который перевел бы его через некие узкие мостки, с берега на этот корабль (я помню, как боялся в детстве шатких мостков между причалом и кораблем, над темной водой)... Но ему кажется, что здесь до него никому нет дела.

Может быть, он дождется конца службы и разговорится с батюшкой, может, кто-то из продавцов в свечной лавке его подбодрит или кто-то из прихожан, обернувшись, просто улыбнется по-доброму - и он уже здесь, вместе с нами...

И все же - сколько людей на наших глазах уходит, не дождавшись нас... Все ли мы сделали для того, чтобы они остались?..

ФОМА

Православный журнал
для сомневающихся

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Издается коллективом редакции

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

Редакторы

Владимир ГУРБОЛИКОВ
Владимир АЕГОЙДА

Ответственный секретарь
Мария ЕГОРОВА

Главный художник

Андрей ПЕТРОВ

Компьютерная верстка

Анна БАКАНАС

Корректор

Людмила МАКАРКИНА

Мнение редакции не обязательно
совпадает с точкой зрения авторов.

Редакция будет рада перепечаткам из
“Фомы” (конечно же, со ссылкой на
наш журнал)

Рукописи не возвращаются и не
рецензируются

Ваши письма и статьи направляйте
по адресу:

113587, Москва, а/я 108

АЕГОЙДЕ

Оксане Анатольевне

Нас можно найти:

по телефону - 246-74-92;

по пейджеру - 3309494 для абонента
47265 - в любое время, а также

по телефону - 299-08-26
с 15 до 23 часов

**Журнал остро нуждается в
Вашей финансовой поддержке**

Зак. 1642

Отпечатано в Щербинской типографии
119623, г. Москва, ул. Типографская, д. 10

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

Стихотворение Булата Окуджавы

Стр.3

КАК ВЕСТИ СЕБЯ

С “НЕЛЮБИМОЙ” ЖЕНОЙ

Стр.6

Митрополит Сурожский Антоний

ВСЕ, ЧТО Я ГОВОРЮ О БОГЕ...

Стр.8

Диакон Андрей Кураев

СТРАШНЫЙ СУД

Стр. 14

Максим Яковлев

ВРЕМЯ ДОРОГИ

Стр.22

Владимир Гурболов

ИЗ МИССИОНЕРСКОГО ДНЕВНИКА

Стр.46, 60, 68,80

Александр Дворкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА В МОСКВУ

Стр.48

Александр Любимов

МОЖЕТ ЛИ ТЕЛЕВИДЕНИЕ БЫТЬ ДОБРЫМ

Стр.62

ПИСЬМО СОВРЕМЕННОГО СТАРЦА ОБ ИНН

Стр.70

Наш юбилейный опрос

Стр.72

Архиепископ Бронницкий Тихон

“ФОМА” НАШЕЛ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Стр. 79

Добро пожаловать - Microsoft Internet Explorer

Файл Правка Веб Инструменты Сервис Помощь

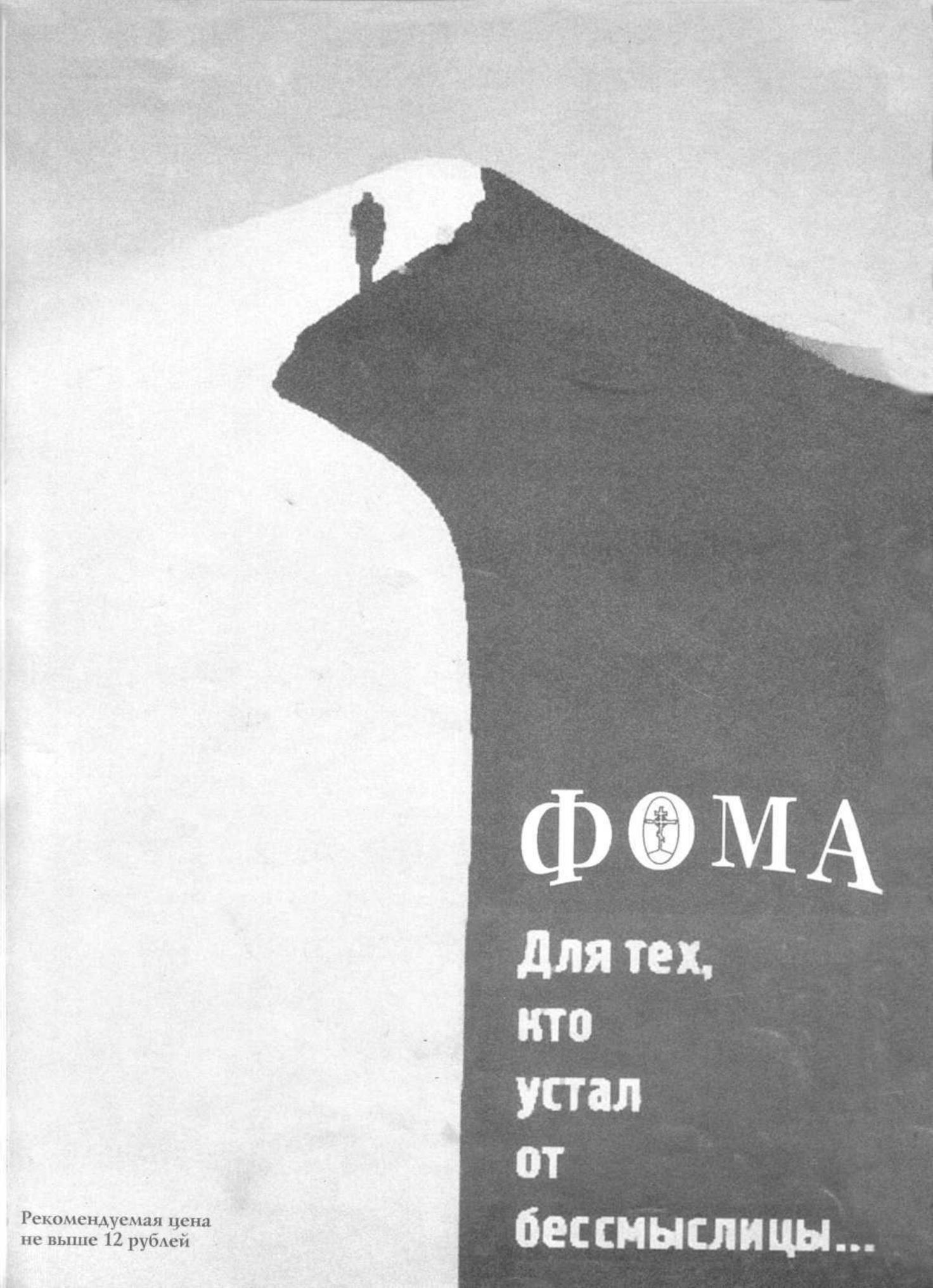
Главное Журнал Литфонд **ФОМА** Галерея Вопросы Письма

→

Знакомство | Архив журнала: №1 | №2 | №3 | №4 | №5 | №6 | №7 | №8 | №9 | English
Ссылки | Альманах библио-фильм | Литфонд | Подписка | Вопросы и ответы | Книги
Наш вебсайт: <http://www.fomacenter.ru>
Наш E-mail: foma@fomacenter.ru

**Тема месяца:
Почему существует ад**

Обновления:
В конце ноября должна выйти в свет новая книга Максима Яковleva "Время дороги – Записки экспедиции церкви и литературы".

ФОМА

Для тех,
кто
устал
от
бессмыслицы...

Рекомендуемая цена
не выше 12 рублей